

РАЗДЕЛ I

ЧТО СТОИТ ЗА СПАДОМ МИГРАЦИЙ?

РАЗВИТИЕ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В 1990-е гг. ВЗГЛЯД «СВЕРХУ»

Статистический «срез»

В результате многочисленных волн добровольной, вынужденной и принудительной миграции, начавшейся еще в середине XIX в., доля русских в населении Киргизии достигла к 1959 г. весьма внушительных значений (30,2%), уступая, кроме самой России, лишь Казахстану¹. С учетом всех тех, кого мы называем русскоязычными, доля пришлых, неавтохтонных для центральноазиатского региона этнических групп была еще выше.

В дальнейшем динамика удельного веса русскоязычных в населении страны характеризовалась, как и всюду в регионе, сначала медленным снижением, а затем, после распада СССР и образования новых независимых государств, стремительным падением. Причиной были закономерности как узкодемографического, так и глобально-исторического плана: все явственнее дающий о себе знать более высокий естественный прирост титульного населения центрально-азиатских стран вкупе с переломом в действующей на протяжении нескольких столетий экспансионистской, «осваивающей» тенденции развития российской цивилизации. Впрочем, последнее, в русле нередкого в нашей науке этноцентристского толкования социальных и исторических процессов, рассматривалось как новый этап в развитии русского этноса. По словам Ирины Субботиной, например, «80-е годы явились тем временным рубежом, когда характерная для истории русских инерция движения, “растекания” по территории страны уменьшилась, наступил момент относительного покоя, перелома, после которого зародилось и стало набирать силу противоположное по направлению движение — центростремительное, “собирающее”»².

На общие закономерности накладывала свой отпечаток и специфика каждой из стран региона — исторические параметры колонизации той или иной территории, сложившаяся этносоциальная и профессиональная структура ее населения, а после распада СССР — еще и особенности становления новых национализирующихся государств, модели реформирования их экономик, градус шовинистических настроений и многое другое, определяющее ту или иную степень недовольства русскоязычных и, соответственно, их миграционной активности.

К моменту проведения Всесоюзной переписи 1989 г. доля русских в общей численности населения Киргизии уменьшилась до 21,5%³;

снижение же абсолютного их количества стало здесь заметным позже, чем у соседей по региону, несмотря на начавший постепенно нарастать (примерно с середины 1980-х гг.) миграционный отток русских и русскоязычных. По данным переписи, в 1989 г. в Киргизии проживало 916,5 тыс. русских, а следующими по численности из крупных «европейских» этнических групп шли украинцы (108,0 тыс. человек), немцы (101,3) и татары (70,1)⁴.

Резкая активизация миграций после распада СССР не обошла стороной и Киргизию, провозгласившую свою независимость 31 августа 1991 г. Если в 1990 и 1991 гг. в Россию отсюда переехало примерно одинаковое число русскоязычных — 39,0 и 33,7 тыс. соответственно (по данным Госкомстата), то 1992 г. характеризовался скачкообразным ростом выезда — 62,8 тыс. (реакция на новый, независимый статус государства и на сопровождающие эти перемены обострение межгрупповой напряженности, экономический кризис и нарастание тревожной неопределенности по поводу своего будущего в республике). Следующий, 1993 г., стал «пиковым» по масштабам эмиграции — только в Россию выехало 96,8 тыс. человек⁵. Судя по мнению экспертов и по моим собственным наблюдениям (весь май 1993 г. я провела в Киргизии, занимаясь полевыми исследованиями в Иссык-Кульской области), дополнительным стимулом для принятия решения о выезде из страны стало для русскоязычных вступление в силу 5 мая 1993 г. Конституции Киргизской Республики, в которой русскому языку было отказано в каком-либо официальном статусе.

Однако уже со следующего года обозначился резкий спад (66,5 тыс. прибывших в Россию в 1994 г. и лишь 27,8 тыс. в 1995 г.)⁶, продолжавшийся до 1998 г., после чего процесс начал обнаруживать признаки стабилизации на уровне примерно в 10–11 тыс. переселенцев в год (с чистым оттоком еще меньших масштабов)⁷. 2000 г. принес некоторое оживление миграционной активности — в Россию прибыло около 15,5 тыс. человек⁸, что объясняется, на мой взгляд, в основном **внешними** по отношению к Киргизии обстоятельствами (подр. см. гл. 5 данного раздела), а затем ситуация вернулась к прежним и даже более низкими параметрам⁹.

Динамика миграционного обмена Киргизии с Россией полностью находится в русле общих тенденций, характерных для соседей по региону (см. рис. 1) и всех постсоветских стран: резкое нарастание въезда в Россию до середины 1990-х гг., с последующим радикальным сокращением. При этом эмиграция в ближнее зарубежье падала быстрее, чем иммиграция. Как пишут авторы ежегодного демографического доклада «Население России 2001», «абсолютно все страны, независимо от того, были или нет на их территории вооруженные конфликты, независимо также от доли русских в их населении, равно как и от

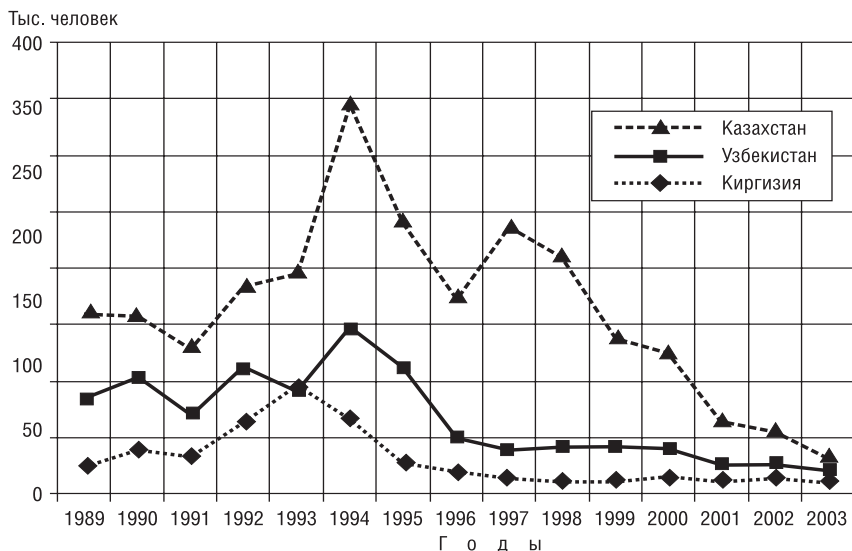

Рис. 1. Динамика выезда в Россию русскоязычных из Казахстана, Узбекистана и Киргизии, 1989–2003 гг.

политических режимов, демонстрируют сходные, в основном нисходящие тренды в миграционных связях с Россией»¹⁰.

Интересно, что обвальная миграция из бывших союзных республик в первые постсоветские годы и вызвавшие ее негативные сдвиги в положении русскоязычных заволаживающе подействовали не только на политиков и журналистов, посчитавших подобный сценарий единственно возможным и долговременным, но и на ученых, причем даже тех из них, кто привык опираться на факты. Так, например, по прогнозу высокопрофессиональных экспертов Центра демографии и экологии человека (ЦДЭЧ), в 2000 и 2005 гг. чистая миграция в нашу страну должна была сохраниться на уровне около 500 тыс. человек (верхний вариант) и, соответственно, 373 тыс. и 313 тыс. (нижний)¹¹. Комментируя данный прогноз в контексте ситуации 1994–1995 гг., когда чистый миграционный прирост России составлял в год 0,8 млн. человек, его авторы назвали такую величину «необычно большой». И далее: «В этом можно усматривать проявление нынешнего социально-политического кризиса и связывать преодоление этого кризиса с сокращением объемов чистой миграции до уровня 80-х годов. Но в свете новых демографических и политических реалий будущее внешних миграций можно видеть и по-иному, рассматривать значительный приток населения в Россию не как временное кризисное явление, а как нормальный, долговременный, постоянно действующий фактор»¹².

Находясь уже в реалиях начала XXI в., следует признать, что пять-семь лет назад было крайне сложно предвидеть, как ляжет миграционная «фишка» под влиянием множества разнонаправленных факторов, в том числе и тех, о появлении которых никто и в страшном сне не мог подумать (например, события 11 сентября 2001 г. и их следствия общемирового, регионального и странового уровня). Постоянно отслеживая ситуацию на конкретных данных, эксперты ЦДЭЧ в последних демографических докладах уже не только фиксируют устойчивый спад миграции в Россию, которая во многом является, по терминологии этих авторов, «репатриацией русских» (по сути, речь идет о русскоязычных), но и дают явлению вполне сбалансированное объяснение. «Виновата» не только Россия, отпугивающая потенциальных переселенцев, но и позитивные изменения на полюсе выезда. Уже в докладе 1999 г. отмечено, что «...влияние на миграции стрессовых факторов ослабло, в то время как другие стимулы не появились»¹³. Правда, далее в том же докладе ситуация в странах выхода характеризуется вполне традиционно; говорится о «сложном положении русских» (почему только русских?), о том, что их репатриация «в основном происходит под влиянием этнической дискриминации или нарушения прав человека»¹⁴.

Однако двумя годами позже дается оценка, которая, если несколько забежать вперед, явно выбивается из общей тональности большинства российских публикаций по проблеме «соотечественников». Фиксируются две стороны процесса: неблагоприятная обстановка в самой России и «...улучшение общей ситуации в других постсоветских странах (прекращение военных действий во всех зонах вооруженных конфликтов, экономический рост, **спад националистических настроений, постепенная адаптация населения к новым условиям**) [выделено мной — Н. К.]»¹⁵. И далее — о «русской репатриации», хотя это утверждение, безусловно, касается всех русскоязычных ближнего зарубежья: «...многие страны СНГ все более ощущают последствия потерь интеллектуального потенциала и квалифицированной рабочей силы и, чтобы воспрепятствовать этому, постепенно расширяют сферу употребления русского языка, облегчают доступ к российским информационным каналам, идут на уступки в вопросах определения гражданства, а обогнавшийся в большинстве стран выход из экономического кризиса создает лучшие условия для трудоустройства»¹⁶.

Если вернуться к миграционным трендам 1990-х гг., общность их направленности сочетается, как уже указывалось, с заметной страновой спецификой. Так, сравнение графиков выезда из Казахстана, Узбекистана и Киргизии — трех стран региона, где проживает значительное по численности русскоязычное население (см. рис. 1), показывает, что период стабилизации начался в двух последних уже довольно давно

(в 1996 г.), а в Казахстане эта фаза, при очень резком падении последних лет, возможно, еще не наступила. Обращает на себя внимание и то, что при сопоставимой исходной численности русскоязычных в Узбекистане и Киргизии перед распадом СССР, выезд из последней все постсоветские годы был существенно ниже по абсолютным значениям (кроме 1993 г.). Наконец, Киргизию выгодно отличает и следующее обстоятельство: в 1990-е гг. она продемонстрировала очень высокую скорость падения миграционной активности «европейских» этнических групп. Так, в Узбекистане масштабы выезда сократились с 1994 г. (пика миграционной активности) до 2002 г. в 5,9 раз; в Казахстане в этот же период — в 6,2 раза. В Киргизии сопоставимое падение (в 7 раз) произошло не за восемь лет, а всего за четыре года (1993–1997 гг.).

В целом же потери в численности «европейцев» оказались в Киргизии весьма значительными (а если взять отдельные этнические группы, например, немцев, то просто колоссальными). Однако проживающее там русскоязычное население все еще остается одной из крупных общностей такого типа в Центральной Азии, третьей по численности после Казахстана и Узбекистана. По результатам Первой национальной переписи населения (март 1999 г.) в стране насчитывалось около 788 тыс. русскоязычных, из них 603 тыс. русских¹⁷.

Тут, коль речь идет о демографической статистике, хотелось бы остановиться на проблеме ее достоверности и особенностях учета. Все приведенные выше данные о миграционном обмене между Россией и бывшими республиками взяты из регулярно публикуемых материалов Госкомстата. Я сочла более надежным пользоваться постоянно одним и тем же источником, а не «перемешивать», к примеру, российские данные с киргизстанскими, хотя при этом масштабы выезда из Киргизии неизбежно несколько занижаются, ведь люди переселялись и на Украину, и в Белоруссию, и в страны дальнего зарубежья (но зато, по мнению специалистов по миграции, «традиционно выбытия учитываются хуже, чем прибытия»¹⁸).

Надо также иметь в виду, что статистика миграций во всех постсоветских странах, как это было и в СССР, фиксирует лишь регистрируемые потоки, т. е. основана на сведениях, предоставляемых мигрантами при выписке с одного места жительства и прописке в другом (пусть сейчас это называется регистрацией). Другой вопрос, что во времена СССР все передвижения внутри страны жестко контролировались, не говоря уж пересечении границ, поэтому такого явления, как временное пребывание на территории страны миллионов никак не учтенных людей, попросту не существовало. Сейчас оно существует и, увы, оценить его масштабы чрезвычайно трудно. Не идеальна и статистика регистрируемых миграций, т. е. учет прибывающих и убывающих на постоянное место жительства. Многое зависит от жизненных обстоя-

тельств людей и от мягкости/жесткости правил регистрации в той или иной местности. По этой причине, как пишут эксперты ЦДЭЧ, «миграционная статистика более или менее точно отражает тенденции, в то время как числовые значения не стоит абсолютизировать»¹⁹. Но все же, коль речь идет именно о русскоязычных, переселяющихся в Россию для постоянного проживания, они как раз представляют ту группу въезжающих, которая заинтересована в своей скорейшей легализации, и погрешность, связанную с недобросовестностью самих мигрантов, видимо, можно считать незначительной.

Таким образом, текущий статистический учет механического движения населения в условиях фактически открытых границ между странами СНГ и отсутствия прежнего тотального контроля грешит многими недостатками, причем это касается России не в меньшей степени, чем других бывших республик²⁰. В сочетании с объективными трудностями учета рождений и смертей (проблемы финансового обеспечения, кадров и пр.), имеющиеся данные о национальном составе населения той или иной страны, в том числе и о количестве там русских и других представителей русскоязычных, также не являются вполне точными. Дать более достоверную картину могут новые переписи населения, которые прошли в большинстве стран ближнего зарубежья в конце 1990-х — начале 2000-х гг. (в частности, в Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Украине, Латвии, Эстонии, Литве, Белоруссии, Азербайджане). Именно по критерию прохождения переписи следует в первую очередь оценивать качество имеющейся в той или иной стране демографической статистики (и тут нет принципиальных различий между Россией и другими новыми государствами), а не по степени «злонамеренности» того или иного режима.

Между тем в СМИ проблема зачастую политизируется и драматизируется без веских на то оснований, как, впрочем, и многое другое, связанное с «соотечественниками». Например, Наталья Арт, сетуя на отсутствие точных данных о численности русских, проживающих в начале нового века в ближнем зарубежье, видит причину в том, что «статистике бывших республик полностью доверять, к сожалению, нельзя, поскольку даже количество русских там может меняться в зависимости от политической конъюнктуры (дружит в данный момент лидер данной страны с Россией или, наоборот, “дружит” против нее)»²¹. Сказано хлестко, но для специалиста не очень убедительно.

Повторюсь, статистике **всех** постсоветских государств, не прошедших через перепись (а они уже в подавляющем меньшинстве), «полностью доверять нельзя», включая и Россию до полномасштабной публикации результатов переписи 2002 г.²² Если взять Киргизию, где перепись уже давно состоялась, причем в ней были активно задействованы и западные кредиты, и западные специалисты, крупные подта-

совки результатов представляются маловероятными — другой вопрос, что некоторые сведения по политико-экономическим соображениям не публиковались в открытой печати, но к национальной структуре населения (включая возрастной, образовательный и региональный разрез) это не относится.

В Киргизии численность русских оказалась равной (по состоянию на март 1999 г.) 603 тыс. человек. При сопоставлении ее с российскими и киргизстанскими данными механического и естественного движения населения страны за последнее десятилетие (при всех их недостатках), цифра представляется мне вполне правдоподобной. Неясно поэтому, откуда журналистка, приводя данные о численности русских во всех новых независимых государствах, собранные МИДом России (хотя ведение статистического учета отнюдь не является обязанностью этой организации, а данные большинства переписей вполне доступны, например, в Интернете), взяла для Киргизии цифру в 650 тыс. человек. Если речь идет о русских, то она завышена; если о русскоязычных, то сильно занижена²³.

Да, я согласна с Н. Арт, что «мы сегодня имеем весьма расплывчатую статистику...», добавлю: в первую очередь в странах, где не прошли всеобщие переписи населения. Однако никак не могу согласиться с приписыванием статистике не совершаемых ею грехов. Продолжу цитату: «...в которой четко прослеживается только одна тенденция — ассимиляция русских и причисление их то к “русскоязычным”, то к “этническим россиянам”, то к “соотечественникам”»²⁴. Учет национального состава мигрантов, например, осуществляется по паспортам, с их пресловутым «пятым пунктом» (если он имеется), а в ходе переписей национальность обычно записывается со слов самого человека. Так что не отвечает и не может отвечать статистика за термины, придумываемые политиками, журналистами и учеными (и не в последнюю очередь российскими!) в ходе интерпретации ими тех или иных количественных данных. Как раз наоборот (об этом упоминалось во введении): элиты национализирующихся государств, в лице соответствующих учетных органов, заинтересованы в фиксации именно столь милых сердцу журналистки «этнических русских», не смешивая их ни с кем и преуменьшая таким образом численность социокультурно близких друг другу русскоязычных.

И последнее в этой связи замечание. Рассуждая о причинах плохой фактологической базы, Н. Арт несправедливо обвиняет не только статистику, но и российских ученых (причем в данном случае безапелляционно и с претензией на достоверное знание ситуации). Так, она пишет: «...наши научные учреждения, которые занимаются этими проблемами [положением русскоязычных в СНГ и Балтии. — Н. К.] не всегда имеют доступ (и соответствующее финансовое обеспечение)

к данной “теме” на территории нового зарубежья, а если имеют, то выполняют подобные исследования на западные гранты, после чего, **разумеется** [выделено мной. — Н. К.], вся фактура (вместе с аналитикой и политическими выводами) становится эксклюзивным достоянием западных коллег»²⁵. Боюсь, в данном случае за многозначительным «разумеется» скрывается элементарная некомпетентность и предвзятость. Достаточно просто полистать изданные за последнее десятилетие в России книги по интересующей нас теме, вполне доступные и специалистам, и широкому читателю, чтобы убедиться, что они состоялись в основном благодаря западным грантам, как и предвещающие появление этих монографий и сборников полевые исследования. Аналогично, книга, которую читатель держит в руках, а равно и несколько десятков предшествующих ей моих публикаций на русском языке, тоже не являются ничьим «эксклюзивным достоянием», хотя возможностью провести многочисленные экспедиции в различных странах Центральной Азии и в России, техническим оснащением моей работы; наконец, изданием книги на высоком полиграфическом уровне — всему этому на 80% я обязана именно поддержке западных фондов.

Закончится ли «постсоветский кошмар»? «Мигранционисты» против «интеграционистов»

Представив статистический «срез» развития миграционной ситуации на постсоветском пространстве (и в Центральной Азии, в частности), посмотрим теперь, как она интерпретируется «сверху» — интересующимися проблемой «соотечественников» СМИ, политиками и, главное, академическим сообществом. Во введении их позиция была обрисована в общих чертах, теперь же посмотрим поближе на конкретные аргументы (приведа в ответ свои), тональность высказываний и состав участников дискуссии.

О преимущественном интересе прессы именно к миграции и положению мигрантов и о преобладании политического подхода к этим сюжетам в первой половине 1990-х гг. красноречиво свидетельствуют, например, результаты контент-анализа ряда российских центральных и региональных изданий, предпринятого английской исследовательницей Хилари Пилкингтон. По ее мнению, «начиная с 1991 г., проблема вынужденной миграции и притока беженцев находила свое отражение в российской прессе как преимущественно политическая, а не социальная, экономическая, правовая или гуманитарная... из всех 325 проанализированных нами материалов 1994 г. 85% составляли статьи, в которых речь шла о том, как и почему ситуация в той или иной республике становилась стимулом к миграции»²⁶.

Следя за более поздними публикациями, в частности, в авторитетной «Независимой газете», из всех российских изданий уделявшей, пожалуй, самое большое внимание проблемам русскоязычных (в период «редакторства» Виталия Третьякова), могу констатировать сохранение отмеченной тенденции — и по тематике, и по тональности. Хотя еще с 1995 г. обозначился существенный спад в масштабах переселения в Россию, «редкие, но меткие» высказывания на эту тему в СМИ до самого недавнего времени отличались миграционным алармизмом, способствуя нагнетанию страстей. Один из примеров — статья в журнале «Итоги» от 4 ноября 1997 г. «Унесенные ветром», с будоражающим воображение подзаголовком «В Россию хлынул поток вынужденных мигрантов». На самом же деле поток уже в то время не «хлынул», а «отхлынул». Сошлюсь также на более поздний материал из обширной подборки, посвященной обустройству мигрантов, автор которого приходит к тому же невеселому выводу: «...в России сегодня, по разным данным, вынужденных переселенцев от 4 до 5 млн. И не похоже, что поток их ослабевает»²⁷. Кстати, характерна и «шапка», объединяющая всю эту подборку — «Вся Россия стала огромным лагерем для беженцев».

Подобные, мягко говоря, «неточности» в общедоступных изданиях, на мой взгляд, социально небезобидны (тем более при возможном тиражировании их региональной прессой), поскольку они еще больше «взбадривают» общественное мнение, все постсоветские годы принимающее переселенцев без всякого энтузиазма. И речь идет не столько о локальных трениях и конфликтах, сколько об отрицательном отношении к переселенцам вообще²⁸, которые, плюс ко всему, ни по существу законодательству, ни по сути беженцами обычно не являются²⁹.

Симптоматичен материал о работе международной научной конференции «Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии» (Алма-Ата, ноябрь 1997 г.), где «периодически возникавший вопрос о том, обратим ли процесс миграции из региона, тонул в мрачных комментариях»³⁰. По мнению автора обзора (и вряд ли он сильно исказил атмосферу, царящую на конференции), наиболее емким был следующий ответ на этот вопрос: «Миграция успела набрать такой кумулятивный эффект, что остановить ее невозможно — она будет “катиться” все дальше». Как минимум, тут вызывает возражения смысловой словесный ряд, создающий ощущение безысходности. Вопрос же об обратимости миграций русскоязычных из стран СНГ является риторическим; они необратимы, по крайней мере, в свершившихся масштабах, как необратима и сама история, и задумываться нужно о реалистических оценках настоящих и будущих параметров процесса и о возможностях воздействия на него.

К концу 1990-х гг. и особенно к началу нового века спад миграций стал столь же «обвальным», каким был ранее их подъем. И все же оценки опять давались самые драматические. Известная журналистка и правозащитница Лидия Графова, например, так начала свою статью с симптоматичным названием «Взорвет ли миграция Россию?»: «Десять лет захлестывает Россию миграционный шторм...»³¹. Миграционную ситуацию того периода она все еще называла «взрывной». В статье также цитировался проект «Концепции государственной миграционной политики России», который обсуждался на Парламентских слушаниях в Государственной Думе 16 сентября 1999 г.: «Миграционный потенциал в странах СНГ и Балтии в настоящее время остается значительным — оценочно около 20 млн. человек» (по сути, анонимными авторами документа предрекается тотальный выезд русскоязычных — есть чего испугаться российскому обывателю, который, правда, в массе своей таких документов не читает). Для сравнения — оценка потенциала «русской репатриации» в Россию, на Украину и в Белоруссию экспертами Центра демографии и экологии человека — «примерно 4 млн. человек, из них на долю России можно отнести 3—3,5 млн. Половина потенциала приходится на Казахстан»³².

Справедливости ради надо отметить, что далее в своей статье Л. Графова пишет: «Кстати, миграция в последнее время в самом деле уменьшилась», но объяснение дает традиционно одностороннее, связанное с ситуацией на полюсе въезда: «поняли наши соотечественники, каково это — попасть в холодные объятия России».

В самые последние годы дискуссия о судьбах русскоязычных постепенно переместилась в сетевые издания, будучи вытесненной со страниц ведущих печатных СМИ другими политическим и социальными приоритетами. Но тональность дискуссии мало изменилась. Например, в ходе передачи, организованной «Радио Свобода» и названной «Миграция русских из Центральной Азии растет» (25 апреля 2002 г.), журналист из Москвы Юрий Егоров заявил: «...именно из этих стран [Центральной Азии. — *Н. К.*] идет мощнейший поток мигрантов»³³. Хочу подчеркнуть — никто и не отрицает наличие среди части русскоязычного населения изучаемых стран миграционных настроений, которые, впрочем, даже в самые тяжелые годы не были тотальными и заметно варьируют во времени и пространстве. Об этом нужно говорить, это нужно изучать, но зачем же идти против фактов?

Время от времени от ожидающих «девятого вала миграции» совершенно незаслуженно достается и отдельным странам, причем остается только гадать, чего больше в таких оценках — определенного умысла или банальной некомпетентности? Так, в статье двух депутатов ГД России утверждается, что «в 1999 г. в числе лидеров по количеству репатриантов в Россию оказалась Киргизия» (???)³⁴. Замечу, что

«лидером» Киргизия в принципе быть не может, разве что в случае все-ленского катаклизма; даже в пик выезда из нее в 1993 г. первенство оставалось за Казахстаном просто в силу демографической массы тамошних русскоязычных. По этой причине, кстати, постоянно на порядок отличающиеся цифры выезда из Казахстана и, скажем, из Киргизии или Узбекистана отнюдь не говорят сами по себе, что положение русскоязычных в Казахстане заведомо хуже, чем в странах-соседях (та же Л. Графова, упрекая российские власти в бездействии, пишет «о „дружественном“ Казахстане, откуда идет самый массовый вал миграции...»³⁵). Вот что писали об отмеченной специфике Казахстана эксперты ЦДЭЧ: «Скорость выезда русских из Казахстана, по сравнению с другими республиками, по-прежнему остается самой низкой (4% в 1994 г.). Однако даже сравнительно небольшое ее ускорение в 1994 г. привело к значительному увеличению абсолютных размеров оттока из Казахстана из-за большой численности живущих там русских»³⁶.

В 2000 г. Наталья Айрапетова, вроде бы достаточно информированный обозреватель, воспроизвела в одной из своих статей без каких-либо комментариев письмо неких уральских казаков из Западно-Казахстанской области Казахстана, утверждающих, что, «по прогнозам наблюдателей, отток в 2000 г. составит 500–700 тысяч человек»³⁷. Цифра совершенно фантастическая, даже для периода обвальной миграции; кстати, в 2000 г. из Казахстана в Россию прибыло 124,9 тыс. человек³⁸. Интересно, какие «наблюдатели» давали подобный «прогноз» — возможно, те, кто консультировал еще одного автора «Независимой газеты», написавшего о России, наверное, из самых лучших побуждений, следующее: «Со своим 150-миллионным населением в пределах своих границ и еще почти 100 миллионами русских в близлежащих странах СНГ и Балтии [выделено мной. — Н. К.], она являет собой серьезную фигуру в мировом масштабе...»³⁹, и т. д.

В уже упомянутой дискуссии, размещенной на сайте Информационного агентства Фергана. ру, корреспондент «Радио Свобода» в Казахстане Сергей Козлов проинформировал слушателей (и многочисленных посетителей популярного сайта), что «миграция русских пережила два пиковых года — 1994 и 2001. Оба этих года сопоставимы по числу выехавших в Россию этнических русских, когда в каждый из этих периодов выезжало по 220 тысяч человек». Разделяю озабоченность автора проблемой выезда из Казахстана квалифицированных кадров, но зачем же так вольно обращаться с цифрами? Миграция в 1994 г. действительно была «пиковой» (около 346 тыс. человек), а в 2001 г. в Россию прибыло из Казахстана примерно 65 тыс. человек («этнических русских» и того меньше). Где же «два пиковых года»? Никак не получается, даже если вспомнить об упоминавшемся выше недоучете российской статистикой мигрантов из Казахстана именно в 2001 г.

Судя по всему, автор стремится создать впечатление, что ситуация к лучшему никак не меняется (и он в этом стремлении не одинок), причем явным диссонансом звучат приводимые далее в его выступлении слова руководителя «русской общины» Юрия Бунакова: «Сейчас положение русских в Казахстане даже лучше, чем в России».

В рамках той же сетевой дискуссии не обошли вниманием и ситуацию в Киргизии. Юрий Егоров, который, кстати, участвовал в разговоре из Москвы (отсюда возникает вопрос: насколько хорошо он информирован?), привел, в частности, следующие цифры. «В Бишкекское представительство Миграционной службы России обратилось желающих выехать на постоянное место жительства: в 1998 году — 7200, в 1999-м — 47 200, в 2000-м — 161 300 человек». Для человека непосвященного динамика ужасающая, а если на месте этого человека окажется, скажем, депутат Думы, ответственный за «работу с соотечественниками», то впору посла Киргизии на ковер вызывать или требовать отчет с правительства — как довели до такого?

Видимо, в представительство в последние годы действительно стали обращаться более активно, что вызвано не только причинами, несколько оживившими миграцию, в частности, в 2000 г., но и тем, что постепенно растет информированность населения об этом учреждении и его возможностях. Но не до такой же степени... У меня названные цифры доверия не вызывают, и не только потому, что они кардинально отличаются от реальной картины выезда в соответствующие годы. Мы явно имеем дело или с ошибкой, или с мистификацией, да еще сопровождающейся неточными формулировками.

Насколько я могу судить, речь идет о людях, которые приходят либо за консультацией по конкретным вопросам обустройства в России, либо с целью подать ходатайство о получении статуса добровольного переселенца⁴⁰, а не просто сообщить сотрудникам о своем «желании выехать в Россию». Вряд ли на это кто-то будет тратить свое время и деньги на дорогу. Так что тут мы имеем дело не с абстрактными миграционными намерениями. Таких людей, которые «хотели бы уехать, но...», действительно немало, о чем свидетельствуют в том числе и мои опросы (см. ниже). Однако в анализируемой передаче эту еще не определившуюся массу, как мне кажется, явно хотели выдать за людей, близких к стадии упаковки чемоданов. Во время экспедиций в Киргизию в 1998 и 1999 г. я неоднократно посещала представительство ФМС, брала интервью у его главы Василия Остапчука, его заместителя Бориса Ассаулюка. И в моем распоряжении оказались совершенно иные данные. Так, например, во время беседы с ними 3 сентября 1998 г. было сказано, что с начала работы миссии, т. е. за шесть месяцев 1998 г., туда за консультацией по выезду в Россию обратилось 1045 человек. Что касается 1999 г., то в интервью корреспонденту газеты

«Вечерний Бишкек» В. Остапчук отметил, что за первые шесть месяцев «...на историческую родину вернулись 772 этнических россиянина. Еще две с половиной тысячи подали на переезд соответствующие документы»⁴¹. В том же году, 2 сентября, во время очередного визита в представительство, один из сотрудников, по просьбе Б. Ассаулюка, подсчитал для меня на листке бумаги число обратившихся туда в течение восьми месяцев 1999 г. — 1656 ходатайств и 691 разрешение на выезд. Между газетной и имеющейся у меня версией имеются расхождения — возможно, сотрудник что-то упустил, но эти цифры находятся в пределах одного качества. Да, за каждым обратившимся стоит семья и потому реальное число планирующих выезд посетителей в несколько раз выше. Но в любом случае приведенные данные являют собой вопиющий контраст с информацией, озвученной на сайте Фергана.ру. Да и возможность принять за год более 160 тыс. человек, слабыми кадровыми силами (прием ведут глава миссии и его заместитель), в небольшом помещении с очень тесным двориком, представляется мне маловероятной, даже если весь штат больше ничем не занимался и работал без выходных.

Пожалуй, наиболее образно и точно восприятие проблемы «соотечественников» прессой (и формируемым ею общественным мнением) выражено в маленькой аннотации на монографию «В движении добровольном и вынужденном», помещенной в приложении к «Независимой газете» НГ EX LIBRIS в 2000 г. Безымянный автор, не потрудившись внимательно ознакомиться с книгой, написанной в конструктивно-сбалансированном, а отнюдь не в алармистском духе, озаглавил свою заметку «Постсоветский кошмар». Тематика же книги представлена читателю с помощью пропагандистских клише недавних времен: «Чуть ли не главный кошмар постсоветского периода — вынужденная миграция миллионов людей, которых этнические конфликты, новые политические условия, войны, голод и нищета заставляют бросить родину и искать пристанища за рубежом»⁴².

Неоправданно панические настроения при анализе условий жизни русскоязычных в новом зарубежье и перспектив их исхода не обошли и ученых⁴³, сама миссия которых, по определению, требует максимума объективности и минимума эмоций при рассмотрении любой проблемы, сколь бы политически «чувствительной» она ни была. Читая, к примеру, вполне деловую и информационно насыщенную статью известного историка Николая Бугая (1999 г.) о создании в системе Министерства национальной политики департамента этнических проблем русского народа, натываешься на такую фразу: «**Сегодня, в условиях непрекращающегося экстремизма** [выделено мной. — Н. К.], русские вынуждены покидать республики и переселяться в РФ. В стране появилось большое количество беженцев и вынужденных

переселенцев из числа русских...», и т. д., и т. п.⁴⁴ А ведь писались эти строки отнюдь не в 1993 г...

Другой яркий пример — упоминавшаяся во введении большая статья о проблемах разделенного «русского народа», написанная коллективом авторов из Центра региональной политики развития образования и Института стран СНГ. Изложенные в ней рекомендации резко контрастируют по тону со взвинченностью «политической» преамбулы: «соотечественники» характеризуются там как «самая униженная и бесправная, самая гонимая часть населения на территории СНГ», где «каждая из русских диаспор находится в состоянии локальной войны, которую она вынуждена вести за свое выживание». И далее: «Пример мужественной борьбы русских диаспор, выживающих в жесточайших условиях, свидетельствует о том, что русский народ не потерял еще свою пассионарность и свое национальное самосознание. Однако все это проявляется сегодня, к сожалению, лишь там, где нормальная жизнь стала для русского человека уже почти невозможной»⁴⁵.

Поскольку книга посвящена Киргизии, уместным будет упомянуть и о необоснованно паническом прогнозе политолога Григория Пядухова, опубликованном, кстати, в сборнике материалов все той же алма-атинской конференции: «...при развитии событий по одному из этих сценариев удельный вес самой крупной группы нетитульного населения Киргизии — русских, учитывая темпы их миграции и показатели депопуляции, через 15 лет приблизится к нулевой отметке»⁴⁶.

Да, «показатели депопуляции» — величина инерционная, но на каком основании существующие в первой половине 1990-х гг. темпы миграции русскоязычных проецируются на будущее? Далее, если смотреть на положение дел из того же 1997 г., даже в случае реализации отнюдь не катастрофических сценариев, упомянутых Г. Пядуховым (президентские выборы 2000 г., приближающаяся в стране смена поколений элит и ослабление роли России как гегемона интеграции в рамках СНГ), трудно было себе представить, что более 750 тыс. русскоязычных через 15 лет исчезнут с лица киргизской земли. Двигаясь же вперед по временной оси, мы увидим, что два из трех названных автором неблагоприятных «сценариев» уже не состоялись — об этом свидетельствуют исход президентских выборов 2000 г. в Киргизии и повышение роли России в Центральной Азии в период президентства Владимира Путина. Что касается третьего, спровоцированный «мартовской революцией» 2005 г. отказ Аскара Акаева от своих полномочий и последующие события отнюдь не означали «смену поколений элит» в Киргизии. Замечу в скобках, существуют сценарии развития событий, действительно способные сильно стимулировать выезд, причем не только русскоязычных, но и киргизов, но мы сейчас оцениваем высказывания экспертов, а не ситуацию как таковую.

Субъективизм и пессимизм «миграционистов», в сравнении с тем, как взвешенно можно оценивать те же самые явления, напоминают притчу о наполовину полном и наполовину пустом стакане. Посмотрим, например, как начинаются две следующие друг за другом в одном сборнике статьи о миграционной ситуации на постсоветском пространстве, принадлежащие перу авторов из разных «лагерей» (сборник вышел в 1999 г.). Галина Витковская пишет: «Вот уже десять лет миграционные потоки между республиками бывшего СССР привлекают повышенное внимание ученых и политиков многих стран. Для этого есть все основания. Очень велики масштабы потоков, а их характер далек от обычных традиционных перемещений населения. **Несмотря на некоторое статистическое затухание этого процесса, перспективы его развития еще значительны** [выделено мной — *Н. К.*], особенно в Центральной Азии, где наибольшим потенциалом выделяется Казахстан»⁴⁷. А вот начало статьи Владимира Мукомеля: «**Приток вынужденных мигрантов в Россию, достигший пика в 1993–1995 гг., неуклонно снижается** [выделено мной. — *Н. К.*]. Решающую роль в этом процессе сыграли “замораживание” вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве, стабилизация социально-политической ситуации в странах СНГ и Балтии, **отсутствие в них резерва миграционного потенциала** [выделено мной. — *Н. К.*]. Являясь базовыми факторами, они и в дальнейшем будут определять масштабы вынужденных миграций в Россию; если в постсоветском пространстве не произойдет экстраординарных событий, приток вынужденных мигрантов в Россию будет сокращаться». И продолжение цитаты, где говорится в том числе и о характере выталкивающих факторов: «В этих условиях пристального внимания заслуживают... во-первых, государственная политика регулирования приема и обустройства вынужденных мигрантов и, во-вторых, дифференциация социально-экономических условий жизни в России и государствах СНГ...»⁴⁸.

Тут необходимо отметить, что Г. Витковская является одной из самых убежденных сторонников миграционистского подхода. В ее активе — организация двух серий формализованных опросов, проведенных в 1994–1995 гг. и в 1997–1998 г. в трех странах Центральной Азии (Казахстане, Узбекистане и Киргизии), причем при участии русскоязычных организаций. Ее перу принадлежит также немало статей, опубликованных, в том числе, и по результатам данных опросов. По ходу изложения мы еще не раз обратимся к позиции Г. Витковской в полемических целях.

Пожалуй, в наиболее концентрированном виде негативистский (алармистский) подход к проблемам русскоязычных выражен в статье Андрея Грозина, написанной на материалах Казахстана. Она напечатана в солидном сборнике, изданном под грифом Института востоко-

ведения РАН, а значит, претендует на жанр научного исследования. Кроме того, она вышла в 2001 г., когда ситуация с русскоязычными в постсоветских странах уже претерпела значительную динамику во многих аспектах и измерениях и, что особенно касается Казахстана, подверглась разностороннему анализу и эмпирическому мониторингу в России, за рубежом и внутри страны⁴⁹. Однако после внимательного прочтения тех страниц, где говорится о «соотечественниках» (формально статья посвящена особенностям становления государственной идеологии в Казахстане после распада СССР), возникает прочное ощущение, что автор остался в начале девяностых и социальная реальность видится ему оттуда не в ее многоцветной стереоскопичности и многоплановости, а в черной одномерности. Лейтмотив изложения — все плохо и будет только хуже, а жизнь «русских» — «постоянное ощущение дискомфорта» (с. 394), «глубокий психологический дискомфорт и перманентный стресс» (с. 396) и т. п. Проанализируем аргументацию автора.

Массовый выезд первой половины 1990-х гг. А. Грозин рассматривает как доминанту дня сегодняшнего, отсюда такие выражения: «несмотря на высокие миграционные настроения...» (с. 397), «причины, вызывающие отъезд десятков тысяч человек из РК» (с. 400), «основной из них [причин. — *Н. К.*], вынуждающих десятки тысяч людей ежегодно выезжать из Казахстана...» (с. 407). Конечно, выражение «десятки тысяч» впечатляет, но не будем забывать об огромной абсолютной численности населения, «отдающего» эти десятки тысяч. Кроме того, под этим выражением может подразумеваться и 20 тыс., и 90 тыс., но конкретная статистика миграций приводится лишь до 1995 г. (повторюсь, статья вышла в свет в 2001 г.). Трудно поверить, что общедоступные данные неизвестны автору, но он, завышая их на порядок, пишет: «Перспектива возможного превращения в “граждан второго сорта” была и остается настолько значимой мотивацией, что **сотни тысяч человек** [выделено мной. — *Н. К.*] ежегодно принимают решения, влекущие значительные материальные затраты, психологический стресс и другие издержки» (с. 403). Правда, тут же автор отмечает, что «в настоящее время поток выезжающего из Казахстана европейского населения **несколько сократился**» [выделено мной. — *Н. К.*] — оценка, мягко говоря, не совсем адекватная динамике процесса. Причины «сокращения» трактуются вполне традиционно для российской литературы: оно «свидетельствует отнюдь не о нормализации ситуации в области национальных отношений, а чаще лишь об отсутствии у оставшихся средств к переезду» (с. 404).

Тут автору очень пригодились бы надежные социологические данные о восприятии «национальных отношений», о «значимых мотивациях» в пользу миграции и против нее и т. д., или хотя бы ссылки на

работы, где такие данные можно найти. К сожалению, А. Грозин не балует читателя ни тем, ни другим; приводятся лишь несколько цифр, но полностью безадресных (отсутствие источника, указания на то, кто, когда, где, как и кого опрашивал), что очень серьезно их обесценивает. Например, читаем: «Сейчас [Когда? В 1993 г. или в 2000? — *Н. К.*], по различным опросам общественного мнения, не менее 65,5% русских хотели бы выехать из Казахстана, около 19% окончательно не определились с ответом и лишь 16% намерены не уезжать» (с. 396). Далее — более чем ответственный вывод о состоянии идентичности: «Ввиду этого основные психологические ориентации русских направлены либо в прошлое и проникнуты ностальгией по СССР, либо вовне — в Россию... Подтверждается это и данными независимых казахстанских и российских социологов. Около 60–70% русских РК в различных опросах [опять — каких и, главное, когда? — *Н. К.*] считали себя гражданами СССР или людьми без гражданства, а гражданами Казахстана называли себя 15–19% русских...» (там же). Существенно то, что эти результаты заметно отличаются от полученных другими, не менее «независимыми» социологами (прежде всего речь идет об этнокультурной и гражданской идентичности русскоязычных Казахстана, их представлениях о родине и пр.); ряд таких данных мы приведем в соответствующих разделах книги.

Если подвести некоторые итоги, то большинство научных и публицистических работ 1990-х гг. по проблемам «соотечественников» отличает, кроме миграционного алармизма, и ряд других особенностей, тесно с ним связанных.

Во-первых, это особый язык и тональность текстов, в которых не редкость высказывания оценочные или чрезмерно эмоциональные, типа «сильнейший дискомфорт», хотя неясно, чем отличается такой дискомфорт от «сильного» или, скажем, просто дискомфорта. Ученые прибегают и к формулировкам, страдающим явными передержками и более подходящими для политических митингов, нежели для научной дискуссии. Особенно это характерно для их выступлений в прессе, когда предполагаемая широта аудитории, видимо, стимулирует стремление к «пропаганде и агитации» (уже были приведены несколько примеров, иллюстрирующих сказанное)⁵⁰.

Во-вторых, это недоучет явной пространственной дифференциации важнейших параметров изучаемых процессов. Те же факторы дискриминации и конкуренции по этносоциальному признаку разнятся по своей силе и проявлениям от страны к стране, причудливо переплетаясь с экономическими стимулами выталкивания и по-разному воздействуя к тому же на различные группы русскоязычных. Особо хочу подчеркнуть страновую специфику в приложении к Центральной Азии. В массовом сознании и среди пишущих на тему «соотечественников» этот

регион воспринимается зачастую как что-то единое и монолитное. Между тем все более явно дает о себе знать дифференциация центральноазиатских государств — они хотя и начинали синхронно (парад суверенитетов, введение государственных языков и пр.), но в дальнейшем стали развиваться по все более разбегающимся сценариям. Эти различия, вместе с историческими особенностями колонизации той или иной территории, и становятся определяющими для судеб русскоязычных. На мой взгляд, специфика положения последних в каждой из пяти стран региона уже настолько заметна (и эта тенденция оформилась не вчера!), что понятие «русские Центральной Азии» имеет меньше прав на существование, чем, скажем, «русские Балтии».

В-третьих, социально-экономическая и этнополитическая ситуация в республиках бывшего СССР на протяжении изучаемого периода отличалась **высоким динамизмом**, что характерно также и для России, куда направлялась и направляется (пока еще) основная масса русскоязычных. Четыре-пять лет — ничтожный срок по меркам исторического времени — способны привести к существенным сдвигам в восприятии последними ситуации на обоих концах переселенческого потока и, соответственно, в их жизненных планах. Можно спорить о причинах той или иной динамики миграционной ситуации, но ее прогнозы, требуя больших средств и времени, остаются делом весьма неблагодарным⁵¹. В частности, ниже (в данной и 5 главе) дважды приводятся ответы русскоязычных Киргизии на одни и те же вопросы, но разделенные несколькими годами, и изменение позиций налицо.

Кроме того, последствия событий 11 сентября 2001 г. показали, что все постсоветское пространство «вписано» в более широкую, зачастую глобальную систему координат, что делает ситуацию в каждой из стран (к Центральной Азии это относится в первую очередь) еще более динамичной и плохо прогнозируемой.

В-четвертых, важный момент организационного плана: на научных семинарах и конференциях, посвященных положению «соотечественников» и особенно часто проходивших в 1990-е гг., **почетное место ведущих экспертов и «знатоков» ситуации занимали нередко не ученые, а лидеры местных «русских» организаций**, мнение которых о ситуации в стране и проблемах русскоязычного населения зачастую считалось решающим, своего рода истиной в последней инстанции. Между тем политики и активисты, сколь бы полезной ни была их конкретная деятельность, по определению действуют в поле скрещения разнородных политических интересов и поэтому им в принципе трудно быть объективными. Немаловажно и то, что «видение» ситуации такими людьми далеко не всегда основано на результатах корректно проведенных эмпирических исследований, а они сами, являясь инженерами, учителями и т. д., не обладают необходимой профессиональной

подготовкой в сфере социальных наук. Осмелюсь также предположить, что людей такого рода нельзя считать выразителями интересов **всего** русскоязычного населения (специфика и институциональные формы его консолидации рассматриваются в одной из глав заключительного раздела книги).

Если уж говорить о том, кто может считаться «лучшим» знатоком ситуации в той или иной стране (речь идет, естественно, о принципе, а не о личностях), то стремление организаторов семинаров, конференций, руководителей авторских коллективов и пр. непременно заполучить человека «оттуда» не представляется мне самой выигрышной тактикой, даже если речь идет об исследователях. На мой взгляд, ситуация в новых независимых государствах, «взбаламученных» распадом СССР и вдруг ставшим реальностью размежеванием людей, беспрерывно ставит перед сложным выбором каждого живущего там человека, обросшего за долгие годы целым грузом обид и пристрастий, симпатий и антипатий, связей и обязательств. Всё это не может не влиять на объективность и беспристрастность выводов и суждений.

Приведу один яркий пример, касающийся Киргизии. В феврале 1997 г. Московским Центром Карнеги было проведено обсуждение «социально-политической ситуации и положения новых диаспор» в Казахстане и Киргизии (цитирую название семинара), с многообещающим подзаголовком: «Взгляд оттуда». О русскоязычных Киргизии рассказывал все тот же Г. Пядухов, являвшийся тогда доцентом Киргизско-Российского (Славянского) университета и переселившийся впоследствии в Россию. После его выступления и ответов на вопросы, руководитель семинара Г. Витковская сделала вывод в том духе, что мнение о казавшемся относительно благополучным положении там русскоязычных, видимо, необходимо пересмотреть, что было представлено другое мнение, высказанное «человеком, русским, не просто живущим в Киргизии, но для которого анализ положения русскоязычного населения является профессиональным занятием»⁵².

Вот две примечательные выдержки из ответов Г. Пядухова на вопросы присутствующих. Вот как он отреагировал на вопрос о причинах резкого уменьшения вынужденных миграций из Киргизии в Россию: «Все, кто мог выехать — имел связи, родственников, материальные средства — уже выехали. Остались в основном пожилые, старики либо семьи неимущие, которые не имеют ресурсов для переезда. Успешно интегрируются в новую среду лишь те, кто процветает в бизнесе. Но это мизерный процент. А ориентация, установка на выезд по-прежнему сохраняется»⁵³. А вот реакция на вопрос о возвратной миграции из России в Киргизию: «Возвращаются же те, и здесь я с полным основанием могу говорить, у кого нет родственников или средств для закрепления. Это люди исстрадавшиеся, изломанные совершенно...

Это — драма обратного порядка, драма отчаяния. Но это не массовый возврат, уверяю вас»⁵⁴. Никаких эмпирических данных, никаких ссылок на обследования для обоснования этих весьма решительных выводов приведено не было, и они опровергаются результатами моей многолетней социологической работы в Киргизии.

Всегда ли способен такой «очевидец», погруженный в хитросплетения и коллизии тамошней жизни и на профессиональном, и на быденном уровне, представить ее достаточно объективно? Видимо, далеко не всегда (речь, естественно, идет о «выхваченных оттуда» единичных мнениях, а не о совокупности корректно проведенных углубленных интервью с членами местного экспертного сообщества, представляющими различные позиции). Кроме того, при работе с таким сообществом необходимо, как мне представляется, учитывать наличие в нем как минимум двух четко выделяющихся разнородных сегментов.

С одной стороны, это люди, в силу своих обязанностей или по зову души непосредственно работающие с особой частью русскоязычного населения, а именно — имеющими повод для конкретной жалобы или недовольными своей жизнью вообще (часть их ищет содействия в выезде из страны). К таким экспертам относятся в первую очередь активисты «русских» организаций и работники различных российских структур — посольства, консульства, представительства ФМС и т. д. При всей важности их мнения, его необходимо рассматривать лишь *in corpora* с оценками другой группы, куда входят люди, а) профессионально склонные к рефлексии и наблюдениям за социальной реальностью и/или б) имеющие доступ к разнообразной информации о состоянии последней. Речь идет о ученых-гуманитариях, в том числе о «практикующих» социологах; о правозащитниках и журналистах (естественно, разной этнической принадлежности). Различия в оценках двух групп неизбежно выявятся по ходу нашего изложения.

Если суммировать, наиболее выигрышным выглядит в контексте сказанного в данном пункте положение российских ученых (или ученых европейской части постсоветского пространства). Они не являются органичной частью центральноазиатских социумов, они в лучшем смысле слова аутсайдеры, но в то же время остаются и еще долгое время будут оставаться носителями советской ментальности, пусть и в ее переходном варианте. Важным преимуществом является и отсутствие языкового барьера, наличие которого, кстати, серьезно мешает «погружению» в исследуемую реальность иностранных ученых, пусть тоже аутсайдеров, но людей, принадлежащих иной, западной культуре.

Наконец, **в-пятых**, наиболее существенный содержательный момент, о котором кратко уже говорилось во введении. Из-за «миграционного» смещения тематики исследований, затрагивающих проблемы русскоязычных, **пребывает в тени другая их категория — слой людей,**

которые твердо намерены остаться. Тут, на мой взгляд, проявилась склонность «миграционистов» к упрощенным черно-белым конструкциям, далеко не всегда соответствующим усложняющейся многоцветной реальности.

Этот дисбаланс отражает тот факт, что в 1990-е гг. сформировались два научных подхода к проблеме будущего русскоязычных в новых независимых государствах. Речь, повторюсь, идет о наиболее популярном «миграционистском» подходе, в соответствии с которым будущего у русскоязычных в этих регионах нет и даже относительно крупные «диаспоры» рано или поздно исчезнут; и об «интеграционистском» подходе, сторонники которого исходят из возможности, при определенных условиях, закрепления в этих странах значимых массивов русскоязычных и их интеграции в «национализирующийся» социум.

К немногочисленным сторонникам разделяемого мной второго подхода можно, как мне кажется, причислить авторов одной из глав книги «Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах», где достаточно оптимистично оценивается будущее русскоязычных в новом зарубежье: многие из них «именно эти государства, а не Россию, считают своим отчим краем, и не торопятся покидать его без веских на то оснований, тем более ради воссоединения с полумифической “исторической родиной”». Авторы охлаждают пыл «не в меру энергичных энтузиастов социальной инженерии, призывающих готовиться к приему 25 млн. русских» и считающих жизнь этих людей за пределами России «некой аномалией, которую нужно исправлять программами массовых переселений»⁵⁵. Валерий Тишков, один из тех, чья подпись стоит под этим высказыванием, потом не раз отстаивал эту позицию и в печати, и на конференциях и семинарах (в частности, в Московском Центре Карнеги).

К сожалению, привлекая мое внимание страницы наполнены скорее публицистическим пафосом, чем научным анализом перспектив и форм адаптации русскоязычных в конкретных постсоветских странах. И все равно эти строки представляются мне чрезвычайно ценными, тем более, что они были опубликованы в 1996 г. Понадобилось около четырех лет, чтобы возникло некоторое подобие «прорыва» хотя бы на публицистическом уровне, чтобы открыто «интеграционистская» позиция оказалась озвучена, скажем, в той же «Независимой газете», причем уже не таким влиятельным ученым и политиком, как В. Тишков. У этой интриги есть интересная «региональная» специфика.

В начале 1999 г. в «НГ» была опубликована весьма неординарная статья Виктора Соколова с ностальгическим названием «До Таллина уже далеко», с интересными, хотя и не бесспорными выводами о положении русскоязычных в Эстонии. Меня поразили один абзац, совершенно неприемлемый с точки зрения поборников «воссоединения

разделенного народа» и «программ массовых переселений»: «Мотивация получения или неполучения российского гражданства различна, но очень важен тот факт, что все 550 тыс. [проживающих в Эстонии неэстонцев, в основном это и есть русскоязычные — Н. К.] объединяет одно общее обстоятельство: никто не желает покидать Эстонию и возвращаться на этническую родину»⁵⁶.

Факт подобной публикации тем более привлек мое внимание, что в 1997–1998 гг. написанная мной статья о Киргизии с явно противоречащим общему настрою заголовком «Хотят ли русские домой? Новый взгляд на проблему соотечественников» около семи месяцев пролежала в «портфеле» «Независимой газеты», несмотря на ее высокую оценку сотрудниками редакции и их неоднократные заверения, что материал будет опубликован. Этого, однако, так и не произошло из-за упорного противодействия лиц, ответственных в тот период за освещение в газете тематики, связанной со странами СНГ.

То, что мою статью «зарубили» в издании, работающем под лозунгом «Без гнева и пристрастия», а статью об Эстонии — «пропустили» (правда, годом позже), я объясняю не только существовавшей в «НГ» традицией публиковать материалы по странам Балтии на полосе под названием «В мире», которая знакомила с событиями в дальнем зарубежье и потому курировалась совершенно другими людьми. Есть и более существенный момент. Наше массовое сознание готово с пониманием отнестись к тому, что русские как-то приспособились жить рядом с цивилизованными эстонцами или латышами и не стремятся, как выразились В. Тишков и О. Комарова, к воссоединению с полумифической «исторической родиной», но не приемлет аналогичной ситуации, когда речь идет об «азиатах» (использую самое приличное из бытующих в России названий).

С течением времени ситуация, хоть и медленно, но начала меняться. В начале 2000 г. была опубликована статья Татьяны Полосковой, содержащая поистине революционные утверждения типа: «Следует отказаться от навязанного всей нашей пропагандистской машиной образа российской диаспоры как забитой, униженной, бесправной» или «Появилось немалое число русских, адаптировавшихся к новым реалиям и не желающих восстановления СССР»⁵⁷, и т. д., и т. п. Впоследствии она не раз выступала в печати со статьями подобной тональности, подтверждала свою позицию на международных конференциях. В частности, на одном из недавних семинаров, говоря о перспективах, Т. Полоскова отметила: «Очевидно, что неинтегрированная часть российской диаспоры в странах СНГ и Балтии будет стремительно сокращаться, а русские, “вписанные” в новые реалии и не желающие консолидироваться на основе протестной идеологии, количественно увеличиваться»⁵⁸.

Наконец и Н. Айрапетова, рассказывая о неизменно бедственном положении так называемых русских общин, замечает: «Жизнь везде разная, хорошего в ней тоже, наверное, немало, в нескольких странах появляются и положительные тенденции в отношении к русской диаспоре — надо учитывать и эти явления! Не может быть все и везде со знаком минус — ведь где-то русские организации добиваются признания и как политическая сила...»⁵⁹. Действительно, не может все и везде быть со знаком минус, только, замечу, позитивные тенденции отнюдь не сводились и не сводятся лишь к деятельности «русских организаций»!

Взвешенно, с фактами в руках рассказал о положении «русских» в Казахстане Евгений Круглов⁶⁰. Появилось несколько публикаций, в их числе весьма критические, в которых лидеры и активисты русскоязычных организаций, а также занятые «заботой» о «соотечественниках» представители российских структур показаны не в привычных белых одеждах, а вполне земными людьми, занимающимися реальной политикой, со всеми вытекающими отсюда последствиями⁶¹.

Если говорить о чисто академических изысканиях, определенную брешь в стене «миграционизма» пробила книга Любови Остапенко и Ирины Субботиной «Русские в Молдавии: миграция или адаптация?»⁶², уже само название которой предполагает вариативность перспектив — возможность для части русскоязычных остаться и приспособиться к новым условиям. В книге на материалах серии формализованных опросов достаточно подробно рассматриваются различия между потенциальными мигрантами и, как их называют авторы, «стабильными русскими», в первую очередь в экономической сфере. Правда, на мой взгляд, вряд ли эти авторы сознательно стремились написать свою работу в противовес «миграционизму»; скорее всего, их вел за собой сам живой полевой материал.

В 2001 г. вышла объемная монография Сергея Савоскула, посвященная анализу различных, далеко не только связанных с миграционными намерениями, аспектов жизни русских в 14 странах нового зарубежья⁶³. До сих пор это наиболее полное исследование интересующей нас проблемы, основанное на проведенных в 1992–1996 гг. массовых анкетных опросах русского и титульного населения. К сожалению, его недостатки являются продолжением достоинств — широкий охват стран и сюжетов «физически» не дает автору возможности углубить анализ. Кроме того, формулируя выводы и делая страновые/региональные сравнения, автор не в полной мере учитывает разновременность опросов в различных странах и то, что в целом они отражают ситуацию по состоянию на первую половину 1990-х гг. Опросы экспертов в Казахстане и Киргизии 1999 г., при всей их полезности, не являются, на мой взгляд, полноценной заменой. Последнее замечание

касается прежде всего Киргизии, где опрос проводился в 1992 г. — по сути, в другую эру!

В контексте данной главы книга С. Савоскула интересна для нас прежде всего потому, что ее автор, хотя и не делит русских на остающихся и ориентированных на выезд, оценивает их будущее весьма взвешенно и с учетом региональной специфики, не предрекая тотального выезда. По сути, он оставляет вопрос открытым, о чем говорит и само название книги. «Адаптация» и «интеграция» рассматриваются как вполне реальная перспектива, хотя и разнореальностная для различных стран. Дается, в частности, следующая их группировка по степени возможного успеха процессов интеграции (в порядке убывания): «1) Белоруссия и Украина; 2) страны Балтии; 3) Молдавия; 4) Киргизия и Казахстан; 5) страны Закавказья; 6) страны Средней Азии (кроме Киргизии)»⁶⁴.

Еще одна ласточка из тех, что несут новые веяния — вышедшая в 2003 г. брошюра Георгия Ситнянского⁶⁵. Хотя это и не монографическое исследование, но выводы содержит принципиальные, причем с упором именно на страны Центральной Азии. Приятно, что наконец еще один коллега сформулировал позицию, которую я начала озвучивать еще в 1997 г. Полемизируя с Константином Затулиным, Г. Ситнянский пишет: «...неверно утверждение... о том, что в Средней Азии с выездом “русскоязычного” населения дела обстоят одинаково, независимо от того, предпринимает ли власть попытки его удержать (Таджикистан, Киргизия) или не предпринимает (Узбекистан, Туркмения). Неверно и утверждение о том, что везде в СНГ, кроме России и Белоруссии, создаются моноэтнически ориентированные государства [ссылка на одну из недавних статей К. Затулина. — Н. К.]. В Казахстане и Северной Киргизии такое просто невозможно; в Южной Киргизии возможен полный выезд “русскоязычных”, ...но моноэтничности там все равно не будет. Процент узбеков в населении страны непрерывно растет. По прогнозам, в Казахстане и Северной Киргизии большинство “русскоязычных” останется»⁶⁶.

Особо стоит упомянуть о работах этнопсихолога Надежды Лебедевой. В ее монографии, вышедшей двумя изданиями⁶⁷ и ставшей серьезным вкладом в наше понимание социально-психологического самочувствия русских в семи постсоветских странах, рассматривается широкий спектр вопросов — социально-психологическая обусловленность установок «за» и «против» миграции, формы адаптации в различных этнокультурных средах, вес этнического компонента в структуре идентичности и ряд других. Что очень важно, даже в период высокой миграционной активности русскоязычных этого автора отличало стремление рассмотреть особенности самосознания не только настроенных на выезд, но и тех, кто стремится к аккультурации.

Она исходит из того, что «диаспоры» не исчезнут. Но вот по вопросу о том, как, из кого и сколь быстро они будут формироваться, мы с этим автором серьезно расходимся. Дело в том, что некоторые из используемых Н. Лебедевой методологических принципов, а также конкретные методические приемы и, соответственно, основанные на них выводы вызывают у меня ряд существенных возражений, которые я изложу в соответствующих местах книги.

Интересно, что некоторые российские ученые еще в самом начале 1990-х гг. высказывались по интересующей нас проблематике с весьма реалистичных позиций, но, увы, в экспортном исполнении, т. е. в англоязычных изданиях. Так, Лев Гудков показал политико-идеологические истоки миграционного алармизма и, шире, панических оценок положения русскоязычных периода до и в первые годы после распада СССР. Ученый обратил внимание на то, что в конце 1980-х гг., с ростом центробежных тенденций в государстве, «партийные, военные и хозяйственные руководители пытались использовать русских как заложников империи, как силу, которая сможет связать руки национально-демократическим движениям. Русских, проживающих в прибалтийских республиках (а в какой-то мере и жителей самой России), пугали перспективой таких же погромов и кровопролитий, которые ранее имели место в Центральной Азии, Азербайджане и других регионах»⁶⁸. Переходя к ситуации уже в суверенной России, автор пишет: «Как политическая и идеологическая проблема, ситуация с русскими в бывших союзных республиках осталась в центре внимания прессы и политиков. Эта ситуация продолжает описываться в трагических тонах, особенно теми группами, которые стремятся возродить имперское начало советского типа в российской политике и таким образом затормозить экономические и политические реформы»⁶⁹. Далее Л. Гудков отмечает, что проведенные в начале 1990-х гг. опросы Всероссийского центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ), в том числе и касающиеся миграционных намерениях русских в различных частях бывшего СССР, дают основания для более скромных прогнозов, чем те, что составлялись экспертами под влиянием вышеозначенных установок⁷⁰.

Весьма необычно для российской литературы, особенно первой половины 1990-х гг., когда со дня на день ожидалось «Великое возвращение», звучат и слова Сергея Николаева о том, что «судьба русских находится в первую очередь в их руках [имелись в виду русские Узбекистана. — Н. К.]. Даже их значительный отток из республики не приведет к их полному исчезновению с этнической карты страны»⁷¹. Им, по преимуществу горожанам, в России «светит» лишь поселение в деревнях, а следовательно, необходимость «...приспособиться к новым, незнакомым условиям, которые вынужденно изменят их статус и образ жизни». Автор спрашивает: «Готовы ли русские, живущие сейчас

в Узбекистане, к таким изменениям? Я думаю, нет. Это означает, что в конце концов они должны адаптироваться к существованию в независимом Узбекистане»⁷².

Идею адаптационного в целом сценария развивает и Эмиль Паин (хотя ситуация в Центральной Азии виделась ему в начале 1990-х гг. наиболее неблагоприятной). Основываясь на прогнозе переезда в Россию от 2,3 до 5 млн. русских к 2000 г., он пишет: «Следовательно, даже при самом пессимистическом варианте число русских мигрантов не превысит 20% всех русских, живущих сейчас в новых независимых государствах, а значит, большинство из них будут вынуждены адаптироваться к образу жизни этнического меньшинства⁷³ в этих странах»⁷⁴. Кстати, если действительно ограничиться лишь русскими, то прогноз реализовался довольно точно; по данным Госкомстата, в 1989–1998 гг. в Россию из стран СНГ и Балтии прибыло около 4,7 млн. русских⁷⁵.

К сожалению, упомянутые «ласточки» нового подхода не принесли с собой настоящей весны. Позиция «миграционистов-алармистов» так и не получила адекватного научного (подчеркиваю — научного) ответа от «интеграционистов-реалистов». Видные представители последних, в частности, В. Тишков, Э. Паин, Л. Гудков, В. Мукомель, Т. Полоскова имеют свои научные интересы и не являются полевыми этнологами (социологами). Так и не появилось книги (книг) о русскоязычных одной постсоветской страны (или их группы), с богатой эмпирикой, разнообразием исследовательских практик; книги, хотя бы частично заполняющей зияющие пробелы в нашем понимании их образа мыслей, образа жизни и рассматривающей ситуацию в динамике. На мой взгляд, потребность в таких работах остается очень высокой, и не только для решения научных, но и практических задач. Как отметила в начале 2005 г. та же Т. Полоскова, связывая внешнеполитические неудачи России в Грузии и на Украине с плохой экспертной проработкой, «сейчас имеется огромная потребность в полевых исследованиях. То есть, если у нас десять лет культивировались глобальные геополитические изыски и наши геополитики и политтехнологи упражнялись в таких изысках, то сейчас встал вопрос: “Хорошо, мы рассуждаем о высоких материях, а что же происходит на земле? Кто этим вообще занимается?”»⁷⁶.

Так и хочется встать с места и крикнуть: «Есть такая партия!»

Ответ «миграционистам»: предварительные замечания

Перейдем к авторскому видению того, что стоит за спадом миграций. Начнем с представления результатов нескольких опросов, дающих временной и пространственный срез ситуации в Киргизии

(в частности, в сравнении с Таджикистаном, где мне также довелось проводить полевые исследования).

Вот, например, как респонденты оценивали свои личные планы относительно переезда в Россию в 1992 г. (по данным опроса 539 русских в городах и селах Киргизии, организованного сотрудниками Института этнологии РАН⁷⁷) и четыре года спустя, в 1996 г. (согласно проведенному мной опросу 304 русскоязычных жителей Бишкека).

Среди участников первого опроса 20% русских горожан реально планировали свой переезд (опция «решил(а) уехать»); 33% респондентов ответили, что они не собираются уезжать, а 33% выбрали «подсказку» «трудно сказать, пока нет определенного решения» (остальные 14% затруднились или не дали ответа)⁷⁸.

Наличие значительной доли людей, не имеющих сформировавшегося мнения о переезде, было отмечено и в ходе моих наблюдений осенью 1994 г. Лишь пять человек из 45 проинтервьюированных тогда в Бишкеке и в селах Иссык-Кульской области «решили уехать», причем эти люди были найдены в Славянском фонде, выполнявшем в тот период роль некоего суррогата миграционной службы. В то же время почти все из остальных 40 респондентов находились в состоянии смятения и нерешительности — им было трудно объяснить и исследователю, да и самим себе, как же все-таки они относятся к переезду в Россию и как намерены жить дальше. Их настроения хорошо отражены в словах одной из собеседниц: «И не хотим ехать, и не на что, но все вокруг об этом говорят, и поневоле задумаешься». На мой взгляд, это было типичным состоянием русскоязычных того периода, когда психологически еще «давила» миграционная волна 1992–1993 гг., но уже стали осознаваться минусы жизни в России.

А вот по результатам анкетного опроса 304 русскоязычных жителей Бишкека (1996 г.), ответы на вопрос о намерении переехать из Киргизии в Россию распределились уже совершенно по-другому (в сравнении с 1992 г.): «я никуда не хочу уезжать» — 42,4%; «хотел(а) бы уехать, но...» (далее следовало перечисление мешающих отъезду моментов: многое удерживает в Киргизии, трудности переезда и обустройства, пугает обстановка в России) — 47,4%; «решил(а) уехать и предпринимаю для этого необходимые шаги» — 5,3%. Около 5% опрошенных (опция «другое») хотели бы (или уже готовились) выехать не в Россию, а в страны дальнего зарубежья.

Впечатляющим контрастным фоном для интерпретации этих данных являются синхронные по времени ответы на аналогичный вопрос русскоязычных жителей Ленинабадской области Таджикистана. Количественно эти массивы не вполне сопоставимы, однако речь идет, естественно, о сравнении не конкретных цифр, а ярко выраженных тенденций.

В Таджикистане, по оценочным данным, к концу 1996 г. осталось не более 80–90 тыс. русскоязычных⁷⁹ из зафиксированных переписью 1989 г. 547 тыс. человек⁸⁰, и почти все они проживали в северных, примыкающих к Узбекистану и Киргизии частях страны, не затронутых военными действиями. Их будущее предопределялось в гораздо большей степени экономическим коллапсом, нежели фактором этнической дискриминации со стороны таджиков. Русскоязычное население было охвачено идеей миграции в Россию, и при таком настрое семьи различались лишь степенью практической реализации решения о переезде и способностью добыть необходимую для этого сумму денег. Отвечая на вопрос о планах выезда, проинтервьюированные (52 человека) разделились всего на две почти равные группы: чуть менее половины — «сидящие на чемоданах» и улаживающие конкретные проблемы, связанные с переездом (продажа квартиры, мебели, трудоустройство в России и пр.); чуть более половины — мечтающие переехать, но не имеющие для этого возможностей (по крайней мере, в ближайшей перспективе) из-за отсутствия денег, друзей и родственников в России; обремененности малолетними детьми и другими иждивенцами; из-за возраста и плохого здоровья.

Вернемся к Киргизии. Аналогичный предыдущему опрос 325 человек в сентябре 1998 г. показал, что «остаются» уже 57,6%, условно «желали бы уехать» — 32,4%, а «сидят на чемоданах» и реально готовятся к отъезду только 2,6% опрошенных (7,5% хотели бы, или уже готовились, выехать не в Россию, а в страны дальнего зарубежья).

Как видно, желающие остаться — далеко не в меньшинстве, т. е. по критерию отношения к репатриации массив распался в первом случае (1996 г.) на две большие и почти равные группы, а во втором (1998 г.) доля остающихся даже существенно выросла. На этот результат, безусловно, оказал свое влияние острейший финансово-политический кризис в России, с которым совпал по времени последний опрос, но доля желающих остаться, как минимум, достаточно стабильна. Важен следующий момент: в опросах участвовали, напомним, только люди трудоспособного возраста, а группы в обоих случаях оказались почти идентичны (о различиях между ними речь впереди) по таким существенным с точки зрения миграционной подвижности факторам, как возраст и уровень образования (около 50% составляли лица с высшим и неполным высшим образованием).

Данные результаты позволяют, по меньшей мере, усомниться в универсальности тезиса, что «те, кто имели возможность уехать, уже уехали» (цитирую по материалам конференции в Алма-Ате; эта же мысль высказывалась, например, и участниками круглого стола «Этнические миграции в Россию из республик бывшего СССР: причины, следствия, возможности регулирования», М., Институт востоковедения

РАН, 9 декабря 1997 г.). Здесь мы имеем дело, на мой взгляд, как раз с одной из вышеупомянутых «черно-белых конструкций», искажающих суть процесса. Те, кто «никуда не хочет уезжать» в моем исследовании — отнюдь не маргиналы (одна из вариаций «миграционистов» на эту тему — «все лучшие уже уехали») и не слабые и больные пенсионеры, которые в опросе практически не участвовали.

Даже если отвлечься от конкретных обследований, то тезис «уехали все, кто мог» вызывает сомнения. С течением времени трудности выезда могут нарастать (хотя бы потому, что у людей оказались «проеденными» накопленные еще в советский период семейные запасы), но из этого автоматически не вытекает, что люди в своих решениях руководствуются лишь этими препонами и, следовательно, лишь они удерживают оставшихся. Так воспринимать ситуацию может лишь очень миграционно-ориентированное сознание, считающее всех русскоязычных поголовно мечтающими о переезде. Кроме того, трудности нарастают не линейно. По-настоящему хорошие возможности для выезда и обустройства были лишь у тех, кто делал это в спокойной обстановке до распада СССР, а уезжавшие в период миграционного бума оказались в сложных условиях — гнетущее ощущение уносящего их «потока» и постоянное ожидание «плохих новостей»; обесценение квартир; многомесячные очереди в ожидании контейнера; истощающие кошельки взятки и тому подобные коллизии. Ситуация нередко складывалась таким образом, что приходилось ехать буквально в никуда, не думая, есть для этого возможности или нет. Но было и по-другому, когда и при наличии пресловутых возможностей люди все-таки оставались и остаются.

Продолжая эту тему, вряд ли можно согласиться и с тем, что среди оставшихся преобладают люди, «не имеющие никаких связей с Россией и другими странами»⁸¹. Как показывают обследования, наличие родственников в России — все еще достаточно распространенное явление среди русскоязычных Киргизии. Например, у 52,6% участников опроса 1998 г. были близкие и дальние родственники; примерно равные доли респондентов (16,4 и 17,6%) имели только близких или только дальних родственников, и лишь 9,6% не имели их вообще.

Очевидное снижение числа репатриантов объясняют также выездом лучших — «основной массы предприимчивых, энергичных, профессионально подготовленных людей»⁸². «Лучшие», однако, понятие весьма относительное. Действительно, первая волна переселения унесла тех, кто обладал высокой квалификацией и дефицитной в тот период для России профессией. Однако и в России, и в Киргизии, каким бы причудливым образом ни развивался рынок, ситуация непрерывно меняется, и вполне возможно, что «лучшие» образца 1991 г. оказались невостребованными к концу десятилетия, поскольку критерии отбора весьма динамичны. Кроме того, эта волна смыла и тех

(причем неизвестно, кого было больше, ведь такие исследования не проводились), кто сумел активизировать деловые, дружеские, родственные связи в России, а это не обязательно «лучшие».

Наконец, еще одно возражение. По сути, все эти рассуждения о выезде «людей с возможностями» и исчерпании таким образом массива потенциальных мигрантов имплицитно предполагают, что все «лучшие» — это «лучшие» образца последних советских и первых постсоветских лет, а их возможности, в виде связей, имущества, квалификации и пр., создавались еще в условиях СССР, а потом только «трагичались» (в том числе и на переезд и обустройство в России). Получается по этой логике (еще одна черно-белая конструкция), что за довольно длительный для сознательной человеческой жизни период после распада СССР все шло для русскоязычных по нисходящей или стояло на месте: не возникали новые возможности (материальные, образовательные), не накапливались ресурсы, опыт, знания, отсутствовало какое-либо социальное продвижение; все только расходовалось и проедалось. Для многих семей (кстати, далеко не только русскоязычных и не только в бывших республиках, но и в самой России) — это действительно тяжелая реальность, но не для всех, и иначе не может быть в быстро трансформирующихся постсоветских обществах с переходной экономикой и социальной структурой (проблемам экономической адаптации и мобильности русскоязычных посвящен специальный раздел книги).

Ближе к концу 1990-х гг., наряду с только что рассмотренной идеей исчерпания миграционного потенциала, при объяснении очевидного спада миграций ее сторонники стали апеллировать и к уже совершенно очевидному и вопиющему негостеприимству исторической родины. Это действительно мощный и долговременный фактор сдерживания переселения (тем более, что в период президентства В. Путина никаких реальных подвижек на этом фронте не произошло). Однако я хотела бы предложить более сбалансированное объяснение. Изменения в миграционной ситуации вызваны, как показывают полевые исследования, **разнонаправленной динамикой условий жизни на обоих полюсах**, один из которых традиционно считается полюсом **притяжения** (Россия), а другой — **выталкивания** (в данном случае Киргизия).

Что происходило на полюсах въезда и выезда?

Полюс въезда — «коррозия» притяжения

Для подавляющего большинства русскоязычных переселенцев целью движения была и остается Россия. Это, так сказать, формальный момент — куда же еще ехать русским, татарам, обрусевшим за годы

жизни вдали от исторической родины украинцам, белорусам и пр.? На самом деле даже в период наивысшей миграционной активности это притяжение было весьма условным, ведь вынужденная миграция, по сути своей, подразумевает сильное выталкивание с относительно более слабой привлекательностью нового места жительства. Это самый общий тезис; на самом деле, если отвлечься от динамики ситуации в той или иной конкретной стране ближнего зарубежья, события в самой России в течение первого постсоветского десятилетия также развивались весьма бурно, с чередованием спадов и подъемов, что не могло не влиять на умонастроения «соотечественников».

До осени 1998 г. еще был вполне актуальным тезис о том, что медленное, но все-таки верное движение России по пути реформ в сочетании с прозрачностью границ сохраняет ее притягательность для русскоязычных жителей бывших союзных республик. Впрочем, нередко эту притягательность они переводили в иную плоскость — возможность пользоваться плодами российских реформ, не покидая свои страны навсегда⁸³. Одной из ключевых точек напряжения стал разразившийся в августе-сентябре 1998 г. финансово-политический кризис, нанесший ощутимый удар положительному образу исторической родины и еще сохраняющимся надеждам на ее помощь и заступничество. Не способствовали притяжению России и обе чеченские войны, в особенности вторая и события после и вокруг нее, вовлекшие страну в орбиту деятельности международного терроризма.

В то же время в последние годы стали заметными и факторы иного рода. Политическая стабилизация периода президентства В. Путина и явное оживление в российской экономике могут служить стимулом к миграции, причем не только для русскоязычных, но вообще для людей, рассчитывающих лишь на самих себя. Однако речь надо вести не столько о ситуации в России вообще, но в первую очередь о том, что ждет там именно русскоязычных мигрантов из ближнего зарубежья. Тем из них, кто возлагал и возлагает надежды (если такие оптимисты еще остались) на мощную поддержку Россией переселенческого движения, весь постсоветский период приходилось испытывать сплошные разочарования. Политика помощи вынужденным мигрантам все эти годы оставалась сугубо декларативной и чрезвычайно неэффективной (ее логическим завершением стал новый жесткий закон о гражданстве, вступивший в силу 1 июля 2002 г.), равно как стабильно тяжело шла социально-психологическая адаптация «приезжих», из-за негативного отношения к ним окружающего населения и местных властей (особенно в сельской местности и небольших городах).

Ставшие результатом совокупного действия этих двух факторов, **мьтарства мигрантов в России**, информация о которых давно достигла даже отдаленных окраин бывшего СССР, и **оказались наиболее силь-**

ным, причем долговременным фактором «коррозии» ее притяжения. Не просто все более бледнела ее привлекательность как места постоянного жительства; последняя, возможно, стала постепенно превращаться в свою противоположность.

Чем больше я размышляю о российской ситуации, тем больше укрепляюсь в мысли, которая, наверное, покажется крамольной все еще многочисленным поборникам «Великого возвращения». Множество людей в России, от которых прямо или косвенно зависело положение переселенцев — начиная от двух президентов, постоянно озабоченных, хотя и с разной эффективностью, решением судьбоносных для страны проблем, и до рядового председателя колхоза, действующего по принципу: «Им все равно деваться некуда»; от госчиновников до несчастной деревенской бабули, кричащей вслед мигрантам: «Понаехали, понахапали!» — все они, хотя и не сговариваясь и исходя из своих собственных, осознанных или неосознаваемых интересов, сыграли очень слаженно, немало преуспев в том, чтобы отвратить «соотечественников» от России. В случае с Киргизией этот внешний фактор наложился на достаточно благоприятное развитие внутренней ситуации. В других же странах — в частности, в Узбекистане, Казахстане, — факторы выталкивания в 1990-х гг. заметно перевешивали (а в первом это происходит до сих пор) «антипритяжение» России.

После прохождения фазы ажиотажных миграций после распада СССР, решение «уехать или остаться» люди принимали уже в более спокойной обстановке, взвешивая все «за» и «против». И при прочих равных условиях негативная информация о трудностях обустройства в России весомо ложилась на чашу весов с надписью «остаться». И тут особую роль сыграла **возвратная миграция**, поскольку такие сведения русскоязычные жители Киргизии получали не только от уехавших родственников, друзей и знакомых, контакты с которыми зачастую оказывались затрудненными, но и от многочисленных «свидетелей» и «потерпевших», находившихся тут же, под боком.

Как показали мои опросы в Бишкеке, информированность людей о самом явлении была весьма высокой, причем для многих респондентов она базировалась не на слухах, а на личном общении. На вопрос: «Слышали ли Вы о людях, которые, переехав в Россию, были вынуждены через некоторое время вернуться обратно в Киргизию?», в 1996 г. ответили «да» 87,2% опрошенных, а на следующий вопрос: «Знаете ли Вы таких людей лично?», дали положительный ответ 57,6%. Интересно, что интервьюирование 100 представителей титульной группы в том же 1996 г. выявило примерно такую же тенденцию.

Опрос 1998 г. дал близкие результаты: «слышали» о вернувшихся 91,4% респондентов (94,1% среди «желающих остаться» и 89,5% среди

«желающих уехать»); «знакомыми с ними лично» оказались 58,2% (61,5 и 50,5%, соответственно).

Все это означает, что речь идет не о редком явлении, информации о котором располагают в основном люди особо заинтересованные — русскоязычные в целом либо те из них, кто нацелен на отъезд, а с уже достаточно распространенным и привычным. Кроме того, «знакомым лично» и/или «слышавшим» оба раза было предложено высказать в свободной форме свое мнение о причинах возвращения, и полученные ответы, зачастую весьма подробные, продемонстрировали, что информация о жизни переселенцев в России не просто зафиксирована массовым сознанием, но в значительной степени «переварена», глубоко продумана. Некоторые размышления о людских характерах и судьбах, будь они озвучены в первой половине 1990-х гг., когда в России лишь разворачивались исследования адаптации вынужденных переселенцев и когда главным камнем преткновения казались трудности с жильем и работой, вполне могли бы «потянуть» на серьезный научный вывод:

— *русские в Киргизии — это не русские в России, мы там по-своему чужие, у нас другое восприятие многого;*

— *культура общения, труда, быта — иная, отличная от местных жителей-россиян;*

— *особый менталитет азиатских русских порождает трудности ассимиляции в России;*

— *для тех людей, рядом с которыми они поселились, они остаются чужими, «киргизами», и т. д. (здесь и ниже — анализ ответов 1996 г.).*

Обращает на себя внимание то, что именно социально-психологические и социокультурные барьеры между приезжими и местными лидировали в 1996 г. по частоте упоминаний (эти мотивы присутствовали в 45,0% всех ответов; трудности с жильем и работой лишь на втором месте — 32,7%), при этом ключевыми словами являются «конфликты», «враждебность», «недоброжелательность», «неприязнь». Это весьма существенный момент с точки зрения подрыва в глазах русскоязычных позитивного (в той мере, в какой он был таковым) имиджа России. Обычно при переезде люди морально, да и материально, готовятся в первую очередь к улаживанию проблем с жильем и работой, а тут оказывается (в интерпретации участников опроса), что кому-то пришлось возвращаться из-за трений с местным населением. Замечу, что в подавляющем большинстве случаев упоминания о социально-психологических трудностях адаптации шли не «в пакете» с другими проблемами, а подавались респондентами как единственная причина возврата⁸⁴.

На третьем месте по частоте упоминаний (13,4%) были высказывания общего характера, похожие друг на друга как близнецы — «сложности с обустройством на новом месте»; «не смогли устроиться»

и т. д. На этом бледном фоне основной массив мнений выгодно отличался своей аналитичностью и информативностью.

Попадались и критические, иногда не в бровь, а прямо в глаз, ссылки на официальную миграционную политику:

- *руководители России своих ненужных людей не могут уничтожить, а тут новые едут;*
- *равнодушие российских властей;*
- *отсутствие четкой миграционной политики.*

Редкость этих замечаний (4,7% высказываний), на мой взгляд, еще одно свидетельство разрушения надежд русскоязычных (еще до кризиса 1998 г.!) на серьезную государственную поддержку программ переселения.

Часть ответов приоткрыла новые грани «коррозии» притяжения России. Тут было особенно заметно, что, рассказывая о печальном опыте своих возвратившихся в Киргизию знакомых, друзей и родственников, люди не просто фиксировали некое фактическое стечение обстоятельств чужой жизни или анализировали его причины, но и во многих случаях проецировали, примеряли ситуацию на себя; недаром тут вместо местоимений «они», «у них» и безличных оборотов появляются «мы», «нас», «нам» и т. д.

Одна из этих граней сводилась к очень краткой формуле — «мы России не нужны», «там нас не ждут», «мы здесь никто и там чужие» (5,3% высказываний). Отмечу и еще один момент, более весомый по частоте упоминаний (12,3%⁸⁵) и названный мной «смена шила на мыло». Этнополитический аспект здесь фактически был выведен за скобки, а сравнивались социально-экономические условия жизни в России и Киргизии, иногда в пользу последней, но чаще делался вывод, что «в России те же трудности и проблемы, что и здесь; переехать куда-либо — не означает решение всех проблем»:

- *там оказалось намного хуже, чем у нас;*
- *там тоже трудно найти хорошую работу, жилье;*
- *еще хуже, чем в Киргизии — материальное положение, личная безопасность;*
- *сейчас по всему СНГ стало плохо, нигде нет работы, не выдают вовремя зарплату;*
- *в России экономические условия те же, что и в Киргизии, и т. д.*

Ответы на аналогичный вопрос, заданный в 1998 г., дали похожую картину. Более чем в 40% случаев причинами возвращения назывались факторы «сознания» — говоря языком самих респондентов, «нежелание россиян принять душой иностранцев» (одна из самых мягких формулировок) и «совершенно другой образ жизни, другой порядок,

другой образ мышления». Многие высказывания, как и двумя годами ранее, отличали аналитичность и детализированность. Обращает на себя внимание, что 11 человек из данной группы в качестве примера «плохого отношения местных» назвали поджоги домов (в первый раз об этом не упомянул никто). Говорилось, далее, не только об абстрактных «неприязни», «дискриминации», «неприятии», но, в частности, о том, что приезжим «не дают работать» («и сами не работают, и нам не дают»). Примыкающей сюда группой (семь человек, 2,2% ответов) можно считать ссылки на всеобщее пьянство как на основную причину возвращения («не пить с ними — значит, быть врагом»). Это также не отмечавшийся ранее момент.

Факторы «бытия», описываемые более скупо (трудности с работой, отсутствие или плохое качество жилья и, наконец, обтекаемые «не смогли обустроиться», «трудно устроиться» и т. п.) составили примерно такую же долю ответов (41,5%). Критических высказываний в адрес российских властей уже не было; видимо, для опрашиваемых в разгар кризиса людей ситуация и так уже стала предельно ясной; в 3,5% ответов говорилось о нестабильности в России в целом (социальной, политической, экономической)⁸⁶.

Отмечу в заключение, что возвратная миграция важна для нас не только ее возможным «закрепляющим», «удерживающим» (от миграции) эффектом. Интерпретация этого явления русскоязычными жителями Киргизии будет дополнена в 4 главе данного раздела конкретными историями переселения (на материале углубленных интервью с самими «возвращенцами»). Их опыт, переживания и оценки, невольно сталкивая ситуацию «здесь», «там» и опять «здесь», помогут наполнить новым содержанием и расцветить более яркими красками те пока довольно абстрактные положения о динамике условий жизни на двух полюсах, которые здесь представлены.

Полюс выезда — нейтрализация отторжения

Ключевые факторы дискриминации нетитульного населения в постсоветской Киргизии давали и дают о себе знать, в отличие от стран Балтии, в основном не на законодательном и официальном уровне (где в большом ходу лозунг «Кыргызстан — наш общий дом!»), а на уровне социально-политической и деловой практики. Однако логика и сложность самой жизни существенно смягчили выталкивающий эффект, подспудно порождаемый реалиями изучаемого национализировавшегося государства. Как это происходило в 1990-е гг., мы рассмотрим в отдельных главах данного раздела на примере двух проблем, которые во всех постсоветских странах, и Киргизия не исключе-

ние, стали для русскоязычных большой головной болью и одновременно серьезным тестом на способность к адаптации. Речь идет об **отношениях между титульной группой и русскоязычными** (в обиходе — **бытовом национализме**), а также о сдвигах в **формальном и реальном статусе русского языка**. Таким образом, мы обратимся к тем сферам жизни, благоприятная динамика которых зависела в основном от позиции и поведения титульной группы — как на бытовом, так и на властном уровне (а в языковой области — еще и от состояния «имперского» наследства), а на долю русскоязычных оставалась лишь своего рода пассивная адаптация.

Иначе, на мой взгляд, следует трактовать то, как русскоязычным удалось сдать экзамен на **приспособление к новым, рыночным условиям** существования — общий для жителей всех постсоветских стран, хотя и имеющий в каждой из них свою специфику. Успех адаптации в решающей степени зависит здесь от активности самих людей, их индивидуальных усилий по социальному продвижению, улучшению своего положения на рынке труда; накопленных ресурсов и пр. Тем более эти положения можно отнести к той весьма открытой и свободной экономике, которая сформировалась в Киргизии, где государство самоустранилось не только от решения социальных проблем населения, но и от излишнего вмешательства в деятельность хозяйствующих субъектов всех уровней. Этой важнейшей стороне адаптации русскоязычных будет посвящен специальный, второй раздел книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Субботина И. А.* Русская диаспора: численность, расселение, миграция // Русские в новом зарубежье: Киргизия. Этносоциологические очерки. М., 1995. С. 58.

² Там же. С. 62.

³ См.: Русские. Этносоциологические очерки. Под ред. Ю. В. Арутюняна. М., 1992. С. 19.

⁴ См.: *Кумсков Г. В., Кумскова Н. Х., Суванкулов А. Р.* Регулирование миграционных процессов в Центральноазиатском экономическом сообществе. Бишкек, 1998. С. 48.

⁵ Миграция населения между Россией и государствами СНГ и Балтии в 1989–1998 гг. Неопубликованные материалы Госкомстата России. С. 1.

⁶ Численность и миграция населения Российской Федерации в 1995 г. М., 1996. С. 23.

⁷ В 1996 г. в Россию прибыло 18,9 тыс. чел., в 1997 г. — 13,7 тыс., 11,0 тыс. в 1998 г. и 10,4 в 1999 г. (Численность и миграция населения Российской Федерации в 1996 г. М., 1997. С. 32; Численность и миграция... в 1997 г. М., 1998. С. 23; Численность и миграция... в 1998 г. М., 1999. С. 23; Численность и миграция... в 1999 г. М., 2000. С. 32).

⁸ Численность и миграция... в 2001 г. М., 2002. С. 42.

⁹ 2001 г. — 10,7 тыс. человек, 2002 г. — 13,1; 2003 г. — 6,9 тыс. человек (Численность и миграция... в 2001 г... С. 42; Численность и миграция... в 2003 г. М., 2004. С. 44).

¹⁰ Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 2002. С. 140.

¹¹ Для справки: в 2000 г. нетто-миграция в Россию из всех стран СНГ и Балтии составила 266,8 тыс. человек, и примерно одинаковую цифру дали 2001 и 2002 гг. — 123,7 и

- 124,3 тыс. человек соответственно (Численность и миграция... в 2001 г. С. 42; Численность и миграция... в 2003 г. С. 44).
- ¹² Население России 1996. Четвертый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 1997. С. 136.
- ¹³ Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 2000. С. 121.
- ¹⁴ Там же. С. 135.
- ¹⁵ Население России 2001... С. 139.
- ¹⁶ Там же. С. 146.
- ¹⁷ Подсчитано автором по электронной версии Первой национальной переписи населения Киргизской Республики.
- ¹⁸ Население России 2001... С. 135.
- ¹⁹ Население России 1995. Третий ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 1996. С. 77.
- ²⁰ Так, например, в 2001 г. российская статистика недоучла примерно 31 тыс. мигрантов из Казахстана — вывод, сделанный экспертами ЦДЭЧ при сравнении данных российских и казахстанских официальных источников (см.: Население России 2001... С. 135–136).
- ²¹ См.: *Арт Н.* Миграция, гражданство: МИД РФ располагает собственными данными о количестве этнических русских в СНГ // Литературная газета. М., 2003, 26 марта.
- ²² Переписи, безусловно, тоже не безупречны, но тут приходится выбирать из двух зол меньшее. Интересный и во многом критический анализ методологии и практики проведения серии постсоветских переписей в той их части, где речь шла об учете языка, национальности и миграционного статуса, содержится в статье Доминика Ареля (см.: *Arel D.* Demography and Politics in the First Post-Soviet Censuses: Mistrusted State, Contested Identities // *Population*. P., 2002. Vol. 57. № 6). Автор показывает влияние советского политического и академического наследия в трактовке этничности на выбор методологии и технологии учета, посвящая большую часть статьи российскому опыту.
- ²³ Кстати, в предыдущей статье на ту же тему Н. Арт, говоря о Киргизии, привела ту же цифру, но якобы относящуюся к «русскоязычным» (см.: Независимая газета. М., 2002, 22 мая).
- ²⁴ *Арт Н.* Миграция, гражданство...
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Пилкинетон Х.* Российская пресса о проблемах миграции и положении вынужденных переселенцев // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. Под ред. А. Р. Вяткина, Н. П. Космарской и С. А. Панарина. М., 1999. С. 102, 103.
- ²⁷ НГ-Регионы. М., 1998. № 2. С. 5.
- ²⁸ В этом утверждении я опираюсь на результаты своих полевых исследований в Центральной России (см., напр.: *Космарская Н. П.* Интеграция вынужденных переселенцев в российское общество // Вынужденные мигранты и государство. Отв. ред. В. А. Тишков. М., 1998. С. 211–236).
- ²⁹ Такая попытка «взять на жалость» ничем переселенцам не помогала. Между тем любой исследователь, непосредственно работавший с ними и принимающим населением, наверняка может вспомнить не раз слышанные из уст последнего замечания типа: «Какие же вы беженцы, раз с коврами приехали?» или даже рассказы о том, что где-то «приезжих подпалили», а потом сказали: «Вот теперь вы настоящие беженцы!».
- ³⁰ Здесь и далее цитирую по обзору конференции, опубликованному в еженедельнике «Панорама», Алма-Ата, 7 ноября 1997 г.
- ³¹ Литературная газета. М., 1999, 25 августа.
- ³² Население России 2001... С. 145–146.
- ³³ См.: <http://news.ferghana.ru/detail.php?id=244>.
- ³⁴ *Смирнова С., Алксис В.* Россия принимает соотечественников // Содружество НГ. М., 2000. № 11. С. 2. Для сравнения: в 1999 г. из Казахстана в Россию прибыло 138,5 тыс.

- человек, из Узбекистана, обычно занимающего второе место (при численности русскоязычных, сопоставимой с Киргизией) — 41,6 тыс., из Таджикистана — 12, 1 тыс., а из Киргизии — 10,4 тыс. человек (см.: Численность и миграция... в 1999 г. С. 32).
- ³⁵ Литературная газета. 1999, 25 августа.
- ³⁶ Население России 1996... С. 145.
- ³⁷ Айрапетова Н. Диалог «НГ» и русских общин становится активнее // Содружество НГ. 2000. № 6. С. 10.
- ³⁸ Численность и миграция... в 2000 г. М., 2001. С. 32.
- ³⁹ НГ-политэкономия. М., 2000. № 18.
- ⁴⁰ Представительство ФМС в Киргизии начало свою работу 23 февраля 1998 г. Аналогичные российские учреждения ранее были открыты в Таджикистане, Туркмении и Латвии. Бишкекское представительство действует в соответствии с «Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев» от 18 мая 1995 г. Лица, получившие статус добровольных переселенцев, получают право на ряд льгот, в частности, освобождение от таможенных сборов при ввозе имущества на территорию России.
- ⁴¹ Вечерний Бишкек (газета). 1999, 26 июля.
- ⁴² НГ EX LIBRIS. М., 2000, 3 августа.
- ⁴³ Имеются в виду в первую очередь оценки ситуации в центральноазиатском регионе.
- ⁴⁴ Независимая газета. 1999, 24 марта.
- ⁴⁵ Стратегии развития диаспоры. Собрание «русского мира» на задворках СНГ-дипломатии // Содружество НГ. 1998. № 5. С. 5.
- ⁴⁶ Лядухов Г. Системные преобразования в Киргизии: отражение в сознании и поведении нетитульного населения // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии. Под ред. Г. Витковской. М., 1998. С. 171.
- ⁴⁷ Витковская Г. С. Вынужденная миграция в Россию: итоги десятилетия // Миграционная ситуация в странах СНГ. Под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 1999. С. 159.
- ⁴⁸ Мукомель В. И. Перспективы притока вынужденных мигрантов в Россию // Там же. С. 195.
- ⁴⁹ Грозин А. Республика Казахстан: в поисках государственной идеологии // Этнический национализм и государственное строительство. М., 2001.
- ⁵⁰ На протяжении всей книги я всячески старалась избегать не только проявлений своих чувств, но и использования без каких-либо оговорок терминов внешне нейтральных, но являющихся по своему происхождению и смыслу чисто политическими. Так, мое отношение к слову «русские» подробно было изложено во введении. Термин «соотечественники» появляется в книге только в закавыченном виде, лишь как синоним русскоязычных ближнего зарубежья. Аналогично я поступаю на протяжении всей книги со словом «диаспора» (в приложении к последним), ввиду его политической окрашенности и недоказанности диаспоральной сущности изучаемых сообществ. Исключением станет заключительный раздел книги, как раз и посвященный поиску ответа на вопрос: «Диаспоры или нет? А если не диаспоры, то что?»).
- ⁵¹ Например, по прогнозу Г. Витковской, основанному на опросе русскоязычных жителей Киргизии, Казахстана и Узбекистана в 1994–1995 гг., в течение пяти лет (начиная с 1996 г.) следовало ожидать приезда в Россию на постоянное жительство примерно 4 млн. человек (см.: Независимая газета, 1996, 11 июля). Между тем, напомним, в 1996–2000 г. из **всех** стран региона в Россию прибыло лишь немногим более 1300 тыс. человек (см. введение, примечание 1). Не реализовался и прогноз, согласно которому в первые годы XXI в. якобы грянет новая волна выезда из Казахстана, превосходящая отток начала 1990-х гг. По этому прогнозу, в 2000–2004 гг. страну покинут около 1,5–1,7 млн. человек, в основном русскоязычных (см.: Грозин А. Республика Казахстан: в поисках государственной идеологии... С. 404).
- ⁵² Социально-политическая ситуация и положение новых диаспор в Казахстане и Киргизии: взгляд оттуда. Библиотека Московского Центра Карнеги. SM-Mig/97–2. С. 14.

- ⁵³ Там же. С. 16.
- ⁵⁴ Там же. С. 18.
- ⁵⁵ Комарова О., Тишков В. Миграции и миграционная политика // Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. Под ред. В. А. Тишкова. М., 1996. С. 32–33, 35.
- ⁵⁶ См.: Независимая газета. 1999, 24 февраля.
- ⁵⁷ Полоскова Т. Искушение «диаспоральной» полемикой. Россия обязана помочь соотечественникам научиться выживанию // Содружество-НГ. 2000. № 2. С. 3.
- ⁵⁸ Русскоязычное население Финляндии. Семинар в Хельсинки, 25–26 сентября 2003 г. Хельсинки, 2003. С. 13.
- ⁵⁹ Айрапетова Н. Пока только декларации. Российская власть не торопится оказывать реальную поддержку соотечественникам // Содружество-НГ. 2000. № 11. С. 13.
- ⁶⁰ Круглов Е. «Русский вопрос» в Казахстане. Реальные проблемы и реальные перспективы // Независимая газета. 2001, 24 мая.
- ⁶¹ См., напр.: Семенов А. Россия вспомнила о «своих». Между диаспорой и Москвой должны быть отношения партнерства // Независимая газета. 2000, 22 ноября; Полоскова Т. Диктатура дилетантов. Кто раскалывает русское движение зарубежья // Там же. 2001, 17 марта; она же. Диалог будет трудным // Там же. 2001, 10 октября.
- ⁶² Остапенко Л. В., Субботина И. А. Русские в Молдавии: миграция или адаптация? М., 1998.
- ⁶³ См.: Савоскул С. С. Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М., 2001.
- ⁶⁴ Там же. С. 430. См. также с. 429.
- ⁶⁵ См.: Ситнянский Г. Ю. Русские в СНГ — «здесь» или «там». По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации». Институт этнологии и антропологии РАН. Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 160. М., 2003.
- ⁶⁶ Там же. С. 10.
- ⁶⁷ См., напр.: Лебедева Н. М. Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М., 1995; М., 1997 (2-е изд.).
- ⁶⁸ Gudkov L. The Structure and Character of Migration of Russians from the Former Republics of the USSR // The New Russian Diaspora. Russian Minorities in the Former Soviet Republics. Ed. by V. Shlapentokh, M. Sendich & E. Payin. N. Y., L., M. E. Sharpe, 1994. P. 172.
- ⁶⁹ Ibid.
- ⁷⁰ Ibid. С. 172, 173.
- ⁷¹ Nikolaev S. Russians in Uzbekistan // The New Russian Diaspora... P. 120.
- ⁷² Ibid.
- ⁷³ Насколько адекватен такой термин, особенно по отношению к русскоязычным в целом — заслуживает особого разговора. К этому сюжету мы вернемся в заключительном разделе книги.
- ⁷⁴ Payin E. The Future of Russians in the New States of the Former Soviet Union // The New Russian Diaspora... P. 210.
- ⁷⁵ Миграция населения между Россией и государствами СНГ и Балтии... С. 2.
- ⁷⁶ Интервью Т. Полосковой ИА REGNUM 13 февраля 2005 г. См.: <http://centrasia.org/newsA.php4?st=1108363860>.
- ⁷⁷ Это тот самый опрос, на котором в значительной степени и основаны выводы о положении русскоязычных Киргизии, сделанные С. Савоскулом в его книге 2001 г.
- ⁷⁸ Русские в новом зарубежье. Итоги социологического обследования в цифрах. Отв. ред. С. С. Савоскул. М., 1996. С. 127.
- ⁷⁹ См., напр.: Россия и мусульманский мир. Бюллетень реферативно-аналитической информации. М., 1997. № 2 (56). С. 131; Независимая газета. 1996, 15 мая.
- ⁸⁰ См.: Бушков В. И., Ситнянский Г. Ю. Таджикистан и Киргизия: резмиграция — реальность или фантазия? // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. М., 1997. С. 254.
- ⁸¹ Анализ этнополитической и социально-экономической обстановки в Киргизской Республике за 1994 г. — начало 1995 гг. // Информационно-аналитический бюллетень № 7. Федеральная миграционная служба России. М., 1995. С. 70.

⁸² Там же.

⁸³ Имеется в виду распространенная в 1990-е гг. и являющаяся плодом народной смекалки практика получения жителями стран Центральной Азии суррогата двойного гражданства; иными словами, приобретение, не вполне законными средствами, двух паспортов — российского и страны проживания взамен старого, советского. Подобная практика стала удачной альтернативой миграции, весьма выигрышным сидением на двух стульях, поскольку давала возможность долго жить в России, получать там пенсии, пособия; устраиваться на работу и учебу; приобретать недвижимость, заниматься бизнесом, и все это легально, в качестве полноправных граждан и без мучительного переезда с обрубанием всех концов в стране постоянного проживания (подроб. об этом см.: *Космарская Н. П.* Хотят ли русские в Россию? (Сдвиги в миграционной ситуации и положении русскоязычного населения Киргизии) // В движении добровольном и вынужденном... С. 196—199).

⁸⁴ Удовлетворимся пока данными констатациями, но к этому очень важному вопросу о восприятии российских реалий и России вообще мы еще обратимся по ходу изложения — во-первых, сравнивая массовые представления о причинах возвращения с интерпретацией самих вернувшихся; во-вторых, анализируя различные пласты идентичности русскоязычных и подыскивая объяснения тех или иных ее проявлений.

⁸⁵ Сумма не равна 100%, поскольку высказывания некоторых респондентов содержали не одно, а несколько объяснений причин возвратной миграции.

⁸⁶ Для полноты картины отмечу также «ностальгию по родным краям, оставшимся друзьям» как фактор возвращения (3,5% высказываний в 1996 г. и 4,1% — в 1998 г., причем оба раза почти все подобные мотивы прозвучали из уст тех респондентов, кто не был настроен на миграцию). И, наконец, лишь в единичных случаях (2,9% ответов 1996 г. и 1,3% — 1998 г.) респонденты возлагают вину за сложившуюся ситуацию на самих переселенцев («нежелание или неумение работать»; «они испугались временных трудностей»; «ума нет, сорвались с места, а теперь возвращаются» и пр.).

АНАТОМИЯ «БЫТОВОГО НАЦИОНАЛИЗМА» (СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА МЕЖГРУППОВЫХ ОТНОШЕНИЙ)

Постановка проблемы

Весной 2002 г. в «Независимой газете», тогда еще уделявшей довольно много внимания проблемам русскоязычных сообществ, в рубрике «Русский проект» появился материал «Жизнь на “тройку”». Его автор, Наталья Айрапетова, рассказала читателям об оценках «состояния русской диаспоры в ближнем зарубежье», сделанных группой экспертов по ряду критериев, среди которых значились и «отношения с населением»¹. Эти оценки, почти все тотально пессимистические и практически не допускающие возможности заметных позитивных сдвигов в положении русскоязычных (общий вывод: «В СНГ и Балтии общая атмосфера вокруг русских за 10 лет не изменилась»²), представлены как результаты «исследования» и «объективного анализа», «резко отличающиеся от политических деклараций и мифов». Но так ли это? О каких «исследованиях» идет речь, когда почти никто из названных экспертов реальным, «низовым» изучением русскоязычных в различных странах не занимался (а те, кто это делал, например, Сергей Савоскул и Надежда Лебедева, в число знатоков не попали)? Да и способен ли один человек «объективно» оценить изменение ситуации по 20 параметрам во многих странах за десяток лет, насыщенных разного рода событиями и трансформациями? Если, например, по поводу масштабов политического представительства еще можно судить по справкам из посольств или иных учреждений, то каким образом оценить, не спросив самих «русских», т. е. без разнообразных полевых исследований, как к ним относится титульное население, каковы у них миграционные намерения, возможности пользоваться русским языком, перспективы продуктивной занятости и т. п.; как, наконец, эти возможности реализуются (и все это в динамике)? По сути, представленная экспертиза являет собой квинтэссенцию того политизированного декларативного алармизма, о котором подробно говорилось в главе 1 (причем упор делается исключительно на русских). Здесь нелишне еще раз вспомнить приведенные выше (разд. I, глава 1) слова Татьяны Полосковой об избытке на изучаемой проблемной площадке геополитиков (политологов) и острой нехватке «полевиков».

Между тем, если обратиться к теме главы — «общей атмосфере вокруг русских» на бытовом уровне, иначе говоря, к проблеме так

называемого бытового национализма, позитивная динамика на этом фронте видна на эмпирическом материале даже исследователей алармистской направленности. Получается, что цифры не всегда говорят в унисон с авторскими намерениями. Так, Галина Витковская, подводя итог первому десятилетию вынужденных миграций русских из стран Центральной Азии в Россию (по результатам двух своих опросов 1994–1995 и 1997–1998 гг.), приходит к выводу, что «процесс этнокультурной и этносоциальной дисадаптации большинства нетитульного населения продолжает развиваться по нарастающей, а предпосылки для его адаптации в этих странах весьма слабы»³. Однако приводимые в статье данные вызывают сомнения в правомерности столь решительных умозаключений, хотя автор и оберегает свою «кухню» от постороннего взгляда, не давая точных формулировок задаваемых вопросов; не указывая, открытыми они были или закрытыми, сколько «выборов» разрешалось делать респондентам и т. п. Как, например, совместить упор автора на слова с приставкой «этно-» при объяснении причин миграции с тем, что мотивы, обозначенные ею как «этнические» (отношения с коренным населением, проблемы языка, образования; этническая дискриминация и пр.), по результатам опроса 1997–1998 г. для казахстанских русских по частоте «выборов» стоят на втором месте, для киргизстанских — на третьем, а для проживающих в Узбекистане — на четвертом?⁴ Говоря об этой группе выталкивающих факторов, Г. Витковская далее пишет следующее: «Подобные мотивы в 1994 г. называли среди русских потенциальных эмигрантов 29% в Казахстане, 36 — в Кыргызстане и 41% в Узбекистане. В 1997–98 гг. доля этих мотивов **сохранилась на прежнем уровне только в Казахстане, а в Узбекистане и Кыргызстане сильно уменьшилась** [выделено мной. — Н. К.], хотя частотность ответов о наличии этнически обусловленных трудностей в 1997–98 гг. практически соответствует таковым в 1994 г.»⁵. Возникает вопрос: почему же тогда «дисадаптация развивается по нарастающей»?

Замечу, речь все время идет о «потенциальных мигрантах» и их мотивациях; но были и есть люди, выезжать не собирающиеся. Автор статьи старается не заострять на них внимание читателя, но кое-какие цифры все же дает. В частности, последняя из приведенных цитат заканчивается ссылкой на таблицу «Испытывают ли русские трудности из-за своей национальной принадлежности» (1997–1998 г.), которая ясно свидетельствует о существенной разнице в ощущениях «намеренных уехать» и «намеренных остаться». Так, в Узбекистане «да» ответили 44% первых и всего 7% вторых; в Казахстане — 32 и 16%, в Киргизии — 35 и 12% (замечу, что даже среди настроенных на отъезд лишь меньшая часть считала, что национальность им «мешает»); «нет», соответственно, ответили 49 и 91% в Узбекистане; 43 и 70% в Казах-

стане и, наконец, 37 и 77% в Киргизии⁶. Читатель вправе задуматься: как меняется доля «намеренных остаться»? Если падает, то к выводу о «нарастающей дисадаптации», наверное, стоило бы прислушаться. Лишь через много страниц, почти в самом конце статьи, находим искомую динамику, причем обратного толка: за период между двумя опросами доля твердо нацеленных на выезд снизилась в Казахстане с 44 до 33%; в Киргизии — с 42 до 18% и в Узбекистане — с 65 до 32%⁷. Как тогда отнестись к такому выводу автора: «...в процесс эмиграции (включая и эмиграционные намерения) все активнее втягивается население, желающее остаться и менее всего настроенное на отъезд. Это свидетельствует не о затухании, а о нарастании процесса дисадаптации»⁸?

Диссонанс между цифрами и выводами наблюдаем и при анализе аналогичных сюжетов в работе С. Савоскула. В 1992 г. 56% опрошенных в Киргизии потенциальных мигрантов-горожан назвали в качестве мотива «ухудшение межнациональных отношений» (в селе — 35%); 29% выбрали опцию «принятие законов, ущемляющих права русских», и 19% — «ущемление национального достоинства русских». «Неустойчивое экономическое положение» в качестве причины выезда назвали всего 14% респондентов-горожан⁹. Опрос спустя два года горожан Казахстана, тоже потенциальных мигрантов, несмотря на небольшие различия в подборе «подсказок», можно трактовать, на мой взгляд, как заметный сдвиг («ухудшение межнациональных отношений» выбрали лишь 13% респондентов, «ущемление прав национальных меньшинств» — 3; «принятие законов, ущемляющих права человека» — 6%), при равновесных мотивациях экономического блока («неустойчивое экономическое положение» — 14%; «угроза безработицы» — 6; «рост цен» — 5%)¹⁰. Автор же делает вывод, что, наряду с экономическими трудностями, «весьма значимыми были и этнически окрашенные мотивы миграции, недаром обострение межэтнических отношений заняло второе место». Далее данное состояние дел пролонгируется на пять лет вперед: **«В целом такими же** видели мотивы миграции русского населения эксперты, опрошенные нами в 1999 г. в **Казахстане и Киргизии** [выделено мной. — Н. К.]»¹¹.

Но что же действительно увидели эксперты теперь уже в 1999 г.? Из представленной С. Савоскулом таблицы следует (привожу мнения только русских экспертов по Киргизии, в скобках — по Казахстану): социально-экономические факторы эмиграции назвали 46% (36) участников опроса; этническую дискриминацию — 7 (18); понижение статуса русского населения — 0 (11); этнопсихологические факторы — 7 (4); языковые проблемы — 4% (4)¹². Можно ли при этих результатах говорить «о таких же мотивах миграции» и, соответственно, о неизменном весе «этнических окрашенных мотивов» в конце 1990-х гг. в приложе-

нии к Казахстану и тем более к Киргизии? На мой взгляд, ответ отрицательный.

К более реалистичным выводам пришел тот же автор, уже прицельно рассмотрев состояние «межэтнических отношений» в каждом из обследованных регионов. По поводу Центральной Азии он, в частности, пишет следующее: «...по мере завершения перераспределения власти и собственности в пользу этнократических титульных групп... и окончательно утвердившегося в их среде понимания того, что русские диаспоры их стран не представляют для них какой-либо существенной угрозы ни сами по себе, ни как предлог для вмешательства со стороны России, отношение к местным русским властей и титульного населения, еще недавно находившегося под заметным влиянием этнократической пропаганды, должно смениться на более толерантное. Со временем общей стабилизации межэтнических отношений, несомненно, способствовала и психологическая адаптация русского населения к новой этнополитической ситуации»¹³.

В подтверждение этих выводов ученый приводит результаты опроса русских и «титульных» экспертов Казахстана и Киргизии в 1999 г. В первой стране 21% русских и 52% казахов полагали, что отношения между двумя группами, в сравнении с начальным периодом независимости, улучшились; соответственно, 50 и 35% не увидели изменений, а 21 и 4% отметили динамику в худшую сторону. В Киргизии русские и «титульные» эксперты были гораздо единодушнее: улучшение констатировали 54% русских и 63% киргизов; отсутствие изменений — 25 и 18%, а движение к худшему — соответственно, 14 и 15%¹⁴. Замечу в скобках, что дважды зафиксированные С. Савоскулом различия в оценках ситуации русскими экспертами Казахстана и Киргизии, возможно, отражают не только реальное положение дел, но связаны и с составом самих экспертов (их список, к сожалению, не приводится) — в частности, с перевесом в казахстанском списке тех, кто включен в работу именно с недовольной, ориентированной на выезд частью русскоязычных.

О реальности и универсальности сдвигов в изучаемой сфере говорят и данные о мотивах миграции из разных стран ближнего зарубежья, собираемые государственными органами статистики. Согласно обследованию конца 1991 г., в Киргизии 47% потенциальных мигрантов назвали в качестве причины «обострение межнациональных отношений»¹⁵ (остальные из предложенных опций фиксировали факторы личного характера — выезд на работу, учебу и т. п.)¹⁶. С 1997 г. Госкомстат России начал собирать и ежегодно публиковать данные о распределении мигрантов от 16 лет и старше по обстоятельствам, вызвавшим необходимость смены места жительства. В том году доля переселенцев из Киргизии, выбравших ту же опцию, составила всего 13,9% (аналогично для

Эстонии), уступая Казахстану (19,4), Таджикистану (26,9) и Узбекистану (17,5%). По всем странам СНГ и Балтии показатель был равен в 1997 г. 13,0%¹⁷, постепенно снижаясь (9,3% в 2000 г.; 7,9% в 2001 г.). Такой же тренд наблюдался и для отдельных стран (Киргизия в 2001 г. — 10%; Казахстан — 11; Таджикистан — 13; Узбекистан — 15%)¹⁸. Хотя строго социологически эти данные не вполне сравнимы, поскольку в первом случае опрашивались потенциальные, а во втором — реальные мигранты, направленность вектора изменений очевидна.

С точки зрения нашей темы интерес представляют результаты опроса Региной Фарандой и Дэвидом Нолле (*Regina Faranda, David Nolle*) 1 тыс. жителей Киргизии по общенациональной репрезентативной выборке (2001 г.) Наиболее полно были представлены самые крупные группы — киргизы, русские и узбеки, соответственно, 606, 163 и 129 человек. Русские, отвечая на вопрос о том, как они оценивают отношения между разными этническими группами в стране в целом и своем городе/регионе (опции: «очень хорошие», «хорошие», «плохие», «очень плохие»), проявили себя, по словам авторов, «наименее позитивными». Однако так они выглядели лишь на фоне почти поголовного «позитива» со стороны узбеков и киргизов. Мне же представляется, что 66% положительных оценок на страновом (61% — «хорошие»; 5% — «очень хорошие») и 78% таких же оценок на локальном уровне (64 и 14%) свидетельствуют об удовлетворенности русских ситуацией в изучаемой сфере¹⁹. Что же касается более позитивного восприятия русскими (как и другими группами) положения дел «вблизи», нежели «вдали» от них, то этот результат американских ученых соответствует нашим качественным данным (сравнение по линии «село — город», см. ниже).

Наконец, представим обобщенную оценку русскоязычными, через призму личностной ситуации, широкого спектра насущных социально-политических и экономических проблем, с которыми сталкивались люди в Киргизии (см. табл. 1, 2). Судя по реакции на почти идентичный набор подсказок, во второй половине 1990-х гг. их занимали главным образом трудности универсально постсоветские — добывание денег и поиски наиболее подходящей для этой цели работы, а также рост преступности, при значительно более слабой озабоченности проблемами «соотечественников» — «оторванностью от России» и «состоянием межнациональных отношений».

Несколько отвлекаясь в сторону, особо надо сказать о будущем детей, вызывавшим, судя по представленным данным, наибольшую тревогу у респондентов, независимо от их миграционных намерений. В трактовке Г. Витковской, чьи респонденты чаще всего называли эти опасения в качестве «мотива потенциальной эмиграции» (и в этом аспекте наши результаты сходны), они в значительной степени обусловлены причинами с приставкой *этно*²⁰. На мой же взгляд, мы имеем тут

Таблица 1

**Основные «беспокойства» русскоязычных жителей Бишкека
(по опросу 1996 г.; %)***

Что Вас больше всего сейчас беспокоит?	В целом по массиву (N=304) **	Желающие остаться (N=129)	Желающие уехать (N=159)
1. поиски подходящей работы	34,5 (III)	37,2 (IV)	31,4 (III)
2. отношения с людьми на работе	4,3	5,4	3,8
3. нехватка денег	67,8 (II)	65,1 (II)	69,8 (II)
4. нет нужных товаров	4,9	5,4	3,8
5. личная безопасность	14,5	11,6	15,1
6. оторванность от России	12,5	6,2	17,6
7. будущее детей	72,7 (I)	73,6 (I)	72,9 (I)
8. рост преступности	32,2 (IV)	38,0 (III)	27,7
9. политическая нестабильность	16,1	18,6	15,1
10. состояние межнациональных отношений	23,3	14,7	28,9 (IV)
11. другое	3,6	5,4	2,5

* Сумма не равна 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько ответов (от одного до трех).

** Здесь и далее во всей книге размеры групп «остающихся» и условно «желающих уехать» не совпадают с общим числом опрошенных. Разница включает тех, кто, отвечая на вопрос: «Как Вы относитесь к переезду в Россию...», выбирал опции «решил(а) уехать...» и «другое» (в основном готовящиеся к переезду в страны дальнего зарубежья).

дело в первую очередь с универсальным комплексом массового сознания, порожденным нестабильностью переходных обществ, крахом социально-ориентированных экономик, с их гарантиями предоставления хотя и скромных по качеству, но бесплатных благ, нежели с этнически окрашенными трудностями жизни в бывших республиках. Вряд ли среди читающих эти строки найдется много россиян, коих не снедают денно и нощно беспокойства о будущем своих детей, независимо от их возраста.

Приведу простой пример из собственной социологической практики, теперь уже российской. При интервьюировании в 1995 г. вынужденных переселенцев из Центральной Азии в селах Орловской области²¹ выяснилось, что их главными «беспокойствами» в странах исхода, обусловившими миграцию, были все те же тревоги о будущем детей и

Таблица 2

**Основные «беспокойства» русскоязычных жителей Бишкека
(по опросу 1998 г.; %)***

Что Вас больше всего сейчас беспокоит?	В целом по массиву (N=325)	Желающие остаться (N=187)	Желающие уехать (N=105)
1. отсутствие подходящей работы	32,0 (III)	26,7 (III)	40,0 (III)
2. отношения с людьми на работе	4,0	4,8	3,8
3. нехватка денег	61,5 (II)	58,8 (II)	71,4 (I)
4. личная безопасность	16,3	21,9 (IV)	5,7
5. межнациональные отношения	11,7	9,1 (VI)	17,1 (V)
6. оторванность от России	6,8	2,1	14,3 (VI)
7. будущее моих детей	64,3 (I)	67,9 (I)	68,6 (II)
8. углубление кризиса в России	12,3	10,7	9,5
9. рост преступности	23,4 (IV)	26,7 (III)	20,0 (IV)
10. политическая нестабильность в Киргизии	10,2	10,2	9,5
11. политическая нестабильность вокруг Киргизии	17,8	18,7 (V)	14,3 (VI)
12. другое	6,2	5,9	3,8

* Сумма не равна 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько ответов (до трех).

экономические трудности (отсутствие работы, безденежье и пр.). Однако, когда на значительном «отдалении» от этого вопроса их спрашивали: «Что больше всего беспокоит Вас сейчас?», приоритеты выстроились и количественно, и качественно очень похожим образом: впереди с огромным разрывом шли ответы под рубрикой «нехватка денег» (свыше 80% случаев) и «будущее детей» (около 70%), а лишь потом, на уровне 40% и ниже «ковыляли» ответы, затрагивающие социально-экономическую ситуацию в России; отношения с местными жителями, с начальством; уровень преступности, состояние здоровья и т. п. Показательна и цифра, приведенная Т. Полосковой в ходе вышеупомянутой экспертизы, а также ее комментарий: «интерес к языку зависит от интереса к стране в целом (в данном случае — к России), а если учесть, что в самом нашем Отечестве, по данным ВЦИОМ, почти треть из опрошенных родителей не желают, чтобы их дети учились

и жили в России, то и требовать большего патриотизма от других стран пока нереально»²². Далее в книге мы еще вернемся к категории «беспокойство о будущем детей», чтобы посмотреть, какой смысл вкладывают в нее русскоязычные жители Киргизии.

Таблицы свидетельствуют еще о такой важной особенности восприятия ситуации русскоязычными, специально отмеченной во введении, как субъективность в оценках и мнениях, вызванная избирательным воздействием (и/или особым их реагированием) на вызовы национализирующегося государства. Действительно, «желающих остаться» гораздо меньше волнует «состояние межнациональных отношений», чем нацеленных на отъезд. Зато они заметно больше обеспокоены ростом преступности и политической нестабильностью вокруг Киргизии (опция, появившаяся в 1998 г. в качестве реакции на периодически обостряющуюся ситуацию в Афганистане), что, видимо, связано в глазах опрошенных с проблемой личной безопасности. Судя по всему, те, «кому здесь жить», воспринимают перечисленные проблемы как реальные, а «межнациональные» на их фоне — как в значительной мере надуманные, «вкусовые» (см. также ниже).

Собственно, будь моей целью лишь констатация определенных позитивных сдвигов в отношениях между киргизами и «европейцами», приведенными данными можно было бы и ограничиться. Но, на мой взгляд, интереснее и продуктивнее сосредоточиться на другом. Это восприятие ситуации разными группами русскоязычных и с различных сторон, в частности, их интерпретация позиции киргизов и собственной склонности к «интернациональным» контактам; «примерка» ситуации на себя и отстраненная ее оценка в более широком социальном контексте; это глубинные причины социальной напряженности, проявлявшей себя в первые постсоветские годы как «межэтническое противостояние», а также причин, которые впоследствии способствовали ее преодолению или «перетеканию» потенциала конфликтности в зоны, возникшие по линии иных, нежели межэтнические, общественных «разломов». «Объяснительный» подход тем более нужен, поскольку он может иметь не только ретроспективное значение, но и помочь спроецировать развитие событий в будущем.

Нижеследующее и представляет собой попытку подобной «анатомии» бытового национализма, предпринятую с помощью собранного в Киргизии разнообразного эмпирического материала. Сразу отмечу, что тут нельзя ограничиваться лишь применением «жестких» методик (в частности, анкетированием на основе закрытых вопросов), которое к тому же не всегда эффективно. Так, например, часто задаваемый прямой вопрос о том, улучшились ли отношения..., ухудшились или остались прежними, не вполне поддается содержательной интерпретации, поскольку неясно, что означает для респондентов последняя

опция: «прежними плохими» или «прежними хорошими» (тем более при высокой частоте ее выбора)²³. Несоответствия в подборе и формулировках «закрывают» затрудняют сравнение результатов различных опросов. Индивидуально и понимание людьми таких слов, как «конфликт», «ущемление» и т. п., поэтому использование их в анкете сопровождалось у меня открытыми вопросами. Наиболее информативными мне представляются материалы углубленных интервью, в первую очередь с экспертами, из-за их высокой аналитичности. Но и обычные люди, отвечая на вопрос об «атмосфере вокруг них», как правило, не ограничивались односложными констатациями «хуже — лучше», «больше — меньше», а начинали размышлять, вспоминать, сопоставлять, делать выводы.

Факторы обострения

Как все начиналось: «властители умов»

Просматривая полевые дневники первых экспедиций (они состоялись, напомним, в октябре 1992, мае 1993 и сентябре 1994 г.), листая газетные вырезки и анализируя тексты интервью, поневоле погружаешься в атмосферу тех лет и осознаешь, насколько нестабильной, тревожной выглядела ситуация.

Подобно сценариям, проигранным историей в других бывших советских республиках, новые веяния зародились «наверху», в рядах титульной интеллигенции, инициировавшей и возглавившей движения за «национальное возрождение». Однако особенности освоения Центром подконтрольной периферии обусловили и специфику последующего «преодоления прошлого» (в том числе и на уровне «улицы»), наиболее заметную при сравнении во многом полярных моделей такого преодоления — балтийской и центральноазиатской. А в рамках последней киргизстанский вариант также обладает своим особым «лицом».

Посмотрим на красочное журналистское описание эстонской ситуации, в котором верно схвачены, на мой взгляд, ее ключевые характеристики: «Как ни старалась официальная советская пропаганда убедить весь свет в торжестве всепоглощающей дружбы народов, холодок в отношениях между эстонцами и неэстонцами присутствовал здесь всегда. Если до открытой ссоры не доходило, то и на чашку чая не зывали... Так и жило это общество под красным полотнищем, подбитым голубой волной, пока не потянул властный и обещающий ветер перемен. Когда на Вышгороде, на башне Длинный Герман, поднимали сине-черно-белый флаг Эстонии, на прилегающей площади и в сквере было тесно, как в переполненном трамвае. Люди распевали

народные песни, раскачивались, как за свадебным столом. Многие плакали. Решению выйти из состава Союза не нужно было созреть. Оно существовало всегда и выпорхнуло на волю, как только открыли форточку. Русскоязычной части населения все это было не по нраву... Эстонско-русское противостояние достигло небывалого прежде накала. Что и отразилось в политике первого правительства новой Эстонии..., главной темой которого было — угнетенные и угнетатели»²⁴.

Что касается Киргизии, то **«переход» проходил не только в более замедленном темпе, но и с качественно иными параметрами.** Если говорить кратко, независимости отнюдь не ждали здесь «всем миром» как манны небесной; и еще долго после ее провозглашения не только часть русскоязычных, но и киргизов сожалели (или начали сожалеть позднее) о распаде Советского Союза, пусть не как «империи», но социально-ориентированного и социально предсказуемого государства. **Степень политизации общества, его глубинных пластов, оказалась неизмеримо меньшей.** И близко не было подобного эстонскому единению титульных элит и рядовых граждан в противостоянии с «угнетателями», а сами элиты и население были и остаются с этой точки зрения весьма неоднородными, что во многом обусловлено масштабами и особенностями модернизации (русификации) местного традиционного общества. Сюда примыкает и следующий важный момент: отношения между «русскими» и киргизами на протяжении гораздо более длительной, чем в Эстонии, истории их контактов (подавляющее большинство встретивших независимость русскоязычных Эстонии — послевоенные переселенцы и/или их потомки), на мой взгляд, не поддаются оценкам однозначным, одномерным. Они прошли через ряд этапов и требуют для своего описания более красочной палитры. Эти принципиальные положения, к которым мы обратимся «под другим соусом» и в последующих частях книги, имеют непосредственное отношение и к теме данной главы.

Итак, вернемся в Киргизию начала 1990-х гг. В условиях утраты социально-политического контроля Центра, снятия цензурных ограничений и полновесной гласности «межэтническая» тема вылилась на страницы прессы, где была в тот период одной из самых обсуждаемых (конкуренцию составляли лишь экономические трудности переходного периода и введение страной собственной валюты). Идеология и практика «национального возрождения» воплощались в разнообразных течениях и организациях — от радикально-националистических до умеренных, делавших больший упор на права человека, независимо от этнической принадлежности, и борьбу с тоталитарной системой, всевластием компартии. Выдвигались националистические лозунги («Киргизстан — для киргизов!») и очень уязвимые с точки зрения прав человека законодательные инициативы, которым Аскар Акаев был

вынужден противодействовать всеми доступными ему средствами (так, он дважды накладывал вето на Земельный Кодекс, провозглашавший землю собственностью лишь киргизского народа). Подоспевшая «полукруглая» годовщина восстания 1916 г., очень драматичного эпизода в отношениях русских и народов Центральной Азии, требующего непредвзятого «прочитывания» на новом историческом витке, дала дополнительный повод к публичному разговору о «вине» русских, необходимости покаяния и т. п.; к проведению в 1991 г. памятных шествий, митингов²⁵. Принятие 5 мая 1993 г. Конституции, в которой русскому языку было отказано в статусе средства межнационального общения, стало еще одним ударом по нервам «некоренного населения» (языковая ситуация в контексте задач исследования специально рассматривается в главе 3 данного раздела).

Думающим, интересующимся политикой русскоязычным, естественно, становилось неуютно после знакомства в газете с такими, например, заявлениями: «Мы защищаем права нации, а потом — права человека! Мы партия национального возрождения, представляем и защищаем интересы киргизского народа. И мы не боимся слова “националист”, мы им гордимся. Киргизская земля должна принадлежать только киргизам», и далее в том же духе (из интервью с председателем Центрального совета партии «Асаба» («Знамя») Джамилем Анарбековым)²⁶. Не имея здесь возможности подробно анализировать прессу тех лет, я выбрала два хотя и пространных, но показательных, на мой взгляд, фрагмента. Каждый из них построен на прямом или заочном диалоге сторон и раскрывает их позиции, аргументы, претензии, обиды и пр., давая тем самым возможность почувствовать атмосферу, уже подернутую дымкой времени.

Вот размышления журналистки оппозиционной газеты «Res Publica» («Общее дело») Марины Сивашевой в рубрике «Настроение недели», навеянные встречей с пожилым читателем-киргизом: «Пришел в редакцию один аксакал и стал пенять мне, что в последнем материале я обидела очень уважаемых людей, написав, что полетели головы (с мест, кресел, имела в виду я). “Мы вам не бараны, чтоб так обижать нас”, — расшумелся он. Когда же я попыталась объяснить товарищу, что русский язык хоть и непопулярен теперь в республике, но от этого не перестал быть богатым и могучим, байке заметил мне, что раз я живу здесь, то и объясняться должна соответственно. “Вы теперь здесь никто. Когда-то вы были старшим братом, а теперь ваше время кончилось”. Примерно на такой ноте закончился наш диалог. И все же мне бы хотелось закончить разговор... я и решила воспользоваться единственной у журналиста возможностью — газетой. Да, к сожалению, сегодня в республике уже “никто” не только русские, но и многие другие народы, и это, кстати, не делает чести вашей хваленной

“демократии”, о которой так много говорится на каждом углу. А никто и не претендует ни на роль старшего брата, ни на более весомую роль. Покажите, на что способны вы сами, как вы можете вытащить республику из кризиса, защитить свою суверенность без нас, иноязычных кыргызстанцев, которым эта земля дорога не меньше, чем вам, байке... И последнее. Поскольку наша газета выходит на русском языке, уж позвольте нам писать на этом же языке, используя все его богатство... Слава Богу, мир прессы сегодня обширен, читайте другие газеты (на родном языке в том числе), и уж тем более не надо нам угрожать демонстрациями и митингами. Шуметь — дело нехитрое. Ко всему нужно подходить с головой,... поскольку и стабильность, и мир в нашем общем доме зависят только от нас самих»²⁷.

Второй фрагмент представляет собой выдержки из интервью журналистки Эллы Тарановой с главным редактором газеты «Асаба» и одним из основателей одноименной партии (а впоследствии политиком, участником президентской кампании 2000 г.) Мелисом Эшимкановым. Поводом к встрече стали слухи о том, что в киргизоязычных печатных органах много материалов резко антирусской направленности. Обсуждались и движущие силы выступлений против власти конца 1980-х — начала 1990-х гг., и разногласия в стане киргизской интеллигенции, и ее встречные претензии к русским:

«М. Э. ...Я не жалею, что был участником тех выступлений — хоть маленький шаг к освобождению от рабства сделан.

Э. Т. Скажи, а вам не приходило в голову подумать об окружающих? Помню, когда по улице, перекрыв движение, лавиной двигалась толпа молодежи, я просто испугалась за жизнь своего ребенка. В таком положении оказалось множество людей. И потом эти антирусские лозунги на площади...

М. Э. Вместо ответа на этот вопрос я могу дать свои публикации тех дней на русском языке... Я в них указывал на те вещи, о которых вы говорите: о сохранении достоинства, а значит, цивилизованных действиях, ничего общего не имеющих с истеричностью и лозунгом “Кыргызстан для кыргызов”. Для нас были важнее не национальные притязания, а покончить с уродливой формой правления компартии. Было, конечно, тревожно. Мои русские друзья спрашивали: “Мелис, неужели начнем резать друг друга?” Я по своей натуре никогда даже мысли об этом не допускал. И сейчас, почему я ушел из ДДК [Демократическое движение Кыргызстана. — Н. К.] и из партии “Асаба”, именно разойдясь с ними в национальном вопросе. Я категорический противник того, чтобы под маркой возрождения преследовались цели представителей какой-то одной группы. И, по-моему, для большинства кыргызской интеллигенции это неприемлемо... Что же касается газеты “Асаба”, то в ней публикаций, в которых нас сейчас обвиняют, не было. И не надо нас путать с

одноименной партией... Вы плохо знаете кыргызов. Мы разные. Есть те, что готовы втянуть народ в дурацкую борьбу кланов, регионов... Воспользовавшись чистыми помыслами кыргызской молодежи, всплыли на этой волне, сделав полезные дела только для себя...

Э. Т. Ты как газетчик хорошо чувствуешь кыргызскую среду. К кому сейчас люди больше тяготеют, за кого они?

М. Э. Знаю, что ни у ДДК, ни у “Асабы” нет народной поддержки...

Э. Т. А что надо сделать, чтобы все было хорошо?

М. Э. Во-первых, требуется национальное согласие.

Э. Т. О нем каждый говорит. Но ведь пока все недовольны.

М. Э. Я скажу, но сначала позволю себе упрек в адрес русскоязычных газет.

Э. Т. Пожалуйста.

М. Э. Я понимаю, когда у вас пишут о боли русских, проживших на этой земле долгие годы. Но почему от тех же русских не прозвучит хоть одно слово в пользу коренного населения, сочувствия к их проблемам?.. Ну, есть среди нас те, кто трубит, что кыргызы великая нация. Но есть и трезвые люди, которые ставят их на место. В нашей газете сколько угодно таких публикаций...»²⁸.

Для полноты картины настроений в киргизских оппозиционных кругах к концу советского периода следует упомянуть и о том, что отношение к русским (читай: к Центру) переживало тогда далеко не лучшие времена. Об этом, а сначала — об ухабистой, синусоидальной истории отношений двух групп на протяжении XX в. рассказал историк Владимир Мокрынин * (22.09.98):

«В. М. А после 1917 года уже очень трудно было, это уже была не та Россия, не та Россия... Во-первых, авторитет русского упал донельзя; раньше авторитет русского был — это и учитель, это и доктор, и инженер. Инженеров здесь очень уважали, кто строил каналы, кто строил мосты и т. д. А тут когда увидели, что русский русских бьет — ну что это за народ...

Н. К. Это после нашей революции?

В. М. Ну конечно. Они когда увидели, что русский убивает русского, русский грабит русского... богатый крестьянин — все у него отнимут, и он превращается в нищего батрака... Многие киргизские мананы были очень грамотные люди. Вот я читал такой документ великолепный, один киргизский манан говорит: “Я понимаю, что время мое ушло. Пришло

* Список экспертов, с указанием рода занятий, количества интервью и времени их проведения, представлен в Приложении в конце книги. Никто из экспертов, за двумя исключениями (бывший работник правоохранительных структур высокого ранга и советник российского посольства) не просил о конфиденциальности (как первый) или нежелательности использования мной диктофона (как первый и второй).

время вот таких батраков... И я вас очень прошу — забирайте мое хозяйство и организуйте на нем какое-то большое государственное хозяйство, не вздумайте раздавать моих баранов и скот беднякам. Они их сожрут и вам спасибо не скажут. И все мои труды пропадут. А так мои труды на благо моей родине”.

Н. К. Да, это очень такое свежее, даже для настоящего времени...

В. М. Конечно. Вот какие ребята были. А их за это расстреливали, бай, эксплуататор, негодяй... больше ничего не заслужил. Очень русские потеряли авторитет, старый русский чиновник, старый русский врач, старый русский учитель — это о-о-о!! <неразб.> Это был колоссальный авторитет! А новая власть у русских — это что? Прежде всего во-о-т такой мандат, во-о-т такой маузер. Ну что это такое?

Н. К. А когда кончилось это негативное восприятие?

В. М. Примерно после войны, после войны. Когда все ненавидели, конечно, Гитлера, и киргизы тоже страшно... И наши ребята воевали, и под Москвой стояли, и везде воевали наши киргизы... при этом трудно было — и язык не знают, и команды не знают, ничего, и свинину заставляют есть, под пистолетом заставляют, ешь, мусульманин, просто у тебя уже сил нет совсем! Ты уже в окопе не можешь сидеть, не то что воевать. Наверное, после войны; как-то все почувствовали, что действительно народ, действительно, еще какой народ! Наверное, только тогда опять что-то начало восстанавливаться, и со Сталиным черт знает что наделали... в Средней Азии воспринималось это очень тяжело.

Н. К. Тяжело? Вы имеете в виду — Хрущев и пр.?

В. М. Вы понимаете, с точки зрения азиата, хороший правитель — это сильный правитель. Это не какой-то либерал... вот Тимур — во, это человек! Сталин — во, это человек! А остальные... да на них противно смотреть было.

Н. К. То есть упал авторитет Центра?

В. М. Конечно. Не понимал, не понимал, что это уже не тот Центр. И потом, как Вам сказать, зачатки какой-либо демократии в родоплеменном обществе... ну что Вы, о какой демократии может идти речь?

Н. К. А уже к кризису советской системы какие были отношения между русскими и киргизами?

В. М. Скверные. После алма-атинских событий. Потому что казахи и киргизы — родные братья, и когда их ловили...

Н. К. Это 1986 год, насколько я помню?

В. М. Да. Их арестовывали, их там громили, разгоняли и все такое прочее; репрессии, сердце болело у киргиза. Ближе казаха у киргиза ничего нет. Сильно болело... плакали многие... зачем же это такое, что же это такое? Бестолковые действия Горбачева, зачем было Колбина назначать? Да назначь любого, он тебе будет верно служить, нет, Колбин. Это просто безобразия, оскорбление всего народа...».

Своего рода итоговой оценкой общественных сдвигов первых постсоветских лет может служить довольно мрачное предостережение Эмиля Шукурова. По его мнению, подогреваемый сверху интерес к национальностям и родословным ведет страну в направлении «таджикского варианта»: «Там тоже в свое время начали с вытеснения “инородцев”... Когда же, в результате “успеха”, вернее, серии “успехов” на этом попроще развалилось современное производство, очень быстро обнаружилась неоднородность внутри самих таджиков. Неоднородность не по способностям, а по крови... Процесс, завершившийся в Таджикистане гражданской войной, у нас идет практически по тому же сценарию. Даже власти боятся слово сказать в угомон “патриотов”. Между тем выигравших не будет...»²⁹.

Посмотрим теперь, как выглядели описанные проявления «национального возрождения» на бытовом уровне, на их восприятие обычными людьми, вынужденными постоянно контактировать друг с другом в разнообразных жизненных ситуациях.

Как все начиналось: «улица»

(I) «Тревога повисла в воздухе». А еще?

Ключевым словом, характеризующим изменившееся отношение киргизов к русским в самые сложные годы (1991–1993), можно считать «отчужденность» («Лица стали неприветливые; раньше спросишь — ответит, а теперь на киргизском или молчит»), а преобладающие у населения чувства — тревога и недоверие, даже при отсутствии или слабости событийного их подкрепления («Часто говорим с женщинами — вроде бы все есть как было на столе, а тревожно»). Как отметил в беседе с московским журналистом его киргизстанский коллега Виктор Запольский (у которого впоследствии я брала экспертные интервью), «на бытовом уровне морально-психологическое состояние русских очень неустойчивое. Не только русские, но и киргизы не чувствуют надежности. И дунгане, и корейцы. Все. В девять вечера стемнеет — никто на улице не показывается. Все настороже, и у каждого камень за пазухой»³⁰.

По результатам опроса населения столичной Чуйской области, где достаточно много русскоязычных жителей, мнение о возможности единичных межнациональных конфликтов в быту разделяли 53% киргизов и 37% русских; межгрупповых, соответственно, 16 и 29%; массовых конфликтов — 7 и 9%; наконец, исключили возможность возникновения конфликта 6% киргизов и 17% русских (опрошено 392 первых и 720 вторых, 1992 г.)³¹.

А как ожидания худшего соотносились с реальным положением дел? Отвечая на вопрос: «В этом году были ли Вы свидетелем конфликтных ситуаций на национальной почве?», 36% киргизов и 27% русских выбрали опцию «нет»; соответственно, 46 и 54% — «да, в единичных случаях» и 16% (17%) — «да, довольно часто»³².

Задали организаторы обследования и вопрос о личном «конфликтном» опыте: «Приходилось ли Вам испытывать оскорбительное отношение к себе на национальной почве?». Отрицательный ответ дали 46% киргизов и 38% русских; опцию «в единичных случаях» выбрали, соответственно, 43 и 46%, а «довольно часто» — 5 и 10% опрошенных³³. Конечно, ситуация выглядит далеко не безоблачной. Однако, идет ли речь о стороннем наблюдении за «конфликтом» или о превращении их самих в объект «оскорблений», респонденты зафиксировали явное преобладание «единичных» инцидентов. Далее, немало русских (почти 40% опрошенных) отметили отсутствие у них «опыта жертвы». Можно поэтому предположить, что ни с точки зрения интенсивности «конфликтов» по времени, ни по охвату сообщества русскоязычных вширь, они не были явлением массовым, фактом их повседневной жизни.

К похожему выводу пришел во время визита в Киргизию в 1993 г. норвежский исследователь Пол Колсто (*Paul Kolstoe*), автор одной из первых на Западе (и одной из лучших, на мой взгляд) книг о русских ближнего зарубежья (ее страновые разделы написаны на материалах интервью и личных наблюдений автора начала 1990-х гг.). Слухов и ожиданий, что естественно для нестабильной «эпохи перемен», было гораздо больше, чем реальных инцидентов. Рассматривая ситуацию в Киргизии после распада СССР, он вспоминает о кровопролитных русских событиях 1990 г. и отмечает, что они практически не затронули русских, «но ходили слухи о зверствах (*atrocities*), совершенных против русских в других местах. Некоторые люди из встреченных мной соглашались, при выключенном диктофоне, рассказать об эпизодах, затронувших их лично. Однако большая часть случаев этнического садизма (*ethnic sadism*), о которых мы слышали, происходили “где-то далеко”». Далее автор приводит в пример мнение председателя колхоза в Прииссыккулье, твердо намеренного остаться в Киргизии и отвергнувшего мнение о наличии этнической охоты на ведьм (*ethnic witch-hunt*) в его родном селе, а также переселенца в Россию, признавшего, что его семью никто не вынуждал переезжать³⁴.

Брошу на чашу весов и почерпнутое из собственного опыта пребывания в Киргизии — не исследовательского, а чисто житейского: транспортно-магазинного, базарного и т. п. Не только во второй половине 1990-х гг., когда общественные настроения изменились к лучшему, но и в самом начале «эры независимости» мне ни разу не случилось стано-

виться объектом каких-либо нападков, оскорблений и пр. либо наблюдать их со стороны. А ведь сколько часов проведено в битком набитых бишкекских и иссык-кульских автобусах, среди усталых и раздраженных людей; сколько километров отмерено пешком по улицам иссык-кульских сел, и русских, и киргизских, и не только в светлое время суток, часто в полном одиночестве или вместе с коллегой, тоже женщиной... Пожалуй, единственный достойный упоминания в этом контексте эпизод был не столько «межэтническим», сколько хулиганским и произошел во многом из-за наших собственных ошибок. Обосновавшись в общежитии ПТУ киргизского села Темир, дело было в мае 1993 г., вечером мы вышли всей командой прогуляться, не вполне отдавая себе отчет в том, что привлекаем к себе внимание своим явно не местным обликом. Однако, вместо того, чтобы слиться с наступающими сумерками и не «высовываться», при встрече на сельской улице с двумя конными и изрядно подвыпившими чабанами наши мужчины, почувствовав взывавшее этнографическое «жжение», вступили с ними в оживленный разговор, предложили редкостные тогда московские сигареты... Эта инициатива вызвала настойчивое желание чабанов поближе познакомиться и с женской частью коллектива — настолько настойчивое, что нам пришлось в панике улепетывать в общежитие и запираяться на все замки, а мужской части — всеми доступными средствами прикрывать наше отступление...

Наконец, пора рассказать и о том, что понимали русскоязычные Киргизии под словом «конфликт» (в рассматриваемом контексте). Материалы пилотажных интервью с 45 жителями иссык-кульских сел и Бишкека (соответственно, 33 и 12 человек, 1994 г.) дают нам возможность это выяснить. Меня особенно интересовали «конфликтные ситуации», в которые респонденты попадали лично. «Попадавших» оказалось чуть более 40%, причем все описанные случаи, за двумя исключениями, носили единичный, а не систематический характер (что находится в русле тенденции, выявленной количественным исследованием киргизстанских коллег).

Что это за исключения? Они достаточно показательны и потому, на мой взгляд, подтверждают правило. Мужчина, приехавший в Киргизию (на Иссык-Куль) с Украины в конце 1980-х гг., тяжело привыкал к «восточной жизни», ощущал себя «свежим человеком» и потому, как он считал, часто оказывался в неловких, неприятных ситуациях. По его мнению, уроженцы здешних мест уже ко всему приспособились, а ему постоянно «напоминали о национальности», особенно в 1991–1992 гг. Второй пример — наоборот, вполне адаптированная женщина, родившаяся в Киргизии (сюда приехал ее прадед во время столыпинских реформ), учительница русского языка в сельской школе, имеющая взрослого сына — офицера, прошедшего Афганистан. Именно с ним

были связаны те несколько эпизодов, о которых она рассказала: представления к сыну с просьбой дать закурить, с последующей дракой («сын их побил слегка»); попытка устроить большую драку на дискотеке, куда он пошел с двумя приехавшими в гости товарищами, тоже «афганцами», и т. п. Обращает на себя внимание, что под «межнациональной» оболочкой здесь скорее всего имело место довольно обычное для сельской среды молодежное противостояние «своих» с «чужими» (а «отчужденность» в данном случае могла подогреваться и фактом принадлежности «другого» к привилегированной, по мнению задир-киргизов, прослойке «воинов-афганцев» — недаром во время столкновения в клубе звучало: «Снимайте афганскую форму!»).

А какие эпизоды из личного опыта запомнились другим респондентам? Перечислим их:

— *киргиз попросил закурить, а когда ему отказали, стал приставать;*

— *пристал киргиз в автобусе, толкнул, говорил, что должна убраться в Россию, но за меня вступился другой киргиз, а русские не вступились;*

— *на базаре один раз поругались;*

— *на работе с санитаркой-киргизушкой — поспорили, кому менять белье курортникам [респондентка работала в санатории. — Н. К.];*

— *киргизы говорили грубости;*

— *требовали бутылку спиртного;*

— *поспорили с соседом из-за стоянки машины;*

— *отдали полторы тонны яблок соседям по даче, киргизам, год назад, а они денег не отдают;*

— *когда раздавали дачные участки, киргизы говорили, что пастища их забрали;*

— *на рынке когда торговала, киргиз опрокинул ведро малины;*

— *бывало по пьяной лавочке — иди отсюда, это моя земля, но главное — их не бояться...;*

— *пьяные парни подрались с сыном, попросили закурить;*

— *подъезжает пьяный киргиз на лошади, кричит, чтобы уезжали, камчой машет; ударил плеткой, я позвала мужа, мы пошли к участковому, но никаких последствий не было, и т. п.*

Конечно, приятными описанные ситуации не назовешь, особенно последнюю (впрочем, далее по ходу беседы эта же респондентка отметила, что в целом киргизы относятся доброжелательно, а «тот случай случайность, старый, пьяный киргиз»). Но все же, на мой взгляд, вряд ли большую их часть можно классифицировать именно как «конфликт», исходя из обыденного понимания этого слова³⁵ (хотя в вопросе я специально использовала клише «конфликт на национальной почве», чтобы выявить реакцию респондентов на эту словесную конструкцию). Здесь присутствуют мелкие соседские, уличные и произ-

водственные стычки, являющиеся обычным жизненным явлением (особенно если происходят «по пьяной лавочке»), но в наблюдаемых условиях принимающие форму «межнациональных». Заметен и экономический «след», результат соперничества групп за ограниченные ресурсы (на этом важном аспекте проблемы мы еще остановимся более подробно).

(II) Разметка «конфликтогенных» зон

Суммируя качественные материалы, собранные во время трех первых экспедиций, я обратила внимание на то, что, рассказывая мне о собственном «конфликтном» опыте, об увиденном и услышанном; сравнивая ситуацию в разных местах, делаясь своими наблюдениями и раздумьями, респонденты совместными усилиями нарисовали довольно целостную картину отношений двух групп и пометили на ней особо болезненные и, наоборот, более благополучные зоны. Можно выделить пять пар таких «оппозиций».

1. «Верх» — «низ»; «правители» — «простые киргизы»:

— *раньше шла агитация в том смысле, что Киргизстан для киргизов, а народ-то не виноват;*

— *найдется кому натравить киргизов на русских; они голодные и озлобленные, детей много, кормить нечем, а нам лучше, мало детей, есть огороды, а киргизы больше внимания уделяют скоту;*

— *киргизы все разные; у них, бедняг, помногу детей, недоедают, жалко их... пьют один чай;*

— *они тоже жить хотят... рабочий класс не виноват;*

— *«с началом перестройки даже очень хорошо настроенные киргизы почувствовали себя неловко, стали отчуждаться, из-за пропаганды сверху...;*

— *виноваты киргизские правители и все остальные в бывшем СССР;*

— *Что они могли плохого сделать? Всем хочется мира, достатка; правители виноваты;*

— *политика их заставляет делаться жестче, непримиримее; все идет сверху, простому люду некогда об этом думать;*

— *с простыми киргизами делить нечего, весь национализм от руководящих кадров; байские замашки, чинопочитание свое привычное переносят на русских.*

2. Старики — молодежь:

— *за последний год стало стабильнее, пожилые не хотят, чтобы русские уезжали, а молодежь против...;*

— *молодежь хуже относится...;*

— *в прошлые годы молодежь ездила на лошадях, били окна, всем, и русским, и киргизам...;*

— *немного спокойнее, в основном пацаны вытворяют...;*

- *старые киргизы очень сожалеют об отъезде русских;*
 - *хотя стало спокойнее, пацаны на лошадях могут подбегать вечером, ударить;*
 - *старики-фронтовики относятся к русским хорошо;*
 - *очень важно, что в Корумду нет клуба; молодежь русская и киргизская не сталкивается в больших количествах;*
 - *очень многие киргизы не рады тому, что происходит; говорят, что молодежь русских стариков не уважает, а из-за этого и своих перестает уважать;*
 - *нет ни одного дома в селе, где бы молодежь не нашкодила. Воруют и друг у друга. Но погоду делает взрослое население — направляет на русских... молодежь неуправляемая, босая, раздетая, голодная... куда ей направить энергию?;*
 - *старики, среднего возраста киргизы очень сожалели, что русские уезжают: вы нас столькому научили...*
3. Киргизы — кыргызы:
- *доброжелательно относятся русскоязычные киргизы, городские; а кыргызы — враждебно;*
 - *хорошо образованные киргизы, как правило, лояльны.*
4. Город — село.
5. Мужчины — женщины.

На мой взгляд, в двух последних случаях мы имеем дело с разграничением в значительной мере субъективным, зависящим от точки наблюдения и/или особенностей личности наблюдателя/участника ситуации общения. Соответственно, и там, и там (с теми и с другими) может быть «хорошо» или «плохо», стало «лучше» или «хуже». Так, например, в городе лучше психологический климат, потому что контакты людей спорадичны, но зато высока уличная преступность; в селе, в свою очередь, люди лучше себя контролируют, поскольку знают друг друга годами, но в случае серьезного конфликта уже никуда не спрячешься, и т. д., и т. п. Практически все респонденты, пытавшиеся проводить сравнение по линии «город — село», утверждали, вопреки стандартной жизненной мудрости, что «лучше там, где мы есть»: сельчане — что лучше в селе; горожане — в городе ³⁶ (речь, опять же, идет о свидетельствах, собранных в первой половине 1990-х гг.). Логика здесь вполне понятна. О ситуации в своем непосредственном окружении люди судили на основании личного опыта, а о том, что «за поворотом» — по слухам, рассказам, отражающим состояние тревожности в обществе:

- *им дали много власти, они в городе ее демонстрируют; здесь лучше, так как здесь все знают друг друга;*
- *в Бишкеке никуда вечером не ходят, боятся, а у нас, в селе, стало спокойнее;*

— здесь мы все свои, а в другом месте — мы чужие, общаться труднее;
— в Бишкеке стало лучше, а в селах, говорят, все еще окна бьют...;
— у меня племянник живет в Бишкеке, там притеснение чувствуется сильнее. По части национализма здесь намного лучше, чем всюду, где я был — Узбекистан, Москва, по России ездил... только вот в городах похуже, и т. п.

Аналогично, общение с киргизами/киргизками также имело для русскоязычных свои плюсы и минусы, помноженные на особенности восприятия ситуации тем или иным человеком. Мужчины, особенно молодые, ассоциировались с пьянством, что в принципе несло в себе возможную опасность для окружающих; с женщинами в тот период очередей и дефицита люди имели дело как покупатели, клиенты и т. п. Но отмечалась и большая сдержанность мужчин-киргизов в бытовом поведении («женщины более взвинчены»), а для русских мужчин общение с киргизками в ситуациях «потенциального напряжения» могло быть предпочтительнее («при нежелании продавщицы говорить по-русски стараешься найти общий язык, сказать комплимент...»). Первые же три из отмеченных «оппозиций» имеют под собой объективные основания в виде накопившихся к концу советской эпохи острых социальных и экономических проблем, не сводимых лишь к «межэтническому» противостоянию. **И во всех прослеживался общий компонент — «молодежный».**

*(III) «Кто-то подкручивает веревку,
как Балда из сказки, чтобы море разбушевалось»*

Настроения «киргизской улицы» во многом определялись воздействием «сверху», со стороны идеологов «национального возрождения». Как свидетельствуют приведенные выше высказывания, это замечал глаз и неискушенных рядовых граждан, и хорошо информированных экспертов (названием данной подглавки стали, в частности, слова из интервью В. Запольского)³⁷. Однако среди всего титульного населения выделялась группа, особо чувствительная, в силу своего культурного склада и социально-экономического положения, к такого рода воздействию — «непристроенная» молодежь и, в особенности, сельско-городские мигранты. Давление на города началось, естественно, задолго до распада СССР и было вызвано стабильно высоким уровнем рождаемости, в первую очередь среди деревенских жителей³⁸, и, соответственно, нехваткой рабочих мест в сельском хозяйстве.

В 1989 г. в Киргизии громко заявило о себе (настолько громко, что в урегулирование ситуации активно включилась Москва) общество

самозастройщиков «Ашар» («Взаимопомощь») — проживающие в Бишкеке в течение ряда лет мигранты, лишенные собственного жилья. Именно эта сила, показавшая высокую способность к самоорганизации, стремясь сначала лишь к решению хозяйственных задач, быстро перешла к оппонированию власти и по политико-идеологическим, и по национальным вопросам³⁹. Именно в рядах «ашаровцев» и им сочувствующих в ходе разнообразной протестной, митинговой активности зародились новые партии и движения (в том числе и «Асаба») ⁴⁰, развернувшие агитацию и среди студентов, многие из которых были выходцами из деревень, и среди других сельских мигрантов. О механизме этой агитации, по рассказам знакомого студента, вспоминает одна из респонденток* (беседа состоялась осенью 1998 г.):

«О. А что называется бытовое общение, тут все нормально; если что-то будет, я думаю, оно пойдет сверху. Потому что народ наш киргизский, он еще, я считаю, не настолько образован, чтобы не внимать вот этим всем вещам. Потому что я вспоминаю те события, у меня была маленькая дочка еще тогда на руках, и по городу ходили вот эти демонстрации киргизские против русских...»

Н. Это был 1991, 1992?

О. Да.

Н. Восстание 1916 года активно отмечали...

О. Да, да, да. Вот тогда это сильно очень напугало, потому что... вот конкретный пример, мне рассказывал студент института искусств, который здесь учился; сам парень из Оша, а жил здесь в общежитии. Он рассказывал так: пришел к ним в общежитие какой-то человек, это было в 1991 году, во время этих событий, суверенитет..., с дипломатом, с кейсиком, такой очень солидный, ну чего, мужики, давайте выпьем... а общежитие — это вещь такая, стадное чувство сразу просыпается; пришел в комнату, собрал всех и начал говорить; подпоил всех, вытащил одну бутылку, другую, выпить среди всех есть любители, а за даром, так тем более... Вот ты где живешь? В общежитии живу. А вот он живет в квартире. Вот почему ты живешь в общежитии, а вот он живет в квартире?

Н. Кто он?

О. А вон тот русский... А вот этот вон, который там... А вот смотри, какой дом, какие тут квартиры, а почему ты там не живешь? Подстрекательства, в общем, было много, и клюнули на это очень многие тогда. Потому что мы тогда сидели, боялись, стекла бились... вот рядом общежитие киргизское, вот оно рядом буквально, возле нашего дома».

* Имена (инициалы) всех респондентов изменены, а из цитируемых в книге отрывков интервью изъяты некоторые биографические (фактологические) детали, которые могут нарушить принцип конфиденциальности.

Наступление независимости кинуло в водоворот непростой городской жизни новые массы молодых сельчан, «представляющих большую ценность для киргизских националистов»⁴¹. В какой-то степени это стало побочным эффектом вполне позитивных административных новаций — резкого ослабления тотального контроля за перемещением людей (режим прописки) после прихода к власти А. Акаева. Однако гораздо важнее социально-экономические и культурные аспекты нового пришествия в города и, как следствие, ухудшения там социально-психологического климата.

*(IV) «А когда кушать нечего,
люди просто друг на дружку кидаются...»*

В отличие от мигрантов-«ашаровцев», большинство которых к наступлению известных событий жили в Бишкеке по пять-десять лет, имели высшее образование и/или городскую профессию, продвинулись по пути культурной интеграции (в том числе и овладения русским языком), переселенцы новой волны быстро пополняли ряды культурных и экономических маргиналов, откуда недалеко было и до криминальных сфер деятельности. Смена ими образа жизни и среды обитания происходила уже в совершенно иных условиях. «Позади» — разваливающиеся совхозы и колхозы, «впереди» — столь же резкая ломка экономического устройства в городах, разруха, безработица и конец эпохи государственного патернализма. Роль своеобразного катализатора напряженности сыграло и правительство, видимо, движимое желанием дистанцироваться в этом вопросе от прежних, советских властей. Если «ашаровцам», захватившим участки под жильё, пришлось вести борьбу за их легализацию, «выбивать» средства, новое руководство либерализовало условия предоставления земли под застройку (в частности, смягчив или отменив для определенных категорий приезжих требование наличия работы в городе в течение ряда лет). При этом средства на индивидуальные ссуды и развитие инфраструктуры хотя и выделялись, но явно в недостаточных объемах.

В результате город оказался окруженным «кольцом самозастроек, почти равным по площади той, которую он занимал до их появления... Это огромные пространства, заполненные сараями, полужемлянками, начатыми и из-за нехватки средств оставленными в разной стадии строительства домами... Нет дорог, воды, электричества. Почти у 60% (по другим источникам — 90%) трудоспособного населения нет постоянной работы... Реальные возможности занятости для недавних мигрантов ничтожны. Это означает, что... основными источниками дохода самозастроителей являются “криминальный или полукрими-

нальный бизнес, рэкет, спекуляция, поденщина”. Заработанное днем проживается вечером»⁴².

Как вспоминал те годы журналист, главный редактор общественно-политического еженедельника «Дело №» В. Запольский (10.10.96), «город был буквально обложен, если брать исторический пример, ордой, та, которая пришла в поисках работы... это молодежь в основном, буквально табором обложили весь город, кольцом, строили там какие-то мазанки...».

О том, как описанная ситуация повлияла на социально-психологическую атмосферу в Бишкеке, в том числе и о глубинных истоках напряженности начала 1990-х гг., размышляет социолог Айнура Элебаева (2.10.96):

«Более агрессивным было сельское население и, более всего, наверное, маргинальные слои, которые находились в переходном, подвешенном состоянии в культурном отношении. Такой экстремизм, Вы, наверное, знаете, исходил большей частью от этих районов застройки, на окраинах города, где в основном проживало именно сельское население. И они в первые годы национальной эйфории очень экстремистски были настроены. Но это было связано еще и с социально-экономическими причинами. Проблема жилья в первую очередь. В наиболее комфортабельных микрорайонах жилье получали в первую очередь представители русскоязычного населения, которые работали на заводах, фабриках. Это было большей частью ведомственное жилье. Я очень хорошо помню, как на заседании одного горкома, уже в конце 80-х годов, кто-то спросил: “Ну хорошо, а ситуация-то сейчас изменилась? А то ведь раньше как видели киргизскую фамилию, так сразу ее и вычеркивали”... Кроме того, очень сложно было с работой...».

Конечно, в многоквартирных домах с удобствами жили не только «русские», но и так называемые городские, зачастую преимущественно русскоязычные киргизы, а если взглянуть на проблему шире, еще задолго до распада СССР, в эпоху Брежнева, Центром проводилась сознательная политика постепенного перераспределения сил и влияния в республиках в пользу титульных групп⁴³. Соответственно, воспринимаемый сельской молодежью в качестве чужой, негостеприимной среды Город был «русским» не в этническом (хотя некиргизы в нем к концу советской эпохи составляли большинство), а прежде всего в культурном смысле — пространством русскоязычной, европейской культуры и образа жизни. Однако в специфических условиях суверенизации и «национального возрождения» недовольство и разочарование этих депривированных слоев изливалось именно на киргизстанских «русских».

Живую зарисовку ситуации начала 1990-х гг. находим в статье московского журналиста, из-за транспортных передрыг оказавшегося

ночью на бишкекском автовокзале и чуть не ставшего жертвой ограбления со стороны молодежной банды: «Советник российского посольства в тот же день сочувственно порекомендовал мне не покидать гостиницу после девяти вечера: “В Бишкеке ощутимо выросла преступность. В основном за счет молодых людей, которые тысячами приезжают сюда из горных селений в поисках работы и, как правило, не находят ее”. Правоту дипломата подтвердили многие русские, у которых я допытывался о причинах отъезда. Они говорили: примерно раз в полгода город будоражат слухи о якобы готовящихся погромах. Приезжая молодежь, прозябающая без работы и лишенная своего крова, мол, намерена взяться за дреколье, чтобы очистить для себя жизненное пространство от заезжих. Слухи остаются слухами, но диспоре от этого не становится радостнее»⁴⁴.

Несмотря на особенности «межнациональной» ситуации, сложившейся вокруг (в прямом и переносном смысле) столичного центра, она отражала картину и в селах, и в небольших городах по всей стране, с поправками на локальные условия. Об этом говорят приведенные ранее высказывания респондентов из прииссыккульских сел. Интересны и результаты вышеупомянутого опроса киргизстанских ученых. Пытаясь выявить основные «деструктивные силы, выступающие зачинщиками межнациональных конфликтов», они предложили жителям Ошской и Джалал-Абадской областей соответствующий открытый вопрос, и чаще всего назывались «экстремисты» (на первом месте) и «безработная молодежь» (на втором месте)⁴⁵. Исходя из этих данных, в Чуйской области жителям сельских территорий и райцентров задавался уже закрытый вопрос: «Какие группы молодежи представляют наибольшую угрозу при межнациональных конфликтах?», и чаще всего выбиралась именно опция «неработающая молодежь» (от 41 до 60% респондентов разных национальностей, в среднем 56% по выборке), а на втором и третьем местах по частоте выбора, причем с большим отрывом от первого варианта, оказались опции «подростки» (18%) и «студенческая молодежь» (13%)⁴⁶.

Наконец, завершая разговор о причинах роста напряженности на бытовом уровне конца 1980-х — начала 1990-х гг. — причинах локальных (страновых) и более общих, нельзя не вспомнить, *last but not least*, и кризис плановой экономики, сопровождаемый разрывом хозяйственных связей — разруху, острый дефицит товаров, продовольствия, услуг и пр. Полагаю, любой читатель старше тридцати, который хорошо помнит талоны, купоны, пустые прилавки и километровые очереди за самым необходимым, согласится, что именно это определяло тогда тонус настроений почти каждого человека, независимо от возраста, цвета кожи, места рождения и иных различий. А когда происходит де-леж немногого среди многих, эти различия неминуемо приобретают

особое значение, затмевая истинные причины переживаемых трудностей. К сожалению, не все это понимают, позволяя увлечь себя (или увлекаясь) более легкими объяснениями. Тем интереснее, на наш взгляд, следующий фрагмент интервью с одной из жительниц Бишкека (1999 г.), в котором ретроспективное обращение к собственному опыту проживания «слома эпох» выводит ее на вполне корректный социологический анализ причин обострения «национального вопроса» в тогдашней Киргизии:

«Я всю жизнь прожила рядом с киргизами, и мы жили мирно, потому что мы жили как соседи, они меня не трогают, я их не трогаю, она придет, займет стакан муки или я чего-то у нее попросила, по-человечески, по-хорошему; я уважаю ее уклад жизни, она не вмешивается в мой уклад жизни, мы всю жизнь жили, и пока у нее есть чем накормить ее детей и у меня есть, чем накормить своих детей, я никогда не буду ее винить в том, что она виновата, что мне нечем детей кормить. А ведь как зачастую... я еще помню эти времена... откуда рождались национальные вопросы. Стоим мы в очереди за мясом, например, по талонам, два кг в месяц на человека. Очередь, значит... третий час я там стою. Кто-то лезет без очереди, кто-то там еще, начинается, люди все на взводе, естественно, кто-то кого-то зацепил, кто-то кого-то... кто-то сказал — дура, кто-то сказал — ах ты чурка, черномазый и так далее. Таких людей очень много. Пошло дальше, вырос конфликт, но это ведь не национальный конфликт, правильно? По сути, это конфликт социальный, и он перекинулся на национальную вот эту, почву, только потому, что это самая благодатная почва. Проще всего сказать — ты виноват, потому что у тебя физиономия не такого цвета, и поэтому ты виноват. Тебе говорят — бей жидов, спасай Россию! И когда это киргиз и киргизка, прощай всего, конечно, крикнуть, ах ты чурка и так далее. Если бы там была русская, она бы не восприняла это как национальное оскорбление; здесь уже, конечно, все это воспринимается именно так».

О значимости означенного экономического «фактора обострения» говорят количественные данные начала 1990-х гг. Жители Чуйской области разных национальностей, отвечая на закрытый вопрос о том, где чаще всего происходили наблюдаемые ими конфликты, в 50% случаев в среднем для обследованных групп называли «магазины, базары, общественный транспорт» (для сравнения: на «трудовые коллективы» указали 5%, «учебные заведения» — 3, «другие места» — 3% опрошенных)⁴⁷.

Причины постепенно дававших о себе знать позитивных изменений в сфере межгрупповых отношений многообразны, но важнейшие из них являются как бы логическим продолжением тех, что обусловили всплеск напряженности в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Сближение сторон: как и почему?

Отрезвление/успокоение элит

Практически все эксперты (из тех, с которыми данная тематика обсуждалась — главным образом в 1996 г.) констатировали улучшение социально-психологической атмосферы на бытовом уровне. Правда, отметили некоторые, по опыту западных стран, где аналогом бытового национализма выступает бытовой расизм, полностью его искоренить вряд ли возможно.

По мнению Юрия Игнатова, советника российского посольства по работе с русскоязычным населением (8.10.96), «сильный бытовой национализм резко ослаб к 1995 г.». Консул посольства Юрий Шаповалов был в оценках более осторожен (3.10.96):

«Я не могу сказать, что ситуация изменилась каким-то коренным образом. Некоторое улучшение, разумеется, есть. Оно произошло от понимания обеими сторонами того, что такие вещи, как миграция сотен тысяч людей, не происходят в один момент. И не происходят безболезненно для обеих сторон, что существенно. Кстати говоря, у киргизской стороны это понимание стало проявляться особенно в верхних эшелонах власти. Что жить поодиночке тяжело, что выезд большого количества русскоязычного населения трудно восполнить. Ведь выезжают не только русские; выезжают, например, и немцы, а они здесь занимали определенную социальную нишу, которую некому заполнять (это очень хорошие научно-технические специалисты). Выезжают русские, которые также здесь занимают определенную нишу. И сразу становится ясно, что от того, что уедут 700–800 тысяч русских, особенно лучшие жить не станет. Даже если здесь улучшатся жилищные условия, те же самые квартиры — их нужно обслуживать, их нужно топить и т. д. А этим, в том числе, занимались и русские. Кто этим будет заниматься, когда выедут специалисты — непонятно. Проявление этого понимания мы сейчас, как результат, видим в некотором улучшении этнической обстановки... Второй момент: причину некоторого улучшения отношения к русским я вижу в том, что всплеск национализма прошел. Когда вздох говорят о суверенитете, как будто суверенитет сам по себе может накормить. Сейчас ясно, что не может. Отсюда и поспокойней стало. Но подспудно эти процессы идут, и остановить их очень сложно».

Как отметил заместитель директора Статистического комитета Киргизии Бинжар Чукин (1.10.96), «однозначно стало лучше. Спали экстремальные варианты, например, вооруженные конфликты в Ошской области; это ушло и такое впечатление, что безвозвратно... Бытовые же причины брать не будем, это все столетиями нарастало.

Это есть и будет, и в Америке, и в Италии; этот процесс везде идет». А вот что сказала Айнура Элебаева (2.10.96):

«Стало лучше. Статистические данные и факты говорят о том, что с 1993 года сократились миграционные процессы. И чисто психологически волна эйфории, сопутствовавшая первым годам суверенитета, пошла на убыль. И наоборот, на бытовом уровне гораздо меньше конфликтных ситуаций, люди стали более терпимо относиться друг к другу... Хотя я не могу сказать, что все проблемы в межнациональных отношениях у нас ликвидированы, но тем не менее сложный период у нас прошел».

По словам Михаила Рудова, директора НИИ регионального славяноведения при Киргизско-Российском (Славянском) университете (8.09.98), «последние два года и немного раньше отмечается относительная политическая стабильность, затухла национальная эйфория, стушеввалось межнациональное противостояние. Идея “Кыргызстан — наш общий дом” стала в какой-то степени работать; люди увидели, что отъезд приносит лишь трудности, отъезд специалистов». Эксперт рассказал, что ему часто приходится ездить в одно пригородное село; он понимает по-киргизски, и ни одного плохого слова о русских в автобусе не слышал; с ним же разговаривают только по-русски. Он полагает, что произошел перелом в мышлении киргизов. В этом селе уговаривают русских остаться, не уезжать. Есть еще один фактор — их присутствие вносит сбалансированность в хозяйственный уклад: приезжие киргизы из областей занимают пастбища, а русские этого не делают, занимаются откормом свиней.

Арон Брудный, специалист в области социальной психологии, выделил несколько глубинных причин позитивной динамики (7.10.96):

«Действительно, за последние два года произошла известная стабилизация общественной жизни, затрагивающая, в частности, и сферу межнациональных отношений. Я бы объяснил это тремя факторами. Первое: наиболее активные, пассионарные элементы, по-видимому, утратили сколько-нибудь значимое положение на внутриреспубликанской арене. Русская часть уехала в Россию, а буйные демократы национального толка себя дискредитировали в период различных выборов дел; их авторитет резко упал, а пресса их практически не читается или даже не существует. Я имею в виду ДДК, например, и некоторые другие движения... Второй фактор состоит в следующем: все осознали справедливость слов Андрея Вознесенского “Российская империя — тюрьма, а без нее — сплошная кутерьма”. Возникло ясное ощущение того, что да, мы, конечно, что-то получили, но не больше ли мы потеряли? Я бы сказал так: тоталитаризм ушел, оставив радость освобождения и тоску по порядку. А самое главное, все осознают, чуть ли не с каждым днем все более и более, роль пограничных отрядов [интервью состоялось в период очеред-

ной активизации движения «Талибан» осенью 1996 г. — Н. К.]. Я имею в виду, что границу Кыргызстана охраняют российские пограничники. Не важно, с Таджикистаном, с Китаем или с кем-то другим. Эта кайма играет очень большую роль — кто же не знает, на ком держится граница. Я не ожидаю каких-либо агрессивных всплесков, хотя в принципе вторжение отдельных отрядов с территории Афганистана пресса, как Вы читали, не исключает... Стереотипы же обыденного сознания как были, так и остались, конечно. Я думаю, что любой стереотип национального характера, любой стереотип такого рода вообще неизгладим из сознания, и он представляет значение и опасность, только когда он влияет на политику. Сейчас это влияние, по-видимому, ослабело до границ, которые имели место где-то в перестроечный период, до самостоятельности республики (конец 80-х годов)... В сущности, подогревались эти стереотипы наличием определенного слоя русских в третьем, то есть правящем классе. Сейчас он почти весь национален, все с этим смирились; престиж госслужбы снизился по сравнению с теми временами...».

Разговор с В. Запольским (10.10.96) начался с моего вопроса о том, почему в русскоязычной прессе к середине 1990-х гг. уже почти не встречалось публикаций на «межнациональные» темы (в отличие от первых постсоветских лет).

«Мы стараемся к этой теме относиться деликатно, но как-то вот... если нет причин говорить об этом, то мы и молчим... Обращать внимание раньше — конечно, мы обращали, но сейчас этого нет, и это обусловлено общей государственной политикой и постепенным сглаживанием основополагающих причин».

В качестве таких причин В. Запольский упомянул многие обстоятельства — угасание перед лицом насущных хозяйственных задач «недалековидного политиканства», разыгрывающего национальную карту; осознание значимости нормальных экономических отношений с соседями, в том числе и с Россией; опасения народа, что возникший после ее ухода вакуум заполняется китайцами, происходит их «тихая экспансия» и, наконец, фактор А. Акаева («несмотря на все его недостатки, конечно, он трезвый и умный политик»):

«...и потом эта волна, будем прямо говорить, была погашена и усилениями того же президента; создавались сообщества, культурные центры; они поддерживались властями и в финансовом отношении, и во всех остальных... славянский центр, дунганский, татарский, было проведено несколько курултаев народов Киргизстана. Это какую-то роль свою сыграло... В общем, со всех сторон это организовывалось... Но главное, мне кажется, это пришедшее понимание, что надо просто работать, надо взаимодействовать...».

В приведенных высказываниях обращает на себя внимание тот момент, что **речь идет преимущественно о перестройке сознания различных групп элит** — чиновников (в частности, управленцев и хозяйственников, постепенно осознающих минусы «оголения» различных ключевых сфер из-за отъезда подготовленных русскоязычных кадров); политиков, включая и президента, вынужденных учитывать расклад сил в стране, регионе, в СНГ и т. п. (собственно, потому и происходили подвижки на законодательном уровне) интеллигенции высшего и среднего звена, нежели массы рядовых киргизов, ведущих многотрудную борьбу за существование. Из похожего ряда и предположение, высказанное председателем Совета белорусской общины «Свитанок» Ниной Мироновой (3.10.96). Она констатировала улучшение ситуации, но, по ее мнению, это спокойствие означает, что «они уже все получили: все госслужбы, все бюджетные сферы, торговля и прочие посты — всюду киргизы». Подмечена важная закономерность этнического (этносоциального) противостояния⁴⁸, которая анализировалась исследователями на материале других постсоветских стран: негативизм титульных групп по отношению к русскоязычным стихает по мере опережения первыми вторых в состязании за властные и материальные ресурсы⁴⁹ (похожую мысль высказал в интервью и А. Брудный, см. выше). Однако, на мой взгляд, такие сдвиги в сознании наиболее вероятны прежде всего для тех представителей титульной группы, которые одержали верх в этой борьбе и вкушают ее плоды, т. е., опять же, для «начальства» (тем более, если учитывать огромное социальное расслоение в стране и наличие клановых противоречий внутри собственно киргизского сообщества). Отсюда, надо искать другие объяснения снижения уровня межгрупповой напряженности в низах, в самых обширных сегментах социальной пирамиды; **искать факторы, которые оказали воздействие на жизни всего населения — и «русских», и киргизов. И продуктивным тут будет обращение к экономике.**

Многоликий рынок

(I) «Люди поняли, что государство уже не кормит и лучше зарабатывать себе на хлеб спокойно...»

С одной стороны, в ходе радикального реформирования экономики Киргизии (подр. см. раздел II), по мере ликвидации дефицита товаров и услуг, постепенно исчезла та дорыночная, порожденная конвульсиями планового хозяйства и развалом единой страны, основа напряженности, сталкивающая людей в очередях, переполненном транспорте и т. п. Обратной стороной этого процесса стало постепен-

ное втягивание их в новые сферы деятельности, занятия и профессии, что расширило возможности вознаграждаемой занятости, в том числе и для молодежи (другой вопрос — кто и в какой мере сумел ими воспользоваться) и одновременно обострило проблемы выживания в условиях сворачивания социальных функций государства (тем более тех, что дотировались из Центра). Такое «погружение» в новые реалии, *ceteris paribus*, способствовало отвлечению от политики и от «национального вопроса» — ее важнейшей составляющей в период активной фазы суверенизации. Собственно, об этих сдвигах в массовом сознании (на примере русскоязычных) говорят приведенные выше данные табл. 1 и 2 — главные их «беспокойства» в середине и конце 1990-х гг. были связаны (если отвлечься от всеохватной категории «будущее детей») с необходимостью (и/или желанием) иметь больше денег и более подходящую работу.

«Заниматься делом» и «заниматься политикой» становятся в сознании рядовых граждан все более расходящимися понятиями. Вот, например, как рассуждала вернувшаяся из России бишкекчанка, озабоченная стремлением обеспечить себе и семье «достойный уровень жизни» (осень 1999 г.):

«С. Хочется чего-то... Усталость вот эта, постоянная гонка, потому что надо постоянно что-то организовывать, где-то что-то заработать, для того, чтобы где-то что-то потратить, а завтра снова мучиться, где бы заработать, потому что дети растут...»

Н. Это все связано с тем, что называют этническими проблемами?

С. Нет, этнические проблемы... я вообще поняла, этнические проблемы, они по сути не существуют в моем представлении. Их создают люди, которые занимаются политикой. Вот, например, кто ходит на эти митинги? Ходят те, кому делать нечего. У кого голова болит, как семью накормить, он никогда не пойдет ни на какие митинги, тем более националистические. Кто на этих митингах? Молодежь, которой некуда деть свою энергию, студенты и молодые, у которых нету еще семьи и которые хотят, жаждут деятельности, но не знают, куда себя устремить. Их умело обрабатывают политики, которые в своих интересах все эти национальные темы используют».

О важной роли рынка и «вокруг него» в качестве блокираторов напряженности, акцентируя различные аспекты, говорили и эксперты. В. Запольский следующим образом подвел итог этому сюжету (10.10.96):

«В общем, худо-бедно, несмотря на наличие огромных недостатков в экономическом комплексе, раскачивается потихоньку все, движется вперед, хотя со скрипом, с воровством, с коррупцией, но потихоньку продвигается... Человек потихоньку начинает обретать свое место в этой

жизни, он больше занят заботами о собственном существовании, о жизни детей и меньше вторгается в политику...».

Социолог Владислав Потоцкий, директор исследовательского центра «Инфорекс», поставил «самостоятельное экономическое плавание» во главу угла, отвечая на мой вопрос о причинах редкого обращения прессы к «национальной» тематике (4.10.96):

«Я могу объяснить это, хорошо зная психологическое состояние людей. Дело в том, что те, кто остался, кто не хочет уезжать отсюда, заинтересованы в том, чтобы стабильность сохранялась. Стабильность — основа нормальной жизни, и это понимают буквально все. Кроме того, прошел бум национального суверенитета. Пенка политических спекуляций тоже уже снята. И, в принципе, люди заняты делом, то есть пытаются найти дело, на основе которого можно построить собственную жизнь. Потихоньку они начинают уже понимать, что государство не кормит... А поскольку люди больше ориентированы на самостоятельное экономическое существование, у них и проблема межнациональных отношений стала подчиненной этой сфере. Как жить вместе. Раньше она занимала большое место, но сейчас отходит на задний план, поскольку на быденном уровне идет осознание того, что межнациональные отношения — это такая галиматья, которая мешает нормальной жизни. И вообще-то говоря, это сейчас очень хорошо начинают понимать и киргизы, поскольку у них была особая ситуация. Они, в основном, занимались сельским хозяйством и жили в колхозах и совхозах, эти сельские киргизы. Городские киргизы резко отличались от них... Потом они потеряли ту кормушку государственную, где им было положено что-то получать. Сейчас они вынуждены сами действовать, осваивать новые области труда, земледелие, скажем. Спускаются с гор и занимаются земледелием. Ринувшись в города, киргизы сейчас очень активно осваивают торговлю. Торговля здесь хорошо развивается потому, что Кыргызстан, все-таки, стоит на перекрестке всех дорог... Поэтому торговля здесь более активная.. В этой ситуации замалчивание межнациональных проблем идет потому, что они мешают основной экономической деятельности. Это не из-за каких-то указаний сверху, поскольку пресса здесь такая, что если какая-то проблема возникнет, она ее сразу раздует. Но пресса сама, конечно, понимает эту ситуацию. Это такое спонтанное всеобщее понимание всеми людьми того, что гражданский мир — это главное все-таки условие того, что здесь можно жить».

Пока мы говорили об обстоятельствах, затронувших все население, но необходимо особо выделить моменты, **способствующие отвлечению от проблемы «корней» наиболее активной, наступательной стороны — титульной группы и, в частности, ее молодежного/сельского сегмента.**

(II) «Киргизские мальчики просто оккупировали базар...»

Будучи подхвачены рыночной волной, киргизы начали приобретаться, как и все люди постсоветской эпохи, не просто к новой образу жизни и мышления, но и во многом новым, непривычным для себя занятиям — торговле и земледелию (этот важный момент отметил в последней части только приведенной цитаты В. Потоцкий). Процесс проходил достаточно болезненно; успешность народов, в силу исторических традиций более подготовленных к требованиям времени, вызывала неадекватную реакцию. Во время первых экспедиций 1992 и 1993 г. в иссык-кульских селах не раз приходилось слышать рассказы о том, что группы киргизской молодежи переворачивали на рынках грузовики дунган, узбеков, не давали им торговать под предлогом якобы высоких цен; именно этими действиями мои русские и узбекские собеседники объясняли дефицит на местных базарах овощей и зелени. Но фиксировался и интерес к новому. По свидетельству семьи узбеков в с. Корумду (октябрь 1992 г.), «соседи-киргизы приходят, спрашивают, что и как мы выращиваем. Зелень, огурцы, баклажаны для них непривычны; помидоры здесь только два-три года сажают...».

Необходимо также учитывать некоторое расхождение между новыми практиками и народной киргизской традицией. Об этом, а также о спасительности рыночной альтернативы и для самих киргизов, а потому и для общества в целом, говорил в тяжелый период начала 1990-х гг. филолог, общественный деятель Салиджан Джигитов: «К несчастью или счастью, киргизский народ очень увлекающийся. Сейчас большая армия молодых людей увлеклась торговлей. И это, может быть, спасет. Потому что инстинкт обогащения, пожалуй — самый могучий инстинкт. Пробуждаются наши коммерсанты. Пусть ездят по городам и весям, приобретают опыт. Для киргизов это прогрессивное явление. До недавнего времени они еще стыдились продавать. Лучше отдаст бесплатно. В этом смысле началась революция в психологии. Если процесс пройдет тихо-мирно, это счастье для нашего народа. Еще недавно преобладающее сознание, что, коль я хозяин этой земли, подавайте мне чуть ли не бесплатный обед, постепенно изживается. Ребята что-то строят, ищут выгоду. Есть надежда, что многие потянутся назад в села, где с приватизацией открывается простор для самоутверждения. Кто хитрей, кто умней, кто расторопней, тот должен победить»⁵⁰.

То, о чем С. Джигитов говорил как о возможном и желаемом, в значительной мере стало свершившимся фактом. А. Брудный в более позднем интервью следующим образом подытожил развитие интересующих нас процессов (18.09.98):

«Мне представляется, что сложность национальной ситуации в государстве, где реально все продукты покупаются на базаре, зависит от

того, кто этот перекупщик на базаре. С того момента, как они стали представителями, в значительной массе, коренной национальности, тогда возникло и сглаживание национальных отношений... Как везде, где есть деньги, идеология отступает на задний план. В этом смысле то, что здесь существует рыночная экономика, это многие отмечают... Я Вам могу сказать, что рыночная экономика ослабила идеологические моменты жизни общества. А поскольку этнос здесь зачастую выступал именно как основа для какой-то идеологической конструкции, то и этнические. Ну вот, скажем, мой тесть, ныне покойный, он отмечал, что киргизы не очень активное участие принимали в торговле, а когда они увидели реальности жизни, то киргизские мальчики просто оккупировали, это его выражение, просто оккупировали базар. До этого киргизы как-то относились не без элемента, может быть, обоснованного, такого, я бы сказал, критики по отношению к тем, кто принимает участие в торговле, поскольку это всегда было связано с воровством. Киргизы как-то этого не поощряют... а сейчас, поскольку воруют все, да... но этнического момента здесь нет, это чисто постсоветский момент, который очень ясно связан с ослаблением государственного контроля во всех его формах».

«Сглаживание» было достаточно универсальным процессом, затронув не только север страны, где киргизы контактируют в основном с так называемыми европейцами, но и южные области, печально известные кровавым конфликтом между узбеками и киргизами в 1990 г. По свидетельству В. Потоцкого, проводившего там социологические исследования, «вживание киргизов в новые сферы деятельности, особенно в торговлю, активнейшим образом идет и на юге. И теперь киргизы пока что больше учатся у узбеков, которые имеют глубочайшие традиции торговли, чем с ними конфликтуют. Может быть, в дальнейшем этот конфликт уже на новой почве и возникнет, но уже в конкуренции» (4.10.96).

(III) «Рынок не разрешает капризничать»

Новые социально-экономические условия отразились на киргизах и с другой стороны: они включились в борьбу за покупателя, за клиента, в том числе и за «русского», особенно в местах концентрации русскоязычного населения (в частности, в Бишкеке). Ведь торговать начали буквально все — от старушек и школьников, предлагающих с уличных лотков дешевые сигареты поштучно, до челноков-профессионалов, привозящих ежемесячно крупные партии товара из России, Индии, Ирана, Турции, Китая. В обстановке, когда предложение постоянно превышает спрос, прежние напоминания «русским» о том, где находится «их земля», стали просто экономически невыгодными. Эта тенденция типична для постсоветских стран, но в бывших респуб-

ликах она воспринимается как преодоление национализма на бытовом уровне, а, скажем, в России — как изживание тружениками торговли советского профессионального хамства, обусловленного тем же самым явлением, только со знаком минус — хронического товарного дефицита и ажиотажного спроса.

Уже в первой половине 1990-х гг. такого рода рыночное поведение фиксировалось респондентами, сочетаясь, впрочем, и с восприятием русских как конкурентов (т. е. производителей/продавцов). Жительница Григорьевки в одном месте интервью, когда обсуждались ее коммуникационные трудности, отметила заинтересованность киргизов в продаже товара; позднее же, отвечая на вопрос о причинах частой раздражительности, по ее мнению, киргизских женщин, завела речь о трудностях освоения ими земледельческих навыков (осень 1994 г.):

«Н. Ну, а в общении в магазине... есть у Вас языковые трудности?»

М. Нет, в магазинах уже ничего не продают, все на базаре.

Н. А на базаре?

М. А на базаре нет, им же надо как-то жить, они все в торговлю ударились... Они заинтересованы продать...

Н. Из-за того, что Вы русская, они не откажутся продавать?»

М. Что Вы, наоборот!

...

М. Ну, мы видите как, летом то смородину продадим, то малину продадим, то что... а они же ведь, если они даже сейчас дома купили, то эта малина пропала, смородина пропала, и все. Вот даже на базаре, стоишь, продаешь малину. Подходит. В какую цену? В такую... А, вы на нашей земле вырастили! Может ведро ударить и перевернуть вот это ведро с малиной, вот».

Социокультурная составляющая: киргизы городские и сельские

Сближению киргизов с русскоязычными, прежде всего киргизов городских (поэтому нижеследующие размышления актуальны в первую очередь для Бишкека и других территорий с длительной историей этнокультурных контактов) способствовали и выходящие на поверхность в условиях активизации сельско-городских миграций трения между двумя сегментами титульного населения. Этот момент важен для нас не только как еще одна **причина смягчения бытового национализма, но и как проявление новых** (или ощущаемых как новые), **не жестко этнических водоразделов в постсоветском киргизстанском обществе.** В данном контексте образное замечание П. Колсто о том, что русские в первые годы независимости, «подобно белым англо-саксонским

протестантам американских пригородов, начали чувствовать себя жертвами вторжения гангстеров и хулиганов с другим цветом кожи»⁵¹, представляется несколько упрощенным. Похожими жертвами ощущали себя и городские киргизы, хотя и обладали тем же «цветом кожи», что и молодые сельские «хулиганы».

Некоторые эксперты при обсуждении сельско-городских миграций специально подчеркнули проблему «внутрикиргизских» трудностей. Вот что сказала, например, Замира Сыдыкова, главный редактор газеты «Res Publica» (18.10.96):

«Н. К. Как Вы считаете, сейчас в Бишкеке существует проблема сельско-городской миграции коренного населения?»

З. С. Да, конечно, конечно, это серьезная проблема, она меня действительно волнует. Мы должны это пережить... Во-первых, они приезжают сюда и создают такую нервотрепку... понимаете, уже киргизы с киргизами здесь... просто друг с другом сталкиваются, потому что... я вот живу, начинаю спотыкаться там обо всех, надо, не надо... и они, я вижу, тоже без особого какого-то счастья здесь пребывают...».

Приведу также мнение Б. Чукина (1.10.96):

«В общем, они проблему дают, они несут другую культуру. Городская и сельская, ведь разные культуры... Сельские мигранты в городе в силу низкого образования и других причин вовлечены, в первую очередь, в стихийный, неорганизованный бизнес: лоточники, будочники. Ну, конечно, это слой связан с преступностью. Даже по газетам смотришь, где и когда кого-то берут, то чаще всего это житель такой-то области, не работающий. У городского киргизского населения есть определенные проблемы с этими людьми. Есть даже определенные термины для городских и сельских киргизов. При бракосочетаниях это очень учитывается, негласно, конечно. Первый вопрос про невесту, второй про родителей...».

А. Элебаева, при обсуждении взглядов киргизской интеллигенции, обратила внимание на другой аспект проблемы: преимущества общения киргизов с русскими из-за особенностей менталитетов двух групп (2.10.96):

«Чисто психологически в некотором плане с русскими проще, чем с представителями своего этноса. Они более открыты. Человек более просчитываем. Киргизы более закрыты, это особенность менталитета. И считается неприличным быть слишком уж эмоциональным, слишком открытым. Даже часто говорят: "Ну, это у тебя чисто русская черта", она приобретена в русской среде...».

Если обратиться к количественным данным, об отношении киргизов к «русским» можно судить, во-первых, по оценкам последних,

на примере наших респондентов (см. табл. 3, 4). Поскольку опрашивались жители Бишкека, речь идет именно о позиции городских киргизов, главных коммуникационных партнеров русскоязычных. Помимо уже известных нам различий в оценках между намеренными остаться и ориентированными на выезд, данные двух таблиц, на мой взгляд, свидетельствуют и о позитивных сдвигах в отношении киргизов к «русским», которые проявили себя во втором обследовании, при смене ранее не совсем удачного формата вопроса. В 1996 г. он был закрытым, и подавляющее большинство ответов «свалились» в малоинформативную рубрику «по-разному» (хотя ответов, фиксирующих однозначно негативное/равнодушное отношение, было очень немного).

В 1998 г., учитывая трудности респондентов дать однозначную оценку, вопрос был предложен как открытый, а ответы группировались и затем кодировались для статистической обработки. Как мы видим, оценивших отношение к ним окружающих киргизов как в целом позитивное, почти без оговорок, условий и разграничений на таких и таких — подавляющее большинство. Самые распространенные ответы в этой рубрике — лаконичные «хорошо», «нормально» и «неплохо». Несколько экзальтированные реакции: «великолепно», «прекрасно» и «замечательно», как и «негатив», впрочем, сдержанный (в эту группу попали такие ответы, как «равнодушно», «неважно», «не очень хорошо» и т. п.) — явные аутсайдеры, хотя первые встречаются чаще. Вторая по частоте группа ответов (сумма рубрик 3 и 4), очень сильно уступающая первой (около 20% по массиву в целом, но уже свыше 27% для желающих уехать) — неоднозначные. Сюда попали ответы с оговорками, сама распространенная из которых — «пока» («пока нормально», «пока не чувствовали ущемлений», «пока ничего такого не было» и пр.), а также несколько уклончивые («вроде бы хорошо», «в общем-то нормально», «вроде не обижают» и т. п.). Кроме того, осталась и столь объемная в более раннем опросе группа ответов в стиле «*it depends*», где оценка дифференцируется в зависимости от вида и глубины общения, а также от принадлежности к различным группам киргизского сообщества («смотря какие киргизы», «смотря в какой ситуации»). Это уже знакомый для нас сюжет — трудности фиксировались при контактах с малознакомыми людьми (по контрасту с соседями, друзьями и знакомыми); с молодежью и приезжими сельчанами.

Во-вторых, посмотрим на мнения самих киргизов. Эта возможность предоставляется очень интересным и единственным в своем роде обследованием (оно уже упоминалось выше в данной главе), нацеленным на выявление этнокультурной дистанции между тремя основными этническими группами страны. Будучи проведенным в 2001 г., оно, хотя и не выявляет динамики, но как бы подводит итог развитию отношений между киргизами, узбеками и русскими на про-

Таблица 3

**Распределение ответа на закрытый вопрос:
«Как киргизы относятся к Вам, Вашей семье, детям?»
(по опросу 1996 г.; %)**

Варианты ответа	Желающие остаться (N=129)	Желающие уехать (N=145)
Доброжелательно	27,9	13,1
Равнодушно	2,3	12,4
Враждебно	0,8	0,7
Все по-разному	67,4	69,7
Затрудняюсь ответить	1,7	2,6
Другое	0,0	1,4

Таблица 4

**Распределение ответа на открытый вопрос:
«Как киргизы относятся к Вам, Вашей семье, детям?»
(по опросу 1998 г.; %)**

Группы ответов по результатам кодирования	В целом по массиву (N=319) *	Желающие остаться (N=184)	Желающие уехать (N=102)
1. Спокойный позитив	69,0	75,5	58,8
2. Восторженный позитив	4,7	7,1	2,0
3. В принципе неплохо, но с оговорками	11,3	8,7	16,7
4. В зависимости от ситуации, разные киргизы по-разному	6,6	3,3	10,8
5. Никак	5,0	3,3	7,8
6. Явный негатив	1,3	0,5	2,0
7. Нет общения	0,6	0,5	1,0
8. Нечто специфическое в ответе	1,3	1,1	0,0
9. Затрудняюсь ответить	0,3	0,0	1,0

* Здесь и ниже в случаях, когда речь идет о данных по всему массиву, его размер может отличаться от объема выборки (304 человека в 1996 г. и 325 — в 1998 г.) на число респондентов, вообще не давших ответа на тот или иной вопрос.

тяжении первого десятилетия независимости. Авторы соединили метод общестранового опроса по репрезентативной выборке с концептуальным подходом, заложенным в хорошо известной шкале социальной дистанции Богардуса, которая строится исходя из желания/нежелания испытуемых соседствовать, работать, дружить, сочетаться браком и т. п. с представителем другой группы. Основные выводы авторов, если излагать их кратко, таковы: в Киргизии наименее предпочитаемыми партнерами для контактов разного рода (*key outgroup*) и для русских, и для киргизов являются узбеки. Иными словами, ситуация напоминает детскую песочницу, в которой два ребенка тянутся друг к другу и не очень хотят играть с третьим, а он, напротив, совсем не стремится отвечать им той же монетой и хочет общения. По расчетам авторов, если считать точку 1 на шкале показателем самой близкой дистанции (готовность к браку), 2 и 3 — средней (соответственно, возможность тесной дружбы и соседских связей) и, наконец, 4 — показателем самой большой дистанции, когда все перечисленные контакты отвергаются, то отношение киргизов к узбекам характеризуется цифрой 2,80; киргизов к русским — 1,99; русских к узбекам — 2,21 и, наконец, русских к киргизам — 1,62⁵².

Столь ответственные выводы для страны с такой этнокультурной, географической и социально-экономической структурой («киргизо-узбекский юг — киргизо-русский север»), нуждаются, на мой взгляд, в дальнейшей конкретизации и уточнении через лонгитюд (например, с пятилетним интервалом) и качественные исследования, сфокусированные на выяснении причин и мотиваций тех или иных предпочтений. Но один шаг в последнем направлении авторы уже сделали, и это для нас наиболее интересно.

В качестве возможных факторов близости-дальности дистанции в анализ были введены независимые переменные: возраст, пол, уровень образования респондентов, выбранный ими язык интервью и место жительства. И именно последнее оказалось наиболее значимым: так, по сравнению с данными по «югу», более чем в два раза больше киргизов на севере страны (куда авторы включили столичную Чуйскую и Таласскую области) и в Бишкеке не возражали против возможного прихода русских в свою семью посредством заключения брачного союза⁵³. На основании анализа дистанции между киргизами и узбеками Р. Фаранда и Д. Нолле делают вывод, что «опыт исторических контактов этнических групп в регионе, судя по всему, более существенно влияет на этническую толерантность, чем национальный состав населения той же территории»⁵⁴. Историческая память, безусловно, очень важна. Однако, на наш взгляд, в случае с русскими и киргизами на севере страны очень трудно разделить значимость исторического и личного опыта общения, а таким опытом (в его двух ипостасях) обладают

в первую очередь «городские киргизы», более близкие «русским» по культуре и образу жизни, независимо от того, идет ли речь о городе или селе в буквальном смысле слова.

Своеобразным итогом наших рассуждений о причинах «сближения сторон» могут служить слова одной из моих собеседниц, вернувшейся из России. Она дала яркую и почти исчерпывающую характеристику тех изменений, которые произошли за время ее отсутствия (с 1993 по 1996 г.):

«Н. А как Вы нашли обстановку? В Киргизии, после почти трех лет? С точки зрения бытового национализма?»

Т. Да, и я своей подружке [в Россию — Н. К.] писала о том, что люди вот этот национальный вопрос отложили на более дальние планы, потому что очень многие поняли ситуацию... не знаю, может быть, из коммерческих каких-то соображений... они стали какие-то другие; пусть он даже и десять слов по-русски знает, но если ты русский, он свой товар тебе предложит только по-русски. И люди стали более обходительные друг с другом; вот даже если раньше, когда приезжала к маме с Иссык-Куля сюда, я ездила на автобусах. Были проблемы, кто-то кого-то толкнул, кто-то там зашел, кричит, русские, убирайтесь отсюда, — я не раз была свидетелем таких сцен...

Н. До отъезда?

Т. Да. То сейчас, хотя и давка постоянная в общественном транспорте, такого не наблюдается.

Н. Да, я тоже заметила...

Т. Да. Просто я именно вот это ощутила, что люди поняли, что лучше зарабатывать себе на хлеб спокойно, нежели решать, русский ты или киргиз, на каком языке ты говоришь и все остальное. Вот это я заметила сразу. Тем более, что чаще всего, опять-таки, встречаясь в таких ситуациях, когда тебе указывали на твою национальность и отправляли тебя на твою, так сказать, родину, хотя родина наша здесь, — это были чаще всего люди, которые буквально, будем говорить, пять лет, даже и того меньше, года два-три живут в Бишкеке; их видно, что они только что спустились с гор. Их даже так же называли вот буквально киргизы, которые живут в городе, которые не в первом поколении городские жители. Или хотя бы те, кто уже получил здесь высшее образование, хотя бы пять лет прожили здесь — они уже совершенно по-другому на это смотрели. У них совершенно были другие взгляды, у них не было необходимости решать национальный вопрос, они решали совершенно другие проблемы. По работе, по бизнесу, где угодно. А какая-нибудь простая, задрипанная крестьянка, грязная, черная, она там кричала — “Что ты, русская, тут расселась, уступи мне место. Я киргизка, это моя земля!” Чаще всего было именно так. А сейчас этого намного меньше, потому что та же эта киргизка, продавая там молоко, — неизвестно, где она его

берет, — она приходит и предлагает тебе его по-русски, и говорит тебе — “Пожалуйста, купите, и спасибо большое за покупку”. И это не выдумано мной, это очевидно так, это из жизни!»

Взгляд со стороны русских

(I) Тяготение к культурно-близкому

О сдвигах в восприятии русскоязычными киргизов (если исключить общий для всего населения «отвлекающий эффект» рыночного фактора) судить достаточно сложно, ведь именно последние были в период обострения отношений активной, наступающей, а затем успокоившейся стороной. Имеющиеся в нашем распоряжении эмпирические данные лишь подводят черту под первым беспокойным десятилетием независимого развития.

Что можно утверждать достаточно уверенно (это обратная сторона процесса, описанного в предыдущей главке) — налицо ориентация «русских», и в тесных контактах, и тем более в рутинном бытовом общении, именно на тот слой киргизов, которых называют городскими. Такого рода предпочтения многократно «выплывали» в ходе интервью, причем спонтанно, зачастую без видимой связи с обсуждаемым сюжетом. Важно то, что респонденты подчеркивали значимость для них именно культурной и социальной общности в качестве критерия отбора (общности профессиональных интересов, образовательного уровня, социального статуса — «главное человек, а не нация»). Можно предположить, что в постсоветский период подобные ориентации укрепились (или вышли на более осознаваемый уровень) под влиянием вызовов, принесенных массовым наплывом в города «других» киргизов.

Приведу несколько примеров. Инженер-проектировщик рассуждает о значимости узкой профессиональной специализации и, по его мнению, предрасположенности тех или иных этнических групп к определенным видам деятельности:

«Может быть, это мое субъективное мнение, но когда специалист начинает, я и то сделаю, я и то сделаю... Ну вот, надо отдать должное, архитекторы... среди ребят-киргизов всегда было много талантливых архитекторов. Сколько я помню... есть у людей от бога... умение рисовать и, соответственно, пространственно мыслить... Да, сейчас очень много существует фирм проектных, во главе которых стоят архитекторы, потому что любое проектирование, любого объекта, начинается с архитектуры. И вот там в основном ребята-киргизы, но это совсем не те ребята, которые сидят на базаре, это совсем [с упором. — Н. К.] другие ребята. И с ними общаться всегда приятно, и я по работе часто очень завязан с ними...».

А вот размышления вернувшейся из России жительницы Бишкека, навеянные воспоминаниями об особом встреченном там культурном укладе, мало для нее приемлемом:

«Е. Жизнь прожила бок о бок с киргизами, с корейцами, с дунганами, с узбеками, я и тогда не говорила, что полностью принимаю их культуру, они другие, они... мне чужды... скажем, их уклад жизни, я бы никогда не смогла... в молодости я думала, что смогу, но потом, сейчас я поняла, что я бы, конечно, не смогла выйти замуж за человека другой национальности в том плане, что если бы этот человек остался в своей среде.

Н. А Ваш муж не остался?

Е. Его отец был репрессирован где-то в 30-е годы, с Дальнего Востока, это семья чисто... как это...

Н. Европейская?

Е. Да, европейская. Мать у него вообще русская. Уклад семьи примерно такой же, как у моих родителей. Закончили институт, всю жизнь проработали, трудились на благо коммунистической партии... И поэтому я поняла, что здесь главное не национальность и цвет кожи, а самое главное — это уклад жизни. Если воспитали вот русского человека, который в Москве вырос, я бы за него тоже не вышла, просто там совершенно другие понятия, что такое хорошо, что такое плохо; как надо жить и как не надо. И то же самое здесь. Если бы, допустим, киргиз, узбек или еще кто-то здесь жил, вырос в городской семье, которая не увлекается такими традициями... у киргизов очень много совсем дурацких этих обычаев, которые просто дикими мне кажутся..., наверное, я бы смогла ужиться».

Один из экспертов (поскольку речь идет о его личном опыте, имя опускается) вспоминает о напряженности первых лет независимости:

«С. Вы знаете, когда все время говорили о том, что вот будет восстание, и прочее, прочее...

Н. Это какое восстание?

С. Против русских... вот когда восстание 1916 года разбиралось, что русские должны за это ответить...

Н. Это уже после 1991 г.?

С. Да. И мы с моим другом-киргизом, я его очень люблю, и он тоже... давай, говорим, в знак протеста отрубим себе указательный палец, что б ни ты, ни я не мог нажимать на курок. И он согласился, говорит — не буду я стрелять в русских... а я в киргизов. Ну, не смогу. Близкий мне народ... давай пойдем, пальцы отрубим [смеется. — Н. К.]».

Мотив общности со всем киргизским народом не раз звучал в моих беседах с этим экспертом, но рассыпанные по текстам интервью упоминания о его многочисленных друзьях-киргизах говорят о том,

что последние — люди одного с ним круга (ученые, писатели, деятели искусства и т. п.).

Хозяйка салона свадебной одежды рассказывает о том, что ее брат эмигрировал в Америку и предлагал забрать туда ее и мать:

«А. Но я говорю, я не смогу нигде, я даже не знаю, смогу ли я в России, мы здесь привыкли и, честно говоря, с киргизами, те, которые цивилизные, нормальные, у нас прекрасные отношения... есть вот, но такие и в России есть, такие же и в Узбекистане есть, мама у меня в Ташкенте живет, так что это не от нации зависит, а просто от человека.

Н. То есть в смысле общения у Вас нет проблем?

А. Нет, никаких, я с ними даже очень люблю общаться».

Тема получила довольно забавное развитие в конце интервью; моя собеседница, подводя итог, еще раз подчеркнула свои коммуникационные предпочтения по схеме «город — село» и привела в пример свою знакомую, но, чего я сразу не взяла в толк, киргизку (что, кстати, опять говорит нам о культурных ориентациях городских киргизов):

«А. Вот здесь, в округе, у нас много и русских, и киргизов, у нас проблем никаких нет. Проблемы это с дикарями, а они везде, они и у вас есть, и у нас есть...

Н. Вы имеете в виду, из сельской местности?

А. Да, да.

Н. Вы всю жизнь прожили в Бишкеке?

А. Да, всю жизнь... Кстати, у меня знакомая одна, в соседнем доме живет, очень приятная женщина, у нее муж был, по-моему, замминистра строительства. Он уже умер... друзья все были русские, и когда все уезжали, она паниковала, с кем же я буду общаться... я говорю, ну божьей, ты в своей стране, у тебя нормальное общение... конечно, сейчас она уже на крутом уровне, нормально, дети у нее пошли...

Н. Они бизнесом занимаются?

А. Нет, у нее умненькие детки, образование получили, каждый чем-то видно тоже занимается...

Н. Вы имеете в виду, что они здесь остались?

А. Да... но они киргизы.

Н. Ааа, они киргизы... [удивленно. — Н. К.]

А. Да, и притом киргизы... вот я и говорю, высокообразованные...».

Интересный поворот обсуждаемого сюжета находим в интервью с В. Потоцким (4.10.96), где разделение «русскими» киргизов на городских и сельских, уже не как выражение личной позиции, а отстраненно-социологически, также подается в надэтническом контексте:

«Имперский комплекс у русских исчез, поскольку Российская империя тоже исчезла. Она быстро исчезла, и это очень быстро подтвердилось

политикой России по отношению к республикам: отсутствие попыток восстановить активные экономические связи, поддержать заводы, которые завязаны все на Россию. Это все резко сработало на то, что имперский комплекс ушел. Если он и есть, то только у пенсионеров, которые уже не могут влиять на ситуацию. Ощущение же себя как представителя высшей цивилизации, оно и раньше было только по отношению к сельским киргизам, потому, что это село. Вероятно, такое же чувство есть и у русских по отношению к своим деревенским. Это чувство и сейчас осталось, но это уже не чувство превосходства, а чувство того, что эти люди, из деревни приезжающие, они мешают. Либо вы скорее адаптируетесь и занимаетесь тем, чем все занимаются, либо не мешайте. Вот такое отношение».

(II) Подружиться, породниться...

О динамике в настроениях «русских» трудно судить еще и потому, что они являются, как уже неоднократно отмечалось, дифференцированным сообществом, в том числе по своему отношению к киргизам во всех его проявлениях. Часть из них проявляла благожелательный настрой, включая и поведенческий уровень, например, дружеские связи, еще в советское время (существенную роль тут играл, среди прочих, фактор «укорененности»: место рождения и продолжительность проживания в республике). В городах это была ориентация на «цивильных», образованных киргизов из своей среды; в селах — естественно, на сельских, но тоже на свой, привычный круг, с которыми вместе росли, учились, потом работали, соседствовали... По крайней мере, мои наблюдения первых постсоветских лет фиксируют как открыто выражаемое дружелюбие и стремление к общению одних «русских», и в селах, и в Бишкеке, так и отчужденность, неконтактность и/или миссионерские настроения других. В годы независимости из первой группы, при прочих равных условиях, видимо, и «рекрутировались» те, кто не стремился к миграции, будучи движим (см. главу 5 наст. раздела) как соображениями прагматическими, так и, в большей степени, эмоциональными. Кстати, и реакцию на всплеск бытового национализма таких психологических экипированных людей естественно ожидать более спокойной, «приглашенной», что видно и из текстов интервью, и из приведенных здесь опросных данных, дифференцированных по группам.

По контрасту, более рационализированное восприятие русскоязычными абстрактных сюжетов, напрямую не затрагивающих происходящего «за окном» — например, истории отношений двух народов, — претерпело заметную эволюцию (см. главу 2 разд. III), причем зависимости позиции от миграционных намерений там уже не наблю-

Таблица 5

**Распределение ответов на открытый вопрос:
«Кто по национальности Ваши ближайшие друзья?»
(по опросам 1996, 1998 гг.; %)**

Группы ответов по результатам кодирования	1996 г.		1998 г.	
	Желающие остаться (N=128)	Желающие уехать (N=150)	Желающие остаться (N=185)	Желающие уехать (N=102)
1. Киргизы и представители других групп	43,7	30,0	49,7	23,5
2. Только русские	21,9	40,0	22,7	49,1
3. Русские и другие «европейцы»	21,1	18,0	21,1	24,5
4. Разные, «интернационал»	13,3	12,0	6,5	2,9

дается. А различия между русскоязычными, касающиеся эмоционального настроя, готовности к разного рода контактам с киргизами, видимо, достаточно устойчивы, инерционны и пришли еще из советского времени (что, естественно, не исключает сдвигов в ту или иную сторону на индивидуальном уровне под влиянием различных жизненных обстоятельств).

Как бы то ни было (идет ли речь о сохраненном или приобретенном), наши опросы фиксируют, к примеру, устойчивость значительных, явно выходящих за пределы ошибки наблюдений, различий между группами с точки зрения коммуникационных предпочтений разного уровня. Если говорить, в частности, о дружеских связях (см. табл. 5), различия проявляют себя именно по двум контрастным «наборам друзей» — респонденты называли только русских или киргизов вкупе с кем-то еще.

Картина по брачным предпочтениям наших респондентов аналогична в том смысле, что группы опять «тверды» и заметно далеки друг от друга в своих ориентациях, даже в том, что касается наиболее демократичной и оказавшейся весьма популярной позиции — «не имеет значения» (см. табл. 6, 7), которую к тому же можно трактовать как отказ от предложенного в анкете этнического критерия оценки потенциальных свойственников.

Если же отвлечься от различий групп и посмотреть на русскоязычных в целом, интересный материал для сравнений и размышлений дают нам результаты уже упоминавшегося выше опроса американских ученых 2001 г., изучавших декларируемую этнокультурную близость трех основных этнических групп Киргизии.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос:
«Как бы Вы отнеслись к тому, что Ваш сын захотел жениться на киргизке?»
(по опросам 1996, 1998 гг.; %)*

Варианты ответа	1996 г.		1998 г.	
	Желающие остаться (N=104)	Желающие уехать (N=116)	Желающие остаться (N=117)	Желающие уехать (N=64)
Положительно	10,6	4,3	12,0	4,7
Отрицательно	36,5	60,3	47,0	60,9
Не имеет значения	51,9	32,8	41,0	34,4
Затрудняюсь ответить	1,0	2,6	0,0	0,0

* На вопрос отвечали лишь респонденты, имеющие детей.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос:
«Как бы Вы отнеслись к тому, что Ваша дочь захотела выйти замуж за киргиза?»
(по опросам 1996, 1998 гг.; %)*

Варианты ответа	1996 г.		1998 г.	
	Желающие остаться (N=100)	Желающие уехать (N=118)	Желающие остаться (N=122)	Желающие уехать (N=77)
Положительно	11,0	3,4	8,2	4,0
Отрицательно	48,0	62,7	48,4	62,3
Не имеет значения	41,0	32,2	43,4	33,7
Затрудняюсь ответить	0,0	1,7	0,0	0,0

* На вопрос отвечали лишь респонденты, имеющие детей.

Прямые, «цифровые» сопоставления матримониальных ориентаций в данном случае, к сожалению, невозможны из-за различий в формулировке вопроса (у меня — концентрация на детях) и в подборе закрытий. Так, обращение к респондентам в 2001 г., в переводе с английского, звучало следующим образом: «Сейчас в Киргизии живут люди разных национальностей. На примере каждой из групп, которая будет сейчас названа, пожалуйста, скажите, хотели бы Вы иметь типичного представителя этой группы в качестве своего соседа, близкого друга; принять его/ее в свою семью посредством брака?» Во всех

случаях предлагались следующие опции: «да», «нет», «не знаю» («затрудняюсь ответить»); фиксировались также отказ от ответа и его отсутствие. Получилось, что 57,2% опрошенных русских не возражали против брачных союзов с киргизами; 29,8% были против этого, отказались отвечать 3%, а 9,7% затруднились с ответом⁵⁵. Доля позитивно настроенных русских очень высока (правда, надо сделать поправку на то, что речь идет о прожективном, а не о реальном поведении⁵⁶). Однако оба результата, видимо, все же зафиксировали какие-то устойчивые тенденции в «позитиве» на уровне примерно 40–50% — если принять, что популярная у наших респондентов опция «не имеет значения» все же дает зеленый свет русско-киргизским бракам, пусть только на уровне настроения. А вот различия наших и американских данных по «негативу» очень существенны, и я пока не готова дать тому какие-то вразумительные объяснения. Нужны дополнительные и более нюансированные исследования (в частности, вводящие дифференциацию по месту проживания не только киргизов, но и русских), причем обязательно и качественные.

То же самое относится, на наш взгляд, еще к одному интересному результату американских ученых. Русские, если смотреть по стране в целом, оказались гораздо более расположенными к киргизам, чем наоборот, причем ярче всего это проявилось в готовности к самым тесным контактам — брачным. Если «подружиться» не против 88,5% русских и 82,4% киргизов (уже есть некоторая разница), то «породниться», соответственно, 57,2 и 26,1% (правда, узбеки для киргизов, по данным опроса, еще менее предпочитаемые партнеры — 17,3%)⁵⁷. Возникает вопрос, насколько сохранены прежние традиции, ведь в советской Киргизии доля межнациональных браков заметно превышала аналогичный показатель по соседним республикам⁵⁸.

Повторюсь, для подтверждения и, главное, объяснения этого очень важного результата необходимо «копать» дальше, и вглубь, и вишь, но одно объяснение напрашивается уже сейчас. Судя по всему, оценка русскими возможного межнационального брака детей слабо зависит от того, идет ли речь о сыне или дочери. Для киргизов, напротив, это момент существенный: брак дочери с «чужим», как показывают наши исследования 1993 г. в с. Темир, гораздо менее желателен⁵⁹, и это могло повлиять на ответы киргизской части выборки в 2001 г. В то же время, как отмечалось выше, позиция киргизов сильно варьирует в зависимости от места проживания, и для «северных» она уже гораздо ближе к «русской». Введение в анализ гендерного компонента по отношению и к самим респондентам, и их детям (вопрос, задаваемый в 2001 г., скорее всего, проецировался именно на детей — будущих или уже рожденных) позволит нам существенно продвинуться вперед в понимании причин взлетов и падений в отношениях издавна живущих рядом двух народов.

(III) Есть факты, а есть их восприятие...

Действительно, расхожая житейская мудрость, с помощью которой каждый из нас нередко успокаивал себя и близких в тяжелые минуты, гласит, что на один и тот же факт, проблему, ситуацию можно смотреть с разной точки зрения, более позитивно или негативно, более взвешенно или эмоционально. Отсюда и различия в восприятии конкретных эпизодов, да и жизни в целом, и разнящиеся поведенческие решения. При переходе на более абстрактный социологический уровень, имея объектом анализа социальные группы, а не личности, можно наблюдать ту же закономерность, но обусловленную в большей степени особенностями группового, нежели индивидуального «бытия и сознания» (при определенной условности такого деления). В книге меня интересуют проявления данной закономерности, связанные с субъективностью, ситуативностью «проблематизации» русскоязычными своей жизни и ее «этнического маркирования», а в этой главе — то же в контексте отношений киргизов и «русских».

Выше говорилось о различиях в подходе «желающих уехать» и «остающихся» к основным житейским «беспокойствам». Еще один яркий пример — оценка частоты «конфликтов на национальной почве» (см. табл. 8). Временной горизонт события и понимание его сути респондентами остаются здесь за скобками; вопрос не был нацелен на выяснение этих позиций. Главное, что нечто, трактуемое ими как «конфликт...», происходило с «остающимися» в два раза реже, чем с «желающими уехать», хотя все находились в одной и той же городской коммуникационной среде: пользовались одним и тем же транспортом, магазинами, учреждениями; жили хоть и разных районах, но принципиально друг от

Таблица 8

**Распределение ответов на вопрос:
«Сталкивались ли Вы с конфликтами на национальной почве?»
(по опросу 1998 г.; %)**

	В целом по массиву (N=309)	Желающие остаться (N=175)	Желающие уехать (N=102)
Лично попадал(а)			
ДА	24,9	17,2	35,3
НЕТ	75,1	82,8	64,7
Видел(а), наблюдал(а) сам(а)			
ДА	65,7	58,9	75,5
НЕТ	34,3	41,1	24,5
Слышал(а) от других			
ДА	79,2	77,2	80,0
НЕТ	20,8	22,8	24,5

друга не отличающихся (ни по комфортности жилья, ни по этнокультурному составу окружения). Просто один человек ссоры с соседкой-киргизкой из-за мусорного ведра или приставание на улице пьяного киргиза помнит долго и интерпретирует как «этнический конфликт», а другой, будучи отнюдь не обойден такого рода неприятностями, относит их к разряду жизненной рутины, не заслуживающей упоминания.

Но оценки меняются по мере дистанцирования от пережитого респондентами лично. Дело не только в том, что при включении в круг зрения опыта других людей частота фиксации того или иного события, из разряда обычных, житейских, неизбежно возрастает. Обращает на себя внимание и другое. При интерпретации **увиденного** различия групп все же заметны, поскольку респонденты опираются на свои наблюдения, хотя и дополняемые, например, общей атмосферой происходившего и комментариями других свидетелей, а значит, и влиянием публичного дискурса. А реакция двух групп на вопрос об **услышанном**, причем и рассказчики не обязательно сами исходили из личного опыта, уже практически одинакова, подсказанная циркулируемыми в обществе стереотипами, слухами; политизированной позицией различных СМИ и т. п.

Представители двух групп русскоязычных по-разному оценивали и степень «проблемности» своей жизни, обусловленную национальной принадлежностью (см. табл. 9), причем второй опрос зафиксировал существенное нарастание разрыва между группами, при сохранении практически на прежнем уровне доли «ущемленных» по массивам в целом. Подобное избирательное реагирование на условия жизни в постсоветской Киргизии во многом (хотя и не только) объясняется успешностью экономической адаптации (подр. см. разд. II). Вот почему скорее всего мы имеем дело с реакцией «желающих уехать» на российский августовский кризис — как и в случае, например, с ростом симпатий к советской идентичности, я бы назвала это «тоскливой» реакцией, обусловленной усилившимся ощущением нестабильности.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Ощущали (ощущаете) ли Вы или Ваша семья какое-либо ущемление по национальному признаку?»
(по опросам 1996, 1998 гг.; %)

Варианты ответа	1996 г.			1998 г.		
	В целом (N=304)	Остаться (N=129)	Уехать (N=157)	В целом (N=324)	Остаться (N=187)	Уехать (N=104)
ДА	25,0	20,2	29,3	27,2	16,6	47,1
НЕТ	75,0	79,8	70,7	72,8	83,4	52,9

Тексты интервью еще более красноречивы и информативны, чем цифры, давая возможность, через особенности самовыражения респондентов и знание биографических деталей, лучше понять глубинные причины тех или иных оценок, восприятий и моделей поведения. Мне попадалось много людей, в весьма яркой форме воплощавших неоднородность русскоязычного сообщества. В целях экономии места ограничусь рассказом о двух парах. Первая из них — две жительницы Бишкека, которых я интервьюировала в качестве уехавших в Россию, а потом вернувшихся (в главе о возвратной миграции они выступают под именами Марина и Алла). Обе примерно одного возраста, с высшим образованием, уроженки Центральной Азии. В приведенных ниже отрывках, где обсуждается обстановка в городе до отъезда и после возвращения, интерес представляют не факты, а стилистика речи, выражающая настроение говорящих, причем не сиюминутное, а устойчивый тонус восприятия происходившего вокруг них и в их собственной жизни в постсоветские годы (причем в этом отношении отрывки являются органичной частью беседы).

Марина. Замужняя женщина, мать двух детей школьного возраста; уехала в основном в надежде решить в России квартирный вопрос. Человек чрезвычайно общительный; «многие десятки» ее друзей и хороших знакомых в Бишкеке представляли, по ее словам, «интернационал». Обладает ярко выраженной локальной (киргизстанской) идентичностью; в России постоянно испытывала сильную ностальгию, что и стало одной из главных причин возвращения. Она не только профессионально состоялась, но по приезде в Бишкек нашла возможность зарабатывать любимым делом, а ее муж получил, пользуясь дружески-деловыми связями, неплохо оплачиваемую работу в частной фирме. Ее высказывания отличаются спокойной взвешенностью, стремлением оценить все «за» и «против», найти позитивное зерно и оправдание/объяснение негативу:

«Н. Если вернуться к Киргизии, у Вас каких-то новых впечатлений нет, вроде долго не были... Отношения между людьми...»

М. Это как-то утихло, мы стали братьями, сестрами на всех базарах, на всех углах. Такое очень спокойное, очень доброжелательное отношение; я, во всяком случае, не вижу сейчас, чтобы настолько часто происходили скандалы... очень спокойно... И эже [кирг. — старшая сестра; уважительное обращение к старшей женщине. — Н. К.], и <не разб.> очень уважительное отношение...

Н. А в 1993 г. у вас лично были какие-то проблемы или это просто общее ощущение?

М. Во-первых, наверное, было давление общее, была такая обстановка, атмосфера немножко гнетущая; ко всему прочему часто начали встречаться такие случаи, например, какой-нибудь подвыпивший национальный

кадр пройдет по улице и начинает ни с того, ни с сего просто оскорблять; я сама была свидетелем этому, когда просто мужчине дали палкой по голове. Были такие случаи... Сейчас я считаю, сейчас уже анализируя, может быть, это были какие-то единичные случаи, хотя кто его знает?

Н. *А у Вас самой такого не было? Конфликтных ситуаций?*

М. *Конфликтные ситуации были только раза два, вечером поздно, когда мы возвращались домой, напали один раз на пьяную компанию киргизскую...*

Н. *Это было еще тогда?*

М. *Это было еще в 1992 году. У нас очень много друзей киргизов, семьи замечательные, обрусевшие совершенно; они разговаривают по-киргизски, они общаются, но с нами они разговаривают только по-русски, геологи; подруга у меня — она ВГИК заканчивала... ну как это, в семье не без урода, у русских тоже много таких...*

Н. *То есть тогда вы напоролись на пьяную компанию, были какие-то высказывания?*

М. *Я думаю, это не массовое было явление; я не знаю, кому это было выгодно; может, каким-то вышестоящим властям.... как раз формировалась республика, было много кича вот этого <неразб.> вот какие мы, национальность, пошел киргизский язык...*

Алла. Разведена, имеет сына-подростка; уехала в Россию, будучи недовольна как политикой властей, так и своим начальником. Из-за полного отсутствия перспектив получить обещанное жилье, с неохотой приехала обратно, предприняв до этого еще несколько поездок в другие части России в надежде устроиться. Единственная из группы «возвращенцев» сказала, что хотела бы еще раз повторить попытку. В Бишкеке, не имея возможности вернуться на прежнюю хорошую должность, испытывала материальные трудности, усугублявшиеся статусом кормильца семьи. Какое-то время «челночила», потом нашла работу по специальности, но в бюджетном секторе. Общительна, но круг знакомств ограничивается в основном русскоязычными. Оценки отличаются повышенной эмоциональностью, временами взвинченностью; позитивные сдвиги не радуют, а «настораживают», воспринимаются как «затишье перед бурей», что во многом объяснялось шаткостью экономического положения семьи:

«Н. *И совсем последний вопрос. Межнациональная ситуация, как Вы ее оцениваете, какие подвижки?*

А. *Вы знаете, у нас какое-то идет последние несколько лет, года два, наверное, вот затишье; оно нас и радует немножко, и немножко настораживает. Межнациональная вот эта рознь, вот с этим языком, когда давили вот эту независимость, отделение, тут был бунт прямо везде, и в транспорте, и на улицах, и по соседству, и на работе — мы выслуши-*

вали страшные вещи, честно говоря. Русские научили пить, и курить, и развращать, если бы не русские, мы бы достигли таких больших вершин, мы бы так... экономический пошел бы взлет... Это было, а два года тишина вообще, затишье... но криминогенность очень сильно возросла, криминогенная обстановка стала ужасная, потому что очень большой процент сейчас съезжают с областей, с колхозов. Это те люди, у которых действительно очень низкая культура, и они попадают в город, в цивилизацию. Идут грабежи, убийства, кражи...

Н. То есть затишье на бытовом уровне? И Вы не знаете, как будет дальше?

А. Нет, абсолютно непредсказуемо; я не хочу сказать только о киргизах, мы, наверное, сейчас все непредсказуемые, стоит поднести спичку, так сказать, мы все взрываемся, потому что это что-то ужасное... Мы недавно скандальным способом добились выплаты зарплаты, и опять два месяца задержка, это какая-то катастрофа просто...».

Вторая пара из «русского» села Григорьевка. Этот пример еще более показателен с точки зрения субъективности в восприятии русскоязычными проблем окружающей жизни и придания им этнической окрашенности. Обе женщины, что отличает их от жительниц большого города, оценивали происходящее буквально у них под носом, в одной и той же весьма компактной социокультурной среде и в один и тот же момент времени, проживая на соседних улицах и беседуя со мной с интервалом в один день. Важен и период — осень 1994 г. (с Мариной и Аллой я встречалась в конце 1990-х гг., когда ситуация в стране в значительной мере нормализовалась, а к многому люди уже успели привыкнуть, притерпеться). Из биографических деталей стоит отметить следующее: обе респондентки (назовем их Зинаидой Петровной и Ириной) были замужем, у каждой по двое детей; работали учительницами, только в разных школах; первая тут же, в Григорьевке, а вторая — в соседнем киргизском селе Темир. В ходе интервью обсуждались многие сюжеты. Я приведу несколько довольно пространных выдержек, касающихся настроения моих собеседниц, оценок ситуации в селе, видения будущего — в первом случае их лейтмотивом было «все ужасно»; во втором — «все нормально, нет проблем», несмотря на мое настойчивое желание взять Ирину, фигурально выражаясь, за плечи и развернуть лицом к этим самым проблемам.

Слово Зинаиде Петровне:

«Н. Как Вы считаете, с прошлого года в селе хуже стало или лучше?

З. П. Конечно, хуже [тяжелый вздох].

Н. А в чем это проявляется?

З. П. Ну, не знаю... в чем? [задумчиво]. Потому что очень много безработных везде, очень много..., у них большинство не работают. Вот

именно эти низы. Вы пройдите по селу, видите, сколько молодежи, и все... это... пьяные. И это изо дня в день, изо дня в день... ну неужели меры власти не видят? Вот у меня, я говорю, был оптимизм, но в этом году я почему-то... у меня такое настроение, я только реву и реву...

Н. Значит, Вы считаете, что отношения хуже стали за этот год?

З. П. Да, на очень много, на очень много...

... [слышится лай собаки, шум запирающихся замков; муж чем-то возмущается; его реплика недовольным голосом: "Ты там лишнего не болтай!"]].

Н. А какие-то конфликты бывают у Вас лично, с чем-то Вы сталкиваетесь?

З. П. Ну, меня не задевают, а вообще оскорбляют, и на базаре, и могут по дороге оскорбить. Идешь, вот понимаешь... Вот сейчас иду, стоит мужчина, взрослый, лет под сорок; прохожу я, женщина... И вот, раньше они себе это не позволяли... жаргонные слова... я прохожу, за мной на русском языке... ну неужели нельзя прекратить?

Н. Ругательства?

З. П. Да. Значит, они меня за женщину не считают, не считают, вот так матерятся... Постоянно же идешь и боишься. Стоит толпа; как они поведут себя? Вот у меня, я иду с работы, стоит толпа пьяных, я стараюсь перейти на другую дорогу, на другую сторону и обойти, я мимо не иду.

...

Н. Вы считаете, процесс эмиграции за то время, что нас тут не было... [первое знакомство с обеими женщинами произошло в мае 1993 г. — Н. К.]

З. П. Убыстрлся, убыстрился...

Н. А какой Ваш прогноз?

З. П. Ну, наверное, у кого есть возможность, все уедут.

...

Н. А что Вы сами думаете насчет переезда?

З. П. Если бы была возможность, мы бы в Москву не поехали, мы бы в село поехали...

Н. А что же Вас удерживает? Материальные проблемы?

З. П. Конечно, только материальные. Уедем мы... но вот, девчонки, все мы потеряем. На что мы будем... У нас уже такой возраст... Здоровье-то потрачено было... Вот особенно страшно — это дети войны. После войны ведь все на наших плечах. Я вот вспоминаю. Мы ходили детьми, этот опий нарезали. Ведь все здоровье потрачено. Ведь знаете, как этот опий нужно было нарезать? Вот идешь, его вечером нарежешь, головки эти, а утром, дождь, не дождь, идешь его снимать. Все мои сверстники, они уже многие поумирали. Все болезни от простуды, потому что мы все детьми работали в колхозе. А теперь переехать без здоровья — да кому мы нужны? [всхлипывает]. Некоторые из наших пытались ехать, само-

стоятельно, так им заявляли — пенсионеров мы не берем, нам не нужны пенсионеры».

А вот выдержки из интервью с Ириной:

«Н. Что изменилось в Вашей жизни по сравнению с прошлым годом?

И. Да ничего, только труднее стало, в финансовом отношении. Зарплаты маленькие, денег не хватает.

Н. А обстановка в школе? Ведь старый директор ушел?

И. Такая же обстановка, только дисциплина стала получше... и работать интереснее стало...

Н. В каком смысле?

И. Завуч у нас новый, мужчина; на уроки ходит, мероприятия всякие проводит. Ответственность стали чувствовать за собой, что это работа, что надо работать. А тогда было: ушел, пришел...

Н. А как с языком? На педсоветах все по-киргизски?

И. Все что нам нужно, говорят на русском.

Н. А как Вы общаетесь в школе?

И. На русском.

Н. А какие-то проблемы в общении есть?

И. Нет, нет.

Н. А в селе как ситуация изменилась? За год, даже больше чем за год, мы же в мае были...

И. Да ничего не произошло, все то же самое. Напьются пьяные, покричат по улице, а так никто никого не трогает.

Н. А если мы будем ходить, например, в темноте?

И. А в темноте могут и русские [со смехом]. Даже большая гарантия, что вас русский где-то встретит в темноте... [смеется].

Н. Ну хорошо, это в селе... А в районе, если Вы куда-то ездите, какая ситуация?

И. [задумалась] Да не знаю, нигде никто... где мы ездим, нигде никто никого не трогает. Мы в такие ситуации никуда не попадали.

Н. Значит, Вы с конфликтами не сталкивались?

И. Нет, никаких конфликтов не было.

Н. Ира, может быть, Вы мне боитесь чего-нибудь сказать?

И. Да прямо [смеется]. Вот мы три месяца на работе не были, а потом пошли на работу опять пешком, и весь Кашат [самая близкая к Григорьевке часть села Темир. — Н. К.] нас приветствовал. Ну не трогают... там киргизские все... Дома, мы наверху живем, совершенно, одни киргизы, вообще... Реально-то мы живем здесь, а там свекровь находится, только ночью она там. Днем дом совершенно пустой, мебель у нас там, все там, вещи все, одни киргизы живут, и пока нас никто не трогал.

Н. И с соседями как?

И. *Нормально [сразу, решительно]. Вот мне что надо по-соседски — я пошла к киргизке, она ко мне пришла, детей ко мне забросила во двор, убежала там на несколько минут. Я куда-то пошла — посматривайте за домом, за всем... Что надо — они к нам приезжают. Не знаю, каких-то... Как и с русскими раньше жили, так и с киргизами.*

Н. *То есть Вы считаете, что в целом киргизы относятся к Вам, к семье нормально?*

И. *Нормально.*

Н. *А какое-то ущемление по национальному признаку Вы ощущаете?*

И. *[задумалась]. Да нет. Зарплату я такую же, как все получаю; торговать — торгуй, пожалуйста, как и киргизам...*

Н. *И Вы торгуете? Иначе ведь не проживешь?*

И. *Да, будем ездить торговать. С яблоками, с малиной.*

Н. *Но это далеко, не на местном рынке?*

И. *Да, в Бишкеке. Ездим, и никто нас не трогает, ничего.*

...

Н. *А Вы уезжать не собираетесь?*

И. *Ни при каких обстоятельствах.*

Н. *А что должно случиться...*

И. *Только, наверное, война...*

Н. *Как в Таджикистане?*

И. *Да.*

...

Н. *Ира, а как Вы считаете, почему русские уезжают?*

И. *[задумалась]. Не знаю, почему они уезжают... И потом вот так жалеть... [в предыдущей части интервью рассказывала о своих уехавших знакомых, которым в России очень тяжело. — Н. К.]. И еще такого страха, чтобы отсюда ехать — ну нет... Вот только единственное — если как Таджикистан у нас будет...*

Н. *А какой у Вас прогноз? Будут уезжать русские?*

И. *Будут, но меньше.*

Н. *А уезжают более активно или менее? По сравнению с прежними годами?*

И. *Я считаю, что меньше».*

Приведенные тексты достаточно красноречивы, чтобы нуждаться в особых комментариях. Чем объясняется столько контрастное видение ситуации двумя жительницами одного села на одном и том же временном отрезке? В отличие от предыдущего случая, влияние экономического фактора здесь почти не просматривается; в тот период люди еще жили «советским» наследством, не успев чего-то существенного достичь в новых видах деятельности, и стартовые позиции были у обеих почти одинаковые, как у многих других «русских» Прииссыкуля:

добротные дома, хорошие сады, машины; опыт торговли фруктами и ягодами. Аналогично и с фактором «укорененности»: обе женщины далеко не в первом поколении «киргизстанки», обе никогда не были в России, потому и не смогли ответить на мой вопрос об отличиях местных русских от «среднеазиатских» (правда, Зинаида Петровна имела близких родственников в Москве, переселенцев позднесоветского времени, но понимала, как видно из интервью, что шансов устроиться в столице у нее нет). Обе, через друзей и знакомых, были прекрасно информированы об огромных трудностях адаптации жителей бывших республик в России — и экономических, и психологических. Но для Зинаиды Петровны эта информация стала дополнительным стрессовым моментом, усугубляя ее страх и недовольство происходящим — надежды вырваться становились все призрачнее. Ирина, напротив, воспринимала рассказы о жизни в России совершенно спокойно, видя в них еще одно обоснование своей позиции «уеду только под пистолетом».

На мой взгляд, в данной ситуации расхождение позиций и восприятия жизни в целом обусловлено двумя моментами. Во-первых, личным — возрастом и состоянием здоровья. Ирине не было в тот период и 40 лет, она выглядела полной сил, энергичной женщиной. Зинаиде Петровне оставалось несколько месяцев до пенсии, за год до интервью она перенесла тяжелую операцию и вообще, видимо, не отличалась хорошим здоровьем, если вспомнить последнее из приведенных выше ее высказываний. «Нервное», тревожное и непредсказуемое время наверняка усилило свойственный пожилым, нездоровым людям страх перед будущим. Но важнее другое: дистанцированность от киргизов одной женщины, хоть не нарочитая, не демонстрируемая вербально, но ясно читающаяся в строках и между строк интервью, и активная включенность в контакты разного рода — другой, что было видно из ее живых, непосредственных ремарок и замечаний. Откликаясь, например, на мою просьбу сравнить известных ей русских и киргизов по человеческим качествам, она, в частности, ответила:

«И. ...Ну, я бы то же сказала про киргизов, что большей частью они добрые. А так одинаковые. Добрые такие же, и ласковые, и уживчивые... не знаю, для меня они уже... не знаю, как сказать... я с ними сжилась».

Ирина работала в киргизской школе; жила в том конце Григорьевки, где обычно селились киргизы; ближайшая соседка — киргизка... Даже если все это — просто стечение обстоятельств, они поспособствовали формированию определенного образа мыслей, настроения, восприятия жизни и тех, кто находится рядом. Прослеживается явная аналогия с позицией бишкекчанки Марины. Видимо, не случайно при самой первой встрече в 1993 г. Ирина запомнилась мне такой брошен-

ной ею фразой, которой она объяснила нежелание уезжать в Россию: «Идешь по улице — все внутри трепещет!»

Логическим (и почти анекдотичным по своей выразительности) завершением моего сравнительного анализа послужит рассказ об одном криминальном эпизоде, который был во время визита в Григорьевку у всех на устах. Несколькими днями ранее одного жителя села, русского, ограбили: взяли, скорее всего, действуя по наводке, очень большую по местным меркам сумму денег, полученную за удачно проданный дом, а хозяина избили. Преступники были в масках, дело происходило ночью, так что их этническая принадлежность осталась неизвестной. Так рассказал мне директор местной школы Малик Кадракунов, пояснив при этом, что идет следствие, одного из подозреваемых задержали где-то в области, но кто он — не сообщалось. Зинаида Петровна несколько раз упомянула данный эпизод, не сомневаясь, что преступники — киргизы; рассказала в этой связи, что «прошлым летом у меня обворовали дочь, в Бишкеке, и случайно она на остановке увидела на киргизе свитер с мужа», и т. п. А Ирина затронула эту тему лишь один раз, причем неожиданным для меня образом. Сказав, что она с киргизами «сжилась» (см. выше), женщина отметила, что отношение ее мужа к ним совершенно другое, «как он их называет — пауки... потому что он с ними не прикасается... дел с ними... ну, не контактит». И продолжила:

«И. А своих уже детей я ругаю, чтобы я никогда не слышала, что это вот киргиз, что его нужно побить или еще что-то. Я запрещаю эти дразги, все время говорю, чтобы они дружили и вместе играли... А вот такого различия, нет, мы сами во многом тут виноваты... что мы боимся киргиз, и киргизы боятся нас. Боятся, почему бы им нас не бояться? Ведь какие дразги в деревне происходят, это все делают же русские.

Н. Вы считаете, они инициаторы?

И. Инициаторы только русские. Магазин обобрали русские. Встретили кого-то русские.

Н. По пьянке?

И. И по пьянке, и не по пьянке. Вот даже далеко ходить не надо. Когда это, наверное, в январе, муж туда домой, наверх возвращался. Встретили двое парней, русских, с пистолетом, потребовали у него денег. Денег у него не было. Они подставили ему вот так пистолет. Ну лет по 16–17 мальчишкам. Вот так рукой он рванул, взрыв произошел, в общем, палец ему подстрелили вот так, вот сюда пуля вошла, сюда вышла. Русские... За деньгами в дом залезли русские...

Н. Это то, что недавно было? О чем все говорят?

И. Да, да, это русские, конечно, это русские. Вот у меня дядьку убили. Тоже один киргиз был, остальные все русские были. Стрелял русский в него... Тут еще неизвестно, кому кого надо бояться...».

Возможно, в педалировании сельской преступности именно как «русской» мнение моей собеседницы не является вполне сбалансированным, поскольку она соприкоснулась с достаточно серьезными криминальными эпизодами, прямо затронувшими ее близких (хотя ею упоминались и другие случаи более «дальнего плана»). При отстраненном же исследовательском взгляде такое мнение говорит о необходимости с поправками относиться к стереотипному сопряжению преступности исключительно с киргизами, особенно в период всплеска бытового национализма, когда их «активность» (со знаком минус) в межличностных отношениях особо тщательно фиксировалась и отслеживалась русскоязычными.

Вместо заключения: о новых линиях размежевания и «факторе Акаева»

В конце главы хочу остановиться на сюжетах, с ней непосредственно связанных, но тематически выходящих за ее пределы и исключительно важных для понимания всей ситуации вокруг русскоязычных в постсоветской Киргизии, как в ретроспективе, так и в перспективе. Первый из них — неадекватность и чрезмерная упрощенность трактовки изучаемого общества лишь как поляризованного по линии: титульная группа — «дети империи». Мы уже видели на примере динамики межличностных отношений, на какой основе зарождалось и как проявляло себя размежевание по социокультурным (образовательно-статусным) признакам. Со временем все заметнее становились и процессы, свойственные тем постсоветским странам (сюда входит и Россия), где рыночные реформы сопровождались обюрокчиванием элит, взлетом коррупции и, по сути, отмиранием защитных функций государства. Колоссальный рост социально-экономического расслоения при бездействии властей способствовал сближению рядовых граждан разных национальностей на почве социального недовольства, выражаемого, естественно, в различных формах — от организованных акций протеста, других форм политической деятельности и пр. для активного меньшинства до сопереживания друг другу и «совместного качания головами» для всех остальных:

«И. Что тут говорить? Из ничего что-то нужно сделать, постоянно надо думать, чем жить и как жить. Вот иногда ночью проснешься, у меня, знаете, волос дыбом поднимается...»

Н. Это бытовые, материальные трудности?

И. Да, чисто такие. Вот и встретимся мы хоть и с киргизами и, боже мой, как же жить, как же жить, и когда лучше будет, да что, да что, да что... Вот хлеб... еще на двенадцатое, по-моему, обещали

повысить цены, до двух сомов; в связи с референдумом это отменили. Новые выборы, значит, через неделю жди такое повышение. Это, знаете, проблема всех, и киргиз, и русских. И киргизы, и русские, соберемся, головами покачаем, и все...».

Этимися словами закончила нашу беседу учительница из Григорьевки Ирина (осень 1994 г.). Как видно и из приведенных в начале этой главы высказываний других русскоязычных, многие из них даже в самое напряженное с точки зрения бытового национализма время четко отделяли «простых киргизов», сочувствуя им, от «начальства» и «политиков».

Возникновение новых водоразделов в обществе не обошли своим вниманием и эксперты. Как отметил, например, А. Брудный (7.10.96), «к вопросу о влиянии общего обнищания масс на рост националистических настроений можно добавить, что уже для всех очевидно, что это обнищание происходит не из-за русских и даже не из-за узбеков или уйгуров. И не из-за России».

З. Сыдыкова при обсуждении в интервью позитивных сдвигов в отношениях между «русскими» и киргизами, причин ухода этой тематики из прессы особый упор сделала на экономике и критике властей (18.10.96):

«З. С. Безусловно, это просто общее социально-экономическое ухудшение жизни, которое уже не разделяет людей по национальным признакам или каким-то другим. Всем плохо сегодня, и на этой почве идут вообще процессы такие, интеграции, так скажем, самых полярных по политическим взглядам партий, по национальным признакам людей... Знаете, я Вам скажу, если тогда, на волне, значит, обретения независимости, вообще еще чего-то, там всякая эйфория... люди искали виноватых, считалось, что киргизам хуже, чем русским, потому что они там работают в промышленном секторе, получают стабильную зарплату, имеют квартиры и т. д., а киргизы там сельское население, вот они в горах там мучались, приехали сюда, здесь стали толкать там на бытовой почве, на разных моментах они тут, значит, сталкивались, и винули упорно русских и русскоязычное население, а русскоязычное, значит, винуло киргизов, что они там приехали, неизвестно, с гор, сломали всю существующую систему... Вот... появились на этой волне политические партии, движения, которые обозначили проблему защиты — чего? Проблеме защиты интересов национальных. Политический какой-то сохранился интерес к этому...

Н. К. Накал...

З. С. Да... А сейчас — кого винить? Кого винить? Они на этом толчке стоят, или где они там еще чего-то делают, и уже они друг друга не винят, потому что они понимают, что они в одинаковых условиях оказались.

Н. К. *Вы имеете в виду, что люди на бытовом уровне разных национальностей?*

З. С. *Да, да, абсолютно. Я сомневаюсь, что там они сейчас могут поругаться из-за места там на рынке, абсолютно... потому что они понимают, что, оказывается, проблемы их, они заключаются не в противоречиях между киргизами и русскими, а в том, что правительство не создает условия для нормальной жизни.*

Н. К. *А в какой степени население это понимает, как Вы считаете?*

З. С. *Я абсолютно считаю, что уже всё, уже понимает.*

Н. К. *Население любого образовательного уровня, любого возраста?*

З. С. *Да, да...».*

И далее эксперт продолжила свою мысль, апеллируя к состоявшемуся незадолго до нашей беседы митингу пенсионеров у местного «Белого дома» — здания, где работают президент и другие органы власти:

«З. С. *Вот митинг, он продемонстрировал что? Тут как раз очень интересный момент ситуации, что на митинг вышли русские...*

Н. К. *Киргизы тоже были?*

З. С. *Мало, мало все равно...*

Н. К. *Процентов 30, наверное...*

З. С. *Где-то так... По идее почему русские вышли, потому что... кажется, русские ведь не выходили, киргизы все время выходили, но они уже не хотят, поняли, что бесполезно, а теперь вышли русские, то есть те, кто поддерживал президента, до последнего момента... на президентских выборах они шли к урнам и говорили, что они голосуют за Акаева, вот они чувствуют себя в этой стране свободно...*

Н. К. *Защищенно...*

З. С. *Защищенно, да... Но когда они поняли, что они не защищены экономически, все эти обещания, которые были, они... их нет, они не выполнены, они поняли, в чем человек в первую очередь должен быть защищен. Он должен быть защищен экономически. Все остальное, это знаете, это игры политиков, которые манипулируют просто, и все...*

Н. К. *Понятно. Давайте уточним позицию. Вы считаете, что сейчас русскоязычное население озабочено в первую очередь экономической ситуацией, как и население других национальностей? То есть улучшение межнациональной ситуации вызвано замещением этих болевых точек... одна заместилась другой, да?*

З. С. *Да, думаю, да».*

Наша интерпретация развития событий вокруг «русских» в первое постсоветское десятилетие, основанная на анализе разнообразного «низового» эмпирического материала, коренным образом отличается, например, от взгляда исследователя весьма вдумчивого, но не имею-

шего для своих обобщений необходимой временной дистанции. Вот как оценивал ситуацию П. Колсто (и в чем-то даже прогнозировал ее) в начале 1990-х гг.: «Свобода слова в плюралистичном киргизстанском обществе, благодаря которой у всех групп появилась возможность открыто высказывать свои мнения, не привела к продуктивному (*genuine*) диалогу между людьми разных национальностей. Скорее создается впечатление, что взаимное недоверие усилилось из-за предоставления трибуны экстремистам. Растущая поляризация политической жизни страны по этническому признаку видится результатом разворачивающегося на наших глазах двустороннего процесса демократизации и “национального возрождения”, и этот сценарий может оказаться весьма пагубным для русских и других меньшинств. Отсюда, кстати, проистекает одна из причин, по которой так много русских в Узбекистане, Туркмении и других постсоветских азиатских странах особо не жалеют об отсутствии демократии. Они опасаются не только таджикистанского, но и киргизстанского варианта развития событий. Им нечего ждать от демократии в стиле “каждый сам за себя” (*each-man-for-himself democracy*) в этнически поляризованном обществе»⁶⁰.

Этот взгляд из 1993 г., весьма пессимистический, если не сказать панический, можно понять — автор проводил свои исследования в стране, находящейся, пожалуй, на пике социально-политической турбулентности (напомню, именно в тот год миграция русскоязычного населения достигла наивысшей активности). Однако «чёрт разгулявшейся демократии» оказался не таким страшным, а в итоге — даже неплохим парнем. Полемика в прессе на «этнические темы» сделала свое дело и прояснила позиций сторон, что обычно более результативно, нежели замалчивание проблемы, и со временем, с затуханием остроты сюжета, сошла на нет (кстати, медийная активность экстремистских групп, на мой взгляд, преувеличена П. Колсто, да и выступали они в основном в киргизоязычных изданиях и потому не могли сильно нервировать русскоязычных). Политический либерализм и плюрализм потянули за собой либерализацию в экономике; открытость страны для внешних, в основном западных, влияний и вливаний, оживление гражданской активности открыли дорогу процессам, работающим на **усложнение форм этносоциального взаимодействия и размежевания**. На низовом, «человеческом» уровне это выразилось в «сближении сторон» и улучшении социально-психологического климата на территориях расселения русскоязычных. Модель «этнически поляризованного общества» утратила свою актуальность⁶¹.

Однако схожую логику рассуждений труднее оправдать, когда ситуация оценивается не лицом к лицу, а на значительном расстоянии, смысловом и событийном. Так, С. Савоскул, проводя уже в начале нового века сравнение режимов трех центральноазиатских стран в кон-

тексте положения русскоязычных, как мне кажется, совершенно неоправданно делает основной акцент на пресловутом «попустительстве» киргизстанских властей. Он, в частности, пишет следующее: «В Киргизии режим, несколько отошедший от традиционного в регионе авторитаризма [на мой взгляд, «отошедший» весьма существенно. — Н. К.], не смог справиться с киргизским радикально-националистическим движением. В результате антирусские настроения на время возобладали, а миграция русских стала нарастать. Но и во внешне более стабильных Узбекистане и Казахстане продолжающийся... экономический кризис, крепнущий этнократизм,... понижение социального статуса русских и других русскоязычных, отсутствие социальных перспектив..., беззащитность и страх перед возможными конфликтами вскоре вызвали нарастание миграции нетитульного населения»⁶².

Тут были бы уместны те же возражения с моей стороны (в частности, о полезности выпуска «социального пара»), которые только что приводились в полемике с П. Колсто. Отмечу также, не вдаваясь в подробный сравнительный анализ положения русскоязычных в трех означенных странах, что нарисованная российским ученым картина не вполне адекватна. Так, например, миграционная волна поднималась в них почти синхронно, но именно в Киргизии быстро отступила (подр. см. главу 1 наст. раздела, с. 60, 62); обострение же отношений между «детьми империи» и титульными группами на бытовом уровне («антирусские настроения»), невзирая на различия в политике верхов, сопровождало вступление в эру независимости практически всех бывших союзных республик, а затем, при всех местных особенностях, пошло на спад⁶³. Значит, вступили в силу определенные механизмы стабилизации и адаптации на микроуровне, проявившие себя, в том числе, **в формировании новых типов социального размежевания и, соответственно, новых лояльностей и коалиций.**

И тут мы подходим к тому главному, что побудило меня поместить под огонь критики только что приведенные высказывания П. Колсто и С. Савоскула. В них решающая объяснительная нагрузка падает на «режим» и основное лицо, его персонифицировавшее в Киргизии на протяжении почти всего постсоветского периода — президента А. Акаева. Причем, повторяюсь, позиция К. Колсто вполне оправдана его взглядом «включенного наблюдателя», а С. Савоскул в данном случае воспроизводит подход, весьма распространенный в российском миграционистском дискурсе и связывающий присутствие (все еще!!!) русскоязычных в Киргизии лишь (или преимущественно) с «фактором Акаева»⁶⁴.

Положительное отношение к нему русскоязычных жителей Киргизии известно и вполне объяснимо⁶⁵. Но все же никак не могу согла-

ситься с радикальной позицией, озвученной, например, российским политологом Аждаром Куртовым на одном из семинаров в Московском Центре Карнеги, посвященном постсоветским «русским диаспорам» (1997 г.): «...тут назывался Казахстан, называлась Киргизия, другие страны. Валерий Александрович [имеется в виду В. А. Тишков — *Н. К.*] назвал цифру 60% русских, которые связывают свою идентичность с Киргизией. Но ведь это **только потому** [выделено мной. — *Н. К.*], что сейчас у власти стоит президент Акаев. А у Киргизии ведь масса собственных проблем, в частности, с сепаратизмом. На прошлой неделе мне приходилось говорить с одним из представителей киргизской политической элиты. Они очень озабочены возможностью того, что в будущем конфликт этот не удастся загасить. И что тогда? Я полагаю, что названный... процент тех, кто сейчас еще, при благожелательной политике президента Киргизии, связывает свое будущее с этой страной, резко уменьшится»⁶⁶.

Тут просматривается все то же подспудное восприятие «русских» как совершенно чуждых элементов тех обществ, в которых они живут (тем более в Азии!): раз они где-то неплохо себя чувствуют, то это какая-то природная аномалия, которую можно объяснить лишь верхушечными и преходящими обстоятельствами, но не объективными процессами, протекающими внутри этих обществ, в том числе и в среде самих русскоязычных⁶⁷. Характерный штрих: оппонент А. Куртова в только что процитированном абзаце ведет речь об **идентичности**, т. е. феномене весьма инерционном и имеющем достаточно глубокие основания в человеческом сознании. Уже приведенные и следующие далее в книге материалы о состоянии идентичности русскоязычных Киргизии (представления о родине, чувство общности со «среднеазиатскими русскими» и пр.) не имеют прямой и столь жестко выведенной связи с лицом, находящимся у власти. А. Куртов же толкует о сепаратизме и иных социально-политических потрясениях, внешних по отношению к проблеме «русские — киргизы». Подобные события действительно могут спровоцировать отток населения, и не только русскоязычного, но на идентичность таких мигрантов, как мы увидим ниже (в частности, в заключительном разделе), это обычно влияет слабо.

Перенос центра тяжести на «фактор верхов» неизбежен при отягощении анализа политико-идеологическим интересом, при этом неважно, оценивается ли роль властных структур со знаком плюс или минус. Если в России А. Куртов и другие рассуждают по принципу: «если русские живут в Киргизии нормально, то это только благодаря Акаеву», то по мнению З. Сыдыковой, убежденной и страстной противницы первого президента, приравнявшей свое перо к штыку на страницах самой оппозиционной из оппозиционных газет, в стране

вообще нормальной жизни нет и быть не может, а значит, и для русскоязычных тоже:

«З. С. Сейчас, если послушать президента, если, допустим, Вы его спросите, он скажет, вот, у нас приостановлено, спад, у нас люди перестали выезжать...»

Н. К. По статистике да...

З. С. Потому что сейчас где-то что-то замечательно они двигают, там вот у них инфляция уже уменьшается, уровень жизни повышается, но это все вот просто лапша на уши, а на самом деле не уезжают не потому, что тут вот что-то стабилизировалось, здесь просто остались люди, которые пока не уезжают или уже не уезжают, не могут просто уехать...

Н. К. То есть отсутствие этого в прессе и частые мнения экспертов о том, что ситуация улучшилась, Вы считаете, что это... особенно если взять тех людей, которые сидят там, в Белом доме, то это “лапша на уши”?

З. С. Да, да...

Н. К. Вы считаете, что улучшения нет?

З. С. Да...».

Из-за сугубо «верхушечного» подхода мнение главного редактора о положении русскоязычных жителей республики, об их настроениях и миграционных планах диссонирует и с позицией других экспертов, и с собранным мной эмпирическим материалом (хотя она и делает основной акцент на экономических трудностях как наиболее острых и объединяющих «русских» с киргизами). И ею, и А. Куртовым не учитывается тот момент, что при общей расхлябанности политико-правового механизма и наличии хоть каких-то противовесов президентской власти — ведь не с абсолютными монархиями мы имеем дело, — «хороший» закон, принятый «хорошим» президентом, может бойкотироваться чиновниками на местах, а при принятии «плохого» закона, напротив, люди стремятся задействовать все возможности «договориться» с теми же чиновниками. Кроме того, приведенная позиция пронизана этатизмом советского образца, видящего человека полностью зависимым от государственной машины и ее «водителя» — очередного всевластного генсека. Мы же имеем дело с переходными постсоветскими обществами, в которых, при всей специфике каждого из них, резко возросла значимость индивидуальных усилий, членства в малых группах и включенности в неформальные сети всех уровней. Проблема «фактора Акаева» хотя и гораздо шире темы данной главы, я сочла необходимым затронуть ее именно здесь — на материале, весьма выпукло демонстрирующем **значимость «низовых» процессов в развитии ситуации вокруг русскоязычных.**

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Независимая газета. М., 2002, 22 мая. С. 6.
- ² Впрочем, одна из экспертов, Татьяна Полоскова, которая в последние годы часто выступает по проблемам «соотечественников» со взвешенными и реалистичными оценками, по ряду позиций высказала «особое мнение».
- ³ *Витковская Г. С.* Вынужденная миграция в Россию: итоги десятилетия // Миграционная ситуация в странах СНГ. Под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 1999. С. 193.
- ⁴ Там же. С. 163.
- ⁵ Там же. С. 164.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 190.
- ⁸ Там же. С. 166.
- ⁹ *Савоскул С. С.* Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М., 2001. С. 397.
- ¹⁰ Там же. С. 398.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 399.
- ¹³ Там же. С. 382.
- ¹⁴ Там же. С. 383.
- ¹⁵ Этот показатель близок к зафиксированному С. Савоскулом в 1992 г. (для потенциальных мигрантов — горожан).
- ¹⁶ Славянские вести (газета). Бишкек, 1992. № 6. С. 2.
- ¹⁷ Численность и миграция населения Российской Федерации в 1997 г. (статистический бюллетень). М., 1998. С. 91.
- ¹⁸ Численность и миграция... в 2001 г. М., 2002. С. 104; Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., Центр демографии и экологии человека, 2002. С. 159.
- ¹⁹ *Faranda R., Nolle D. B.* Ethnic Social Distance in Kyrgyzstan: Evidence from a Nationwide Opinion Survey // Nationalities Papers. L., 2003. Vol. 31. № 2. P. 179, 180.
- ²⁰ См., напр.: *Витковская Г. С.* Вынужденная миграция в Россию: итоги десятилетия... С. 163, 164.
- ²¹ Интервьюирование проводилось мной и орловским социологом Татьяной Шейкиной (106 человек).
- ²² Независимая газета. 2002, 22 мая. С. 6.
- ²³ В частности, такой вопрос задавался в 1992 г. в Киргизии (см.: *Савоскул С. С.* Русские нового зарубежья... С. 380).
- ²⁴ *Штейн Б.* Русскоязычные. Радиопрограмма «Первое перо». 1993.
- ²⁵ Приведу любопытное свидетельство очевидца, старожилы киргизского с. Корумду, врача Василия Рогова (25.09.94), где фиксируется, кроме всего прочего, и неоднозначная реакция на событие простых киргизов — соседей эксперта:
«В. Р. ...эта волна национализма, вот уже третий год, она уменьшается, уменьшается... вот возьмите — “Асаба” организует поход в честь, не в честь, а в память 1916 года, когда русские войска расправились с киргизами. Идут: русские, уезжайте, русские, уезжайте! Это идет колонна, там, может, 30 человек, растянули на километр, с громкоговорителями, им же разрешили официально.
Н. К. Это было когда?
В. Р. В позапрошлом году. Открыто агитировали: русские, уезжайте. Простой народ, вот я спрашиваю, как ты реагируешь, вот, прошли у нас, до Пржевальска [столица области. — Н. К.] ... ну, тут большинство по этой трассе и русские живут... один говорит: ну, правильно, что тут русским делать, мы сами все умеем; второй, сосед говорит: да, баламутят, баламутят, а что мы без русских сделаем? Русские во всем нам помогают... Вот так, мнения тоже разделены... Кто хоть чуть в политике разбирается, и в быту, анализ жизненных процессов делает, тот не поддерживает это... Но эта волна прошла

уже, прошла, много уже уехало русских, хороших, умных людей, они не прижились; остались, кто приспособился выжить».

²⁶ Цит. по: Славянские вести. 1992. № 4. С. 2.

²⁷ Res Publica (газета). Бишкек, 1993, 27 февраля. С. 1.

²⁸ Слово Кыргызстана (газета). Бишкек, 1993, 13 февраля. С. 6.

²⁹ Вечерний Бишкек (газета). Бишкек, 1992, 29 сентября.

³⁰ Андреев Н. Средняя Азия без Москвы // Славянские вести. 1992. № 13. С. 5.

³¹ Опрос проводился сотрудниками Института философии Национальной академии наук в Чуйской, Ошской и Джалал-Абадской областях. Подр. см.: Омуралиев Н. А., Элебаева А. Б. Современное состояние межнациональных отношений в Кыргызстане (опыт социологического анализа). Бишкек, 1993. С. 46.

³² Там же. С. 29.

³³ Там же. С. 31.

³⁴ Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics (with a contribution by A. Edemsky). L., Hurst & Company, 1995. P. 235. Правда, подбор выражений в процитированном отрывке (я специально привела в скобках английские оригиналы), на мой взгляд, по своей жесткости совершенно не адекватен реальному положению дел, а слова «зверства», «сализм» и им подобные вообще не входили в лексикон того разнообразного круга людей, с которыми я общалась (и уж тем более не использовались в прессе по отношению к описываемым событиям). Впрочем, не исключено, что таким образом давался выход авторской иронии...

³⁵ Так, например, в словаре русского языка дается следующая трактовка: «столкновение, серьезное разногласие, спор» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. 20-е изд. М., 1988. С. 237).

³⁶ Похожую закономерность подметил в 1993 г. П. Колсто (Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics... P. 235). «Выпали» из общей линии лишь мнения сотрудников Славянского Фонда. Так, по словам его секретаря Ларисы Деминой (27.09.94), «выезжающие из сел говорят, что бытовой национализм в Бишкеке менее ощущается, а в селах намного труднее». Как отметил председатель Фонда Валерий Вишневский (30.09.94), «если говорить о Бишкеке, то тут уровень бытового национализма пошел на убыль. В сельских населенных пунктах он остается на прежнем уровне. Многие, когда выезжают, приходят к нам, мы просим написать мотивы отъезда, и очень часто, особенно в сельской местности, говорится о том, что...». Но тут о ситуации в селах судили уже без пяти минут мигранты в Россию, к чьему мнению, на мой взгляд, следует относиться с определенными поправками (в частности, в Фонд они приходили за ходатайствами, которые, как они надеялись, могли облегчить получение статуса вынужденного переселенца).

³⁷ Цит. по: Андреев Н. Средняя Азия без Москвы...

³⁸ С начала 1960-х и до конца 1980-х гг. сельское население страны удвоилось (Anderson J. Kyrgyzstan. Central Asia's Island of Democracy? Harwood Academic Publishers, 1999. P. 67).

³⁹ Уместно вспомнить в этой связи, что лидерами «Ашара» стали люди (в частности, Жыпар Жекшеев), пытавшиеся задолго до рассматриваемых событий, в начале 1970-х гг., будучи студентами столичных вузов, создать неформальную молодежную организацию, которая вдохнула бы жизнь в умирающую киргизскую культуру. Об этой драматической истории совместной борьбы и предательства Ж. Жекшеев впоследствии рассказал в цикле статей «Правда и вымысел не только об «Ашаре», опубликованных в газете «Res Publica» в 1992 г. (№№ 18, 20, 22, 25, 26, 27).

⁴⁰ Интересный очерк истории «Ашара» в контексте национального возрождения в Киргизии на изломе советской эпохи, написанный «по горячим следам», т. е. на собранных в то время полевых материалах, представляет собой статья Ирины Костюковой «Сельско-городские мигранты в Бишкеке: социальные проблемы и участие в национально-политическом движении» (см.: Этносоциальные процессы в Кыргызстане. Под ред. Н. П. Космарской и С. А. Панарина. М., 1994).

- ⁴¹ *Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics...* P. 235.
- ⁴² *Костюкова И.* Сельско-городские мигранты в Бишкеке... С. 87, 88. По официальным данным, в столице в конце 1990-х гг. проживало около 600 тыс. человек, реально же, как минимум, — вдвое больше (городская газета «Пятница», 1998, 11 сентября).
- ⁴³ Этот вопрос кратко затрагивался в введении к книге (см. с. 30, 54); не имея возможности останавливаться на нем подробно, я опять отсылаю читателя к соответствующим страницам монографии П. Колсто (*Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics...* P. 91–104). Ссылаясь на мнение одного из западных исследователей, он пишет, что в 1970–1980-е гг. в республиках начался процесс, аналогичный западной деколонизации (см.: *Simon G. Nationalism and Policy Towards the Nationalities in the Soviet Union.* Boulder, CO, 1986/91. P. 5; цит по: *Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics...* P. 97).
- ⁴⁴ *Целуков А.* Кыргызстан: русские бегут // Известия. М., 1993, 12 декабря.
- ⁴⁵ *Омуралиев Н. А., Элебаева А. Б.* Современное состояние межнациональных отношений... С. 63.
- ⁴⁶ Там же. С. 64.
- ⁴⁷ Там же. С. 38.
- ⁴⁸ На мой взгляд, неадекватна оценка лишь в одном — в список занятых киргизами «теплых местечек» включены «бюджетные сферы». В последних, если исключить немногочисленные руководящие посты, да и то не во всех учреждениях культуры, образования, здравоохранения и пр., а лишь в крупных и значимых, ставки заработной платы столь невелики, что вряд ли могли кого-либо сильно привлечь и стать объектом конкуренции различных этносоциальных групп. Наоборот, как свидетельствует опыт моих респондентов, они с легкостью устраивались в Бишкеке на работу учителями, врачами, воспитателями детских садов, на стройку и пр., даже не имея прописки и гражданства Киргизии (в случае, например, вернувшихся из России переселенцев).
- ⁴⁹ Весьма убедительно это было показано Еленой Знобищевой на примере молодых русских и представителей титульных групп в Эстонии и Латвии. По результатам опроса (по репрезентативной выборке) возрастной когорты 1965–1968 годов рождения была подтверждена гипотеза о том, что «этническая предвзятость возрастает в конкурентных нишах, где идет непосредственная борьба за власть и ресурсы». Так, «эстонцы выглядят намного терпимее латышей. Кардинальное вытеснение русских с ведущих социально-экономических позиций в Эстонии делает “победителей”... снисходительными...». В Латвии, где исход борьбы в сфере бизнеса еще не решен, для молодых продвинутых латышей характерно «негативное отношение к русским как к сильным конкурентам»; для Эстонии же — «нейтральное отношение к русским как к более слабым конкурентам» (см.: *Знобищева Е.* Поколение «тридцатилетних» в странах Балтии — состязательная модель этнических отношений // Диаспоры. М., 2002. № 3. С. 96; 97–98).
- ⁵⁰ Отсталость идет от изолированности, или кому выгодно, чтобы киргизы и русские забыли многолетний опыт совместного проживания (интервью Э. Тарановой с С. Джигитовым) // Слово Кыргызстана. Приложение «В конце недели». Бишкек, 1993, 26 июня. С. 7.
- ⁵¹ *Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics...* P. 235.
- ⁵² Подр. см.: *Faranda R., Nolle D. B.* Ethnic Social Distance in Kyrgyzstan: Evidence from a Nationwide Opinion Survey... P. 181, 182.
- ⁵³ *Ibid.* P. 185.
- ⁵⁴ *Ibid.*
- ⁵⁵ *Ibid.* P. 196.
- ⁵⁶ А дистанция между ними может быть весьма значительной. Это наглядно видно по гораздо более социально «безопасному» контакту, чем брачные узы. Так, в американском опросе 88,5% русских были настроены на дружбу с киргизами, но, как видно из табл. 5, в наших опросах реально дружили с киргизами примерно вполуполовину меньше опрошенных (если судить по наиболее открытым к контактам «желающим остаться»).
- ⁵⁷ *Faranda R., Nolle D. B.* Ethnic Social Distance in Kyrgyzstan: Evidence from a Nationwide Opinion Survey... P. 196.

- ⁵⁸ В 1988–1989 гг. в Киргизии доля заключивших такие браки в общем числе лиц титульной национальности, вступивших в брак, достигала и среди мужчин, и среди женщин 14,3%, тогда как в Казахстане, соответственно, 4,2 и 3,6%; Таджикистане — 6,6 и 5,6; Туркмении — 5,5 и 2,2 и в Узбекистане — 4,2 и 3,4% (Информационный бюллетень Статкомитета СНГ. М., 1992. № 3. С. 135–137).
- ⁵⁹ В частности, из-за сохраняющегося традиционализма с его патрилинейностью, когда даже мальчики с легкостью называют имена своих предков на шесть поколений назад (подр. см.: *Космарская Н. П.* Социально-психологические аспекты межнациональных отношений в Северном Прииссыккулье // *Этносоциальные процессы в Кыргызстане...*).
- ⁶⁰ *Kolstoe P.* Russians in the Former Soviet Republics... P. 242.
- ⁶¹ Впрочем, вряд ли эту модель в принципе можно рассматривать как универсальную и самодовлеющую для какого-то периода, независимо от «знака». Тот же П. Колсто отмечает в более ранней главе, посвященной изменениям в статусе «русских» при различных генсеках, что в эпоху Брежнева уже весьма ощутимым был «анкетный», основанный на принадлежности к номенклатуре, барьер социального продвижения русскоязычных (в частности, при доступе к высшему образованию). См.: *Kolstoe P.* Russians in the Former Soviet Republics... P. 99.
- ⁶² *Савоскул С. С.* Русские нового зарубежья... С. 396.
- ⁶³ Сошлюсь на свои полевые исследования в Узбекистане: проинтервьюированные в 2002 и 2004 гг. эксперты были единодушны в том, что антирусские настроения на бытовом уровне, пик которых пришелся примерно на 1992–1994 гг., уже стали анахронизмом как массовое явление.
- ⁶⁴ Несколько страницами ранее (с. 383) С. Савоскул, в диссонанс своему высказыванию о «режимах», объясняет этим фактором теперь уже некий позитив, касающийся русскоязычных — различия в оценках динамики межгрупповых отношений киргизстанскими и казахстанскими экспертами (цифры приведены в начале наст. главы, с. 100–102).
- ⁶⁵ Правда, тут есть важные нюансы. За пределами «межнациональной» тематики, не самой горячей для местных русскоязычных, когда речь шла, скажем, об экономике, социальной поддержке неимущих, коррупции, а также о свободе слова, он с течением времени все острее воспринимался (в первом случае — подавляющей частью общества, причем не только «русскими», во втором — наиболее политизированной его частью) как символ власти, менее всего думающей о народе и его нуждах.
- ⁶⁶ См. стенограмму семинара «Россия и новые диаспоры: приоритеты и направления политики», состоявшегося в Московском Центре Карнеги 31 января 1997 г. (с. 29).
- ⁶⁷ Для читателя, более комфортно чувствующего себя в пространстве западных теоретических концепций, поясню, что в данном случае речь идет об объяснительных моделях, которые в английском языке передаются словами *agent-centered approach* и *structure-centered approach*, а на русском приблизительно могут быть истолкованы как субъектный и объектный подходы к анализу социальной жизни. Структуралистскому направлению, в нашем случае, в его этатизированном варианте, возлагающем основную вину/возносящем благодарность государству, в лице его главы, противопоставляется необходимость учета воззрений и поведения людей — как на индивидуальном уровне, так и в рамках неформальных коалиций. В приложении к близким нашей теме реалиям данные подходы анализируются, в частности, в следующей работе на русском языке: *Пилкингтон Х., Физакли А.* Постсоветские миграции в контексте западных миграционных теорий // В движении добровольным и вынужденным. Постсоветские миграции в Евразии. Под ред. А. Р. Вяткина, Н. П. Космарской и С. А. Панарина. М., 1999.

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА И ВОКРУГ...

Коренные сдвиги в соотношении статусов русского и титульных языков стали в новых государствах Центральной Азии, пожалуй, единственной законодательно закреплённой «отдушиной», принявшей в себя (причем на самом высоком, конституционном уровне) накопившуюся за годы советской власти национально-возрожденческую энергию местных элит. Хотя при этом конституции стран региона провозглашают равенство граждан всех национальностей, а реализовывать законы о государственном языке планируется, по техническим, финансовым и иным причинам, в течение весьма долгого времени¹, вопрос о русском языке еще немало лет будет оставаться одним из важнейших факторов, определяющих температуру отношений титульных групп с русскоязычным населением и его будущее в регионе. Нельзя не согласиться в этой связи с выводами Аннетт Бор (*Annette Bohr*), сделанными на узбекском материале, но относящимися в той или иной степени ко всем государствам Центральной Азии: «Сердцевиной новой языковой политики были проблемы власти и статуса, но отнюдь не коммуникации...», а возрождение титульного языка рассматривалось национальными элитами «...как, возможно, самое эффективное средство перераспределения культурного влияния и политической власти в республике»².

Это неудивительно, ведь на статусе русского языка, реальном и формальном, а также на его соотношении, *de jure* и *de facto*, с государственным, «завязано» множество других забот русскоязычных — сохранение привычной для них культурно-информационной среды; возможность получения хорошего образования, если не европейского, то хотя бы российского уровня (и потому новые горизонты социально-территориальной мобильности); перспективы социального продвижения и доступа в различные сферы занятости; расширение политического представительства и др. Отсюда значимость этой проблемы для исследователей, ее многоплановость и междисциплинарный характер: от политических аспектов, «встроенных» в программу действий национализирующегося государства, до социально-психологических и социолингвистических, касающихся языкового поведения, установок и идентичности различных участников межкультурного взаимодействия³. Как и многие затронутые здесь темы, она заслуживает целой книги, даже если речь идет об отдельно взятой стране. Учитывая

характер нашего исследования и, в частности, данного раздела, в котором показываются причины постепенного ослабления у русскоязычных стимулов к миграции на полюсе выезда, т. е. в Киргизии, сосредоточимся лишь на одном аспекте «социолингвистической» проблемы. Речь пойдет об их возможностях пользоваться русским в различных областях (на фоне законодательных и иных усилий «сверху» по повышению статуса и роли киргизского языка), а также о причинах ситуации, сложившейся в сфере взаимодействия двух языков к концу 1990-х — началу 2000-х гг.

De jure и de facto

Инициативы «сверху»: «зажимы» и послабления

Законодательная интрига по поводу статуса русского языка начала закручиваться еще в советское время, когда, подобно многим другим союзным республикам, в 1989 г. здесь был принят «Закон о государственном языке». Впрочем тогда, в составе единой страны, это не вызвало большого беспокойства «русских» и других жителей республики, не владеющих или плохо владеющих киргизским, тем более, что в нем содержалось положение о русском как «языке межнационального общения». Характерно, что в апреле 1993 г., когда в преддверии принятия Конституции споры о соотношении статусов двух языков приблизились к высшей точке кипения, постановлением правительства были скорректированы принятые ранее (в 1992 г.) решения о переводе делопроизводства во всех государственных учреждения и предпрятиях на киргизский язык (с 1997 г. срок передвинули на 2000 г.)⁴. Уже начал проявлять себя тот разрыв между идеологией в языковой сфере (с ее юридически закрепленными нормами) и «биением жизни», который можно наблюдать в Киргизии и по сей день.

Затем следует «битва за русский язык» в мае 1993 г., во время обсуждения в парламенте Конституции Киргизской Республики, чему предшествовала оживленная полемика в прессе. И тут, и там обращает на себя внимание расколость киргизской общественности по отношению к статусу русского языка (включая и конкретные юридические формулировки) и вообще к его роли в жизни страны⁵.

Дебаты в парламенте шли очень напряженно; основная борьба велась за включение в статью 5 положения о русском языке как языке межнационального общения. В итоге, со 149 проголосовавшими «за», 117 — «против» и шестью воздержавшимися статья вошла в силу в следующей редакции: «1. Государственным языком Кыргызской Республики является кыргызский язык. 2. Кыргызская Республика гарантирует

сохранение, равноправное и свободное развитие и функционирование русского и всех других языков, которыми пользуется население республики. 3. Не допускается ущемление прав и свобод граждан по признаку незнания или невладения государственным языком»⁶. Существенную роль при принятии окончательного решения сыграл Аскар Акаев, убедив еще колеблющихся депутатов, что положение о «языке межнационального общения» незнакомо мировой практике, что оно носило бы декларативный характер, но зато пункты 2 и 3 реально могут защитить языковые права всех граждан. По словам президента, «...третий пункт ограждает и меня. Ведь я, по существу, русскоязычный кыргыз... Но теперь мы внесли в Конституцию существующую запись — и никто не сможет нарушать права людей только из-за того, что они не знают государственный язык»⁷.

В итоге подписанное более ста депутатами обращение к парламенту с призывом еще раз вернуться к принятой во втором чтении 5 статье осталось не услышанным. На «русских», по крайней мере тех, кто чувствовал свою особую причастность к происходящему в стране, это произвело угнетающее впечатление. Соглашаясь, что статус «языка межнационального общения» не имеет большого юридического смысла, люди говорили о том, что смысл мог бы быть чисто психологический, и очень важный. Как отмечал парламентский корреспондент газеты «Слово Кыргызстана» В. Никсдорф, «Вольтер как-то сказал: “Если нет бога, надо его выдумать”. Так и язык межнационального общения — никакой юридической силы не имеет, но важен как символ доверия наших народов друг к другу, как знак уважения, жест протянутой для сожгласия руки!»⁸

О накале эмоций, царивших во время работы сессии, говорят комментарии с места событий журналиста и депутата Леонида Калашникова: «Ходя по мраморному холодному фойе, я как мог гнал и гнал от себя мысль, которая начиналась и сверлила мозг с “неужели”. Неужели рвется нить, связующая нас с этой “малой Родиной”? Неужели уходит от нас то огромное общее, что было и, думалось, пребудет навсегда?.. В перерыве ко мне подошли депутаты с юга республики. Один из них взял за плечи и, глядя искренне в глаза, сказал: “Леонид Николаевич, соберитесь. Помогите нам сделать обращение к депутатам о возвращении к пятой статье. Мы соберем подписи депутатов-кыргызов и вернемся. Может, разум возобладает. И мы запишем в нашу Конституцию, как наши братья-казахи в свою, этот сильный и объединяющий нас всех аргумент, как символ дорогого всем нам братства: “Русский язык является языком межнационального общения””... Отлегло чуть-чуть от души. Что ж, если вернется сессия к этому вопросу, думал я, если... Но и майские дни в парламенте были не разумнее апрельских... Опять был у микрофона президент. И не было возвращения к пятой статье...»⁹.

После описанных событий долгое время не удавалось достичь кардинальных законодательных подвижек ни в том парламенте, что принял Конституцию, ни в следующем, избранном в феврале 1995 г., где киргизы заняли около 80% мест. Ситуация была несколько подправлена указом А. Акаева от 14 июня 1994 г., ставшим ответом властей на ускоряющиеся темпы миграции «европейцев». Указ и последовавшее постановление правительства предусматривали ряд мер по сдерживанию оттока, среди них и «лингвистические». Так, на территориях и в коллективах с преобладанием русскоязычных, в том числе и в учреждениях здравоохранения и образования, официально разрешалось пользоваться в делопроизводстве, учебном процессе и при выполнении других функций, наряду с государственным, и русским языком; специально указывалось на недопущение ограничений применения русского языка в системе высшего и среднего образования, а также предписывалось принять меры по улучшению преподавания киргизского и русского языков в учебных заведениях всех уровней¹⁰.

С января 1997 г. парламент начал разрабатывать проект закона о придании русскому языку статуса второго государственного — толчком послужило решение Конституционного суда (по запросу группы депутатов) о возможности внесения в Основной закон соответствующих поправок. Эту идею активно поддерживал и А. Акаев, но парламенту второго созыва так и не удалось достичь на данном поприще никаких реальных результатов. Осенью 1998 г., в период подготовки к референдуму, призванному одобрить внесенные президентом существенные поправки к Конституции, депутатами Бишкекского городского *кенеша* (местный орган законодательной власти) была сделана еще одна попытка продвинуть дело. Они предложили внести в текст референдума поправку о придании русскому языку статуса официального¹¹, но эта инициатива также не нашла поддержки. Тугой законодательный узел языковой проблемы удалось развязать лишь в мае 2000 г., когда новый парламент конституционным большинством голосов принял закон о придании русскому языку статуса **официального**¹². Вскоре после подписания его А. Акаевым он вошел в силу. В 5 статье Основного закона страны появился новый пункт: «В Кыргызской Республике в качестве официального языка употребляется русский язык»¹³.

Тем самым была подтверждена не только **реально выполняемая** русским языком все постсоветские годы **«официальная» роль** (на нем зиждется система делопроизводства, образования; осуществляется управление государством и пр.), но и функция менее формальная, но пронизывающая все виды коммуникаций в публичном и, во многом, в приватном пространстве — **инструмента «межнационального» и межличностного общения**. Как отмечалось в одном из откликов на приня-

тие закона, он «...выводит русский язык из двусмысленного положения, юридически закрепляя его фактическую роль»¹⁴.

Слова о фактической роли очень важны, поскольку и до июньского указа 1994 г. (казалось бы, если ориентироваться лишь на формулы законов, давшего русскому языку возможность «дышать»), при отсутствии юридически закрепленного, причем на самом высоком уровне, официального статуса, т. е. до мая 2000 г. — продолжал существовать огромный разрыв между законодательным оформлением идеи и ее реальным воплощением.

Этого не могли предугадать ни деятели «национального возрождения», ни простые киргизы. Вдохновленные пропагандистской риторикой и вполне понятным желанием — для кого-то сделать карьеру в изменившихся условиях, для кого-то — способствовать возрождению родного языка и культуры, они повели детей в заново открывающиеся киргизские школы, классы и детские сады. Как раз в мае 1993 г. учительницы русского языка в школе киргизского села Темир (Иссык-Кульская область) рассказывали мне, что ученики старших и средних классов стали открыто заявлять: «Нам русский теперь не нужен!» Родители перестали интересоваться тем, как их дети учат русский язык, хотя раньше каждую неделю приходили и спрашивали об успехах ребенка. Перестали и угощать учителей-русистов после экзаменов. Сократилось время обучения — на два часа в неделю; русский в киргизских классах по количеству часов стал приближаться к иностран-ным языкам.

Не могли предвидеть устойчивости русскоязычной среды обитания и «европейцы», для которых законодательные новации начала 1990-х гг. стали пусть не главным и не единственным, но весьма громким звонком к отъезду. По словам журналистки Людмилы Жолмухамедовой, «...русскоязычные увяли, словно цветы от неожиданного заморозка. Взрослые люди, которые отлично знали, как трудно дается язык вообще, а в зрелом возрасте в частности, дрогнули и неорганизованной толпой ринулись на те пространства, где русский язык все еще оставался “великим и могучим”»¹⁵. Аналогично, осознание того, что «не так страшен черт, как его малюют», явилось, по моему мнению, одной из важных причин заметного сокращения, начиная с середины первого постсоветского десятилетия, миграционного оттока русскоязычных из Киргизии.

Итак, сфера применения русского языка в стране оставалась все 1990-е гг. и остается до сих пор весьма обширной. По сути, можно говорить о том, что его **фактический статус почти не изменился**, что никак не противоречит и, на мой взгляд, не мешает тому, что начал «дышать», т. е. возрождаться, киргизский язык, хотя гораздо медленнее и с большими трудностями, чем ожидалось (об этом несколько ниже).

Естественно, мы ведем речь о северных частях страны (и прежде всего о Бишкеке), где и сосредоточена основная масса русскоязычных. Ситуация в южных районах, где их осталось совсем немного, требует специального изучения.

Обрисуем кратко, как проявляется присутствие русского языка в различных сферах социальной жизни Киргизии.

«Звучание» городской среды

Начнем с того, что сразу бросается в глаза — с языковой палитры городского пространства. Вряд ли найдется в новом зарубежье еще одна столица (возможно, только Минск), где огромное большинство вывесок (в том числе и официальных), разнообразных объявлений, лозунгов, рекламных плакатов, щитов и т. п. были бы написаны на двух языках, а последние — даже на трех: русском, английском и киргизском (см. фото 1, 2). Причем это положение дел наблюдается с самого начала постсоветского периода, отнюдь не являясь лишь следствием выполнения Закона «Об официальном языке Кыргызской республики». Власти в своих письменных посланиях народу, выставленных на всеобщее обозрение, нередко прибегают лишь к русскому языку, причем даже в тех случаях, когда под «народом» с очевидностью имеются в виду именно киргизы (см. фото 3).

Хотя страна и не избежала серьезных топонимических новаций эпохи независимости, прокатившихся волной по всему ближнему зарубежью, они, судя по Бишкеку, где сохранилось много улиц с прежними названиями, не носили характера тотального и целенаправленного истребления всего русско-советского. Кстати, не все новые названия обращены к персонам или реалиям собственно киргизской истории или культуры; появились, например, улицы Фатьянова, Дэн Сяопина, Сухэ-Батора и М. Ганди. Одна из двух главных городских артерий — проспект Ленина, стала Чуйским проспектом почти сразу же после провозглашения независимости. Но лишь в начале ноября 1998 г. на некоторых участках другой основной магистрали, улицы Советской, пересекающей город с севера на юг, появились таблички с новым названием — «Ул. Байтика-баатыра» (он был предводителем племени *солто* и прославился своей борьбой против Кокандского ханства, причем являлся союзником России). Исчезли улицы, названные в честь партийных съездов или годовщин образования Киргизской ССР, но остались те, что напоминают о крупных деятелях советской эпохи (в частности, ул. Фрунзе), ассоциируются с русской культурой (ул. Гоголя) или с пребыванием Киргизии — географически, но не политически — в составе СССР. Так, две центральные улицы остаются

Киевской и Московской, а известный всем бишкекчанам как средоточие разного рода торговой активности перекресток последней с Советской продолжает именоваться в народе как «Моссовет».

Языковое «звучание» города неотделимо от параметров его как культурного пространства вообще и историко-политической обусловленности последнего. На динамике в данной сфере стоит остановиться подробнее, поскольку это немаловажный фактор, определяющий психологическое самочувствие проживающих в городе людей, в том числе и русскоязычных. Весьма плодотворным тут может оказаться сравнение Бишкека с Ташкентом. Если состояние городской культурной среды в первом я могла наблюдать на протяжении всех постсоветских лет, то во втором, попав туда впервые лишь в 2002 г., а затем в 2004 г., столкнулась уже с неким итогом предшествующих сдвигов.

Не углубляясь далеко в сложный и многогранный сюжет об истории колонизации территорий, занимаемых современными Киргизией и Узбекистаном и, соответственно, об общем и особенном в положении русскоязычных двух стран, отмечу, что Бишкек как не был в прошлом, так и не стал — в период «национального возрождения» — «восточным» городом, с соответствующей планировкой, архитектурой, типами расселения. Урбанистические навыки у киргизов-кочевников отсутствовали, а крепость Пишпек, развившаяся впоследствии в одноименный город и, далее, в г. Фрунзе и г. Бишкек, была основана в 1825 г. кокандским ханом¹⁶. Укрепляя свои позиции в Чуйской

Фото 1. Вывески и реклама приглашают покупателей на разных языках. Бишкек, 1998 г.*

* Все фото, если не указано иначе, сделаны автором.

Фото 2. Витрины как разноязыкий способ демонстрации политических пристрастий. Бишкек, 25 марта 2005 г.

Фото Е. Скочилю, <http://oleg.kcg.kg/dj/utro/html>

долине, российские войска окончательно покорили крепость в октябре 1862 г., поддержав восстание против кокандцев, поднятое киргизами солто во главе с *манапом* Байтиком Канаевым. Впоследствии на месте крепости разместился казачий пикет, начал функционировать базар и постепенно стали селиться жители будущего города¹⁷. Здесь изначально не было разделения на два мира — «русский» и «туземный», в отличие от Ташкента, расположенного на плодородных землях одноименного оазиса, где в течение тысячелетий одна земледельческая цивилизация сменяла другую. К моменту взятия его штурмом российскими отрядами в июне 1865 г., это был типичный среднеазиатский город с давней историей — с соответствующей планировкой и архитектурной атрибутикой, включавшей кварталы-махалли, базары, а также мечети, медресе и мавзолеи мусульманских святых. Возведенный «европейцами» новый город был четко отделен от старого каналом Анхор¹⁸.

В Пишпек-Фрунзе-Бишкеке все начиналось с чистого листа. «Русские» и киргизы, по мере их оседания, селились вперемешку, и в одноэтажных домах (так называемый частный сектор), и в постепенно заполняющих городское пространство многоэтажках, что и способствовало превращению киргизов — многолетних городских жителей, в особое по отношению к соплеменникам из айлов социокультурное сообщество. Заметное размежевание по типу и месту расселения возникло лишь в конце 1980-х гг., когда в результате массового притока в город сельской молодежи образовался «миграционный пояс»

Фото 3. Такие призывы можно было увидеть на улицах Бишкека в 2003 г., объявленном Годом киргизской государственности

Бишкека (см. главу 2 данного раздела). Но это был территориально-социальный водораздел не между «русскими» и киргизами, а между мигрантами и «привычными» горожанами.

К началу эпохи независимости Бишкек подошел с разностильной архитектурой, но в целом не сильно выделявшей его на фоне, скажем, индустриальных российских городов без древних корней. Многочисленные одноэтажные частные домики, сосредоточенные в основном на окраинах, с окнами, выходящими не «по-восточному» на улицу, сочетались с невысокими домами послевоенной застройки и обширными по площади кварталами (называемыми здесь микрорайонами) блочных и панельных многоэтажек разного уровня комфортности. Более ранние псевдоклассические административные здания (оперный театр, «Старый аэропорт») перемежались со светлыми железобетонными сооружениями позднесоветского времени, которые отличались привнесенной «ориентальной» стилизацией в виде орнаментов, мозаичных панно и т. п. Таковы, например, правительственные здания в центре города, вдоль Чуйского проспекта, а также ЦУМ, Главпочтамт, гостиница «Достук», здание Национальной библиотеки; дома, относящиеся к микрорайону Восток-5 и др. (см. фото 4–9).

Ташкент, будучи форпостом Российской империи в Туркестане, а затем, в советское время, неофициальной столицей всего региона, постоянно испытывал на себе мощные перестроечные инициативы властей, с учетом новейших для каждого периода достижений строительной науки и технологии. «Старый город» постепенно растворялся, терял свои четкие очертания.

Фото 4. «Частный сектор» Бишкека. Таких объявлений было особенно много в период массовых миграций. 1996 г.

Фото 5. Уголок центра города, 1998 г.

Это стало особенно заметно после землетрясения 1966 г., когда узбеки во множестве, и отнюдь не с радостью, в одночасье были вынуждены подняться с привычной им «земли», из компактных кварталов махаллинских домов с дувалами, и переселиться в новые многоэтажки-близнецы. Как известно, «столица Советского Туркестана» имела славу города-космополита, с особым микроклиматом, духовным и зримо-вещным. Однако его архитектурная контрастность, подразумевающая и этнокультурные водоразделы, все равно сохранялась, а в наши дни приобретает особые смыслы. Мне это бросилось в глаза, когда я впервые попала в Ташкент в 2002 г. после частых поездок в стандартизированно «европейский» Бишкек.

Хотя формально на «махалли» как единицы общественного самоуправления разделен весь Ташкент, включая и районы многоэтажных домов с заметным «русским» присутствием, из общего ряда выделяются настоящие, чисто узбекские махалли, со своим особым жизненным укладом и архитектурно-пространственным устройством, зачастую с мусульманским кладбищем и мечетью при нем. Некоторые из них являются осколками прежнего «старого города» и органично соседствуют с немногими из сохранившихся до наших дней средневековых памятников (например, в районе рынка Чорсу (см. фото 10). Другие можно найти на застроенных в 1970–1980-е гг. окраинах, в окружении еще недавно почти чисто «русских» многоэтажек, жители которых теперь вынуждены мириться с ранним пробуждением из-за зовущего к утренней молитве муэдзина (район вокруг авиастроительного завода им. Чкалова). Хотя заглядывать в «особые» махалли в принципе никому не возбраняется, лучше делать это, как мне пояснили русскоязычные респонденты, в сопровождении или по приглашению местных жителей: «русские туда не ходят».

Переименования в Ташкенте были проведены не только с гораздо большим рвением, чем в Бишкеке и в Киргизии в целом, но и с иным содержательным прицелом, а именно, по выражению Евгения Абдуллаева, на создание архаизированной топонимики¹⁹. Картина более напористой и широкой «коренизации» в языковом оформлении городского пространства дополняется тем, что послания властей (объявления, вывески и пр.) звучат на улицах и в учреждениях исключительно по-узбекски (причем на официально принятой латинице). Русский же присутствует, иногда на пару с английским, в основном в виде разнообразной рекламы, названий магазинов, мастерских и пр., т. е. там, где работает частный интерес, где надо привлечь клиента, покупателя²⁰. Наконец, еще одной новацией, сказавшейся на самоощущениях «европейского» населения Ташкента в самые последние годы, стали широкие перепланировки; создание огромных, обычно пустующих, площадей и возведение помпезных административных зданий в

Фото 6. Академический театр оперы и балета. Бишкек, 2005 г., фото С. Абашина.

Фото 7. Национальная библиотека, 2003 г. Открытка фирмы «Раритет».

Фото 8. Гостиница «Достук» («Дружба») в центре Бишкека.
Фото С. Абашина, 2005 г.

псевдовосточном стиле, с обилием позолоты, голубыми куполами и т. п. По словам одного из экспертов, «наш город стал по имперски холодным, а в Бишкеке, пусть там мусор где-то не убирают, видно, что жизнь продолжается» (11.11.04)²¹ (см. фото 11).

Бишкек же после распада СССР и превращения в столицу независимого государства не претерпел сильных изменений, связанных именно с этими событиями, что смягчило для русскоязычных тяжесть адаптации к новым реалиям. Как уже отмечалось, лингвистически городская среда не перестала быть легко читаемой и без знания киргизского языка. Мощных новых построек и перестроек привычных ландшафтов, с приданием им символического звучания, власти не предпринимали — возможно, по причине отсутствия средств и, главное, политико-идеологических амбиций (ср. с Ташкентом). Интересно, что неизменно наличествующий в каждой из столиц союзных республик музей В. И. Ленина превратился с наступлением независимости в Национальный исторический музей, но стоящий перед ним памятник вождю демонтировали лишь в 2003 г., заменив его на монумент Свободы (Эркиндик).

Городское пространство продолжало оставаться легко проницаемым для людей разных национальностей, а элитарность некоторых районов «для богатых» (впрочем, не очень сильно заметная, на мой московский взгляд) **порождала и укрепляла барьеры скорее социальные, нежели этнокультурные**. Конечно, облик городской среды во многих отношениях кардинально преобразился, стал более «капиталистическим»: появилась реклама, разнообразные и доселе невиданные предприятия торговли, услуг, общественного питания; другим стал транспорт, как частный, так и общественный, и т. д., и т. п. Однако то же произошло и в городах, в первую очередь столичных, большинства других бывших республик, куда главные новации пришли вместе с перестройкой экономики и открытостью страны разнообразным нововведениям, в том числе и западным.

Доступ к информации и образованию

В киргизстанских СМИ, как печатных, так и электронных, русский язык занимает очень большое место. Выпускаемые здесь «русские» газеты, довольно разнообразные по тематике и политическим ориентациям, имеют самые большие тиражи; кроме того, здесь можно купить «Комсомольскую правду», «Аргументы и факты» и «Московский

Фото 9. Экзотизация городского пейзажа в туристических целях. Юрта перед зданием частной гостиницы. Бишкек, 2005 г., фото С. Абашина.

Фото 10. Ташкент, уголок махалли в района рынка Чорсу.
Фото А. Космарского, 2004 г.

комсомолец» в местной версии (эти газеты имеют в республике свои представительства, подобно агентствам ИТАР-ТАСС и Интерфакс). Как я могла еще раз убедиться летом 2005 г., газетные и книжные киоски буквально завалены разнообразной периодикой российского происхождения, от дорогих глянцевого журналов «для мужчин» и «женщин» до листов с кроссвордами и газеток различных оттенков желтизны. В широком ассортименте присутствуют и книги в бумажных переплетах, рассчитанные на массового читателя. Правда, такая особая аудитория, как преподаватели и студенты гуманитарных специальностей, с которыми я общалась особенно тесно, постоянно жаловались на дефицит издаваемой в России специальной литературы, в том числе и переводной, по социологии, истории, психологии; учебников, словарей и т. п. Впрочем, с похожими проблемами сталкиваются и потребители научной книжной продукции в российской провинции, куда она с трудом доходит из-за неразвитости сетей доставки (а в Киргизию еще и из-за пограничных барьеров) и низкого платежеспособного спроса — такого рода литература в обеих наших странах очень дорога в сравнении с зарплатами людей, работающих в науке и образовании.

Российские телеканалы (ОРТ и РТР) в Киргизии, в отличие, скажем, от Узбекистана или Балтии, транслируются в метровом диапазоне, т. е. доступны всем владельцам телевизоров. Местные частные радиостанции и телеканалы (такие, как «Пирамида») ведут вещание на русском, с добавлением отдельных передач, например, выпусков

новостей, на киргизском. Значительная часть вещания государственного канала «Кыргызское ТВ» также проходит на русском языке. Существует и кабельная платная сеть, дающая «выход» на многие российские и западные каналы.

Теперь о важнейшей проблеме — возможности получения образования на русском языке. И в 1996, и в 1998 гг. все респонденты, имевшие на момент опроса детей школьного возраста, отметили, что они обучаются на русском языке, хотя качеством среднего образования были удовлетворены далеко не все. Так, в 1998 г. таких было около 40%, а недовольных — 23% (33,3% затруднились с ответом). Естественно, в период независимости количество школ с русским языком обучения сильно сократилось (в меньшей степени на севере страны и в большей — на юге), а с киргизским — выросло, в обратной пропорции. Однако те, кто связывает это лишь с сознательной «антирусской» политикой властей, забывает, как минимум, о двух обстоятельствах. Во-первых, потенциальных учащихся таких школ резко упало из-за мощных миграций первой половины 1990-х гг. и постоянно находится под прессом низкой рождаемости среди русскоязычных (другой вопрос — немалый спрос на обучение в «русских» школах и классах сейчас предъявляют и киргизы, поэтому их не хватает). Во-вторых, нужно упомянуть о базе для количественных сравнений: в Бишкеке, например,

Новое здание Олий Маджлиса (парламента Республики Узбекистан).

Фото А. Космарского, 2004 г.

в советское время действовала всего одна (!) «киргизская» школа № 5. По состоянию на 1 сентября 2003 г. в столице работало 89 государственных школ (не считая нескольких частных, обучающихся на русском языке), из них 12 были полностью «киргизскими», 31 — «русскими» и 46 — смешанными²².

В ходе пилотажного интервьюирования в 1993–1994 г. и бесед с экспертами — в Бишкеке и в селах, мне не приходилось встречаться с жалобами на трудности получения информации и школьного обучения детей на родном языке, хотя тревога по поводу возможного изменения статуса русского языка явно присутствовала (кстати, по более поздним нарративам, «лингвистическая тематика» занимала мысли респондентов уже гораздо меньше). Вот почему вопросы об обучении и информации не были включены в мои анкеты 1996 и 1998 гг. Но такие вопросы в 1997–1998 г. задавала, например, Галина Витковская, проводя обследование миграционных настроений русских в трех странах Центральной Азии. Отвечая на вопрос «Имеют ли русские доступ к информации на своем родном языке?», 88 и 90% респондентов в Киргизии (опрос велся не только в Бишкеке, но и в городах Токмак и Беловодск) выбрали опцию «да, свободный» (первая цифра относится к телевидению, вторая — к печатной продукции); опцию «очень мало» выбрали, соответственно, 7 и 4%. Близкими были ответы и русских казахстанцев, по крайней мере, по отношению к печатным изданиям (71 и 84%; 24 и 6%) и заметно хуже дела обстояли, судя по ответам, в Узбекистане: свободный доступ к телеинформации зафиксировали 40% респондентов, к газетам и журналам на русском языке — 58%; ограниченный доступ, соответственно, 54 и 36%²³. Более благополучной (и сглаженной по странам) выглядела ситуация с обучением детей. Респонденты, имеющие детей до 18 лет, отвечали на вопрос: «Есть ли у детей в русских семьях возможность учиться на русском языке?». «Да» ответили 89% опрошенных в Киргизии, 74 в Казахстане и 84% — в Узбекистане; опцию «да, но с большими трудностями» выбрали, соответственно, 8, 13 и 10% респондентов; «нет» — 1,1 и 4%²⁴.

Приведенные результаты совпадают с моими исследованиями в Киргизии, где русскоязычное культурное пространство не претерпело в постсоветский период качественных изменений и до придания русскому языку официального статуса в 2000 г. Согласно и с выводами по Узбекистану, где найти школу с «русским» классом для ребенка, особенно в Ташкенте, действительно гораздо легче, чем купить в том же Ташкенте российскую газету или посмотреть передачи российского телевидения (там это можно сделать только через частные кабельные сети). Неясно лишь, почему автор обследования комментирует свои же собственные данные в совершенно ином, надрывно-алармистском

ключе: «...постепенно сужается сфера применения русского языка, уменьшается доступ к информации на нем, сокращаются возможности получения русскоязычного образования. И это является **сильнейшим** [выделено мной. — Н. К.] источником этнокультурного дискомфорта»²⁵. Вывод, замечу, сделан **по всем трем** обследованным странам, хотя из приведенных самой Г. Витковской цифр видны существенные различия между ними, и лишь на основе данных одного опроса, т. е. не фиксирующих какой-либо динамики процесса.

Что касается высшего образования, то развитость этой сферы выдвигает Киргизию, пожалуй, на первое место в регионе. По доле студентов среди молодежи она приближается к России и Украине, переживающих, после некоторого спада в начале 1990-х гг., возрождение интереса к обучению в вузах²⁶. В небольшой Киргизии у абитуриентов есть богатый выбор из 42 (по состоянию на 2003 г.)²⁷ университетов и институтов разной формы собственности и с заметным «международным» уклоном. Среди самых популярных (на севере страны) — Киргизский национальный университет им. Ж. Баласагына (КГНУ); Киргизско-Российский (Славянский) — КРСУ; Бишкекский гуманитарный (БГУ), Американский университет в Центральной Азии, Международный, Киргизско-Турецкий и другие. Есть также крупные вузы медицинского и технического профиля; работают и филиалы российских институтов. В подавляющем большинстве вузов обучение ведется на русском языке или имеются «русские группы»; вступительные экзамены в высшие и средние специальные учебные заведения разрешено сдавать на одном из двух языков по выбору. В последние годы эта процедура заменена централизованным тестированием.

Что касается доступности высшей школы, остающейся в значительной степени русскоязычной, то в условиях ее нарастающей коммерциализации²⁸ (тенденция, универсальная почти для всех постсоветских государств), в сочетании с падением жизненного уровня населения, все более существенным препятствием для получения диплома становится способность платить за обучение. Это заметно уже по результатам опроса, в частности, по оценкам качества предлагаемого в стране высшего образования. Если исключить из рассмотрения более 40% затруднившихся (понятно, что далеко не каждый участник опроса обладал необходимой информацией для ответа), в 1998 г. опцию «в целом доволен(льна)» выбрали 22,8% респондентов; «качеством доволен(льна), но очень дорого» — 28,9%, а «не устраивают качество и стоимость» — 48,3%. Таким образом, если довольны уровнем образовательных услуг примерно половина из тех, кто ответил на вопрос, то озабоченных дороговизной последних — уже около 80%.

На значимость родительской платежеспособности при обсуждении проблем образования обращали внимание и эксперты, в том

числе и в связи с опасениями «русских» за будущее своих детей. Вот что сказала о ситуации в высшей школе Айнура Элебаева (2.10.96):

«Эти опасения были связаны с интенсивным введением киргизского языка в статус государственного. Это было повсеместно, во всех учреждениях. Но, к сожалению, киргизский язык в качестве языка обучения... не прижился. Это ясно мне как преподавателю. Я преподаю в Американском университете. У нас обучение на русском и, частично, на английском... Материально же, у нас каждый год сокращается количество плановых мест и увеличивается количество контрактных. Это происходит во всех государственных образовательных учреждениях. К сожалению, качество и уровень получаемого образования зависят от материальных возможностей. От национальности же сейчас мало что зависит».

В разговоре с А. Брудным (18.09.98) я специально задала вопрос о том, что, по его мнению, имеют в виду люди, выбирающие в анкете опцию «меня беспокоит, получают ли мои дети хорошее образование»:

«Н. К. Меня тут интересует вот что — что люди вкладывают... тут ведущий этнический момент, блокиратор для них, или социально-экономический — образование стоит денег, за все надо платить...

А. Б. Ой, конечно. Скажем так, есть же здесь Славянский университет... дело вот в чем... за деньги, конечно, можно поступить куда угодно. Я имею в виду официально, то есть контрактную форму обучения, и когда она будет введена целиком, то здесь вступительные экзамены вообще не будут играть никакой роли.

Н. К. А к этому идет?

А. Б. Все к этому идет, денег нет.

Н. К. То есть все большее место...

А. Б. ...занимают контрактники, в вузах, по крайней мере. Школы — другое дело.

Н. К. То есть перспективы бесплатного образования ужимаются, да? Из чисто финансовых соображений?

А. Б. А какие тут могут быть еще соображения, когда денег не хватает на преподавание? Если он сын русского бизнесмена и будет платить за обучение, то в чем дело?»

Логическим продолжением описанной социолингвистической ситуации является восприятие ее «русскими» жителями Бишкека. Судя по результатам двух наших опросов, после того, как улеглись тревоги, вызванные законодательными новациями начала 1990-х гг., языковая проблема явно не выглядела главной «головной болью» респондентов. Это касается их оценок своих коммуникативных возможностей в разных социальных контекстах и, главное, причин слабых успехов на ниве освоения государственного языка.

Восприятие «снизу»: «Все хорошо, прекрасная маркиза!»

При выявленном в 1996 г. крайне низком уровне владения киргизским (см. рис. 1), подавляющее большинство опрошенных не испытывали трудностей при общении с соседями (80,7%); при посещении магазинов, учреждений и пр. (62,1%); на работе, учебе (66,6%). С серьезными трудностями сталкивались, соответственно, лишь 3,4, 8,0 и 7,1% респондентов.

В 1998 г. картина с «трудностями» была аналогичной и даже несколько более благополучной²⁹. Люди не только не были обеспокоены ситуацией, но и испытывали уверенность в сохранении русским языком прочных позиций в будущем, что, естественно, снижало стимулы к изучению киргизского языка. Отвечая в 1996 г. на закрытый вопрос «Если Вы плохо владеете киргизским языком, что мешает Вам изучить его?», респонденты чаще всего (32,2%) выбирали такой вариант ответа: «убеждены в том, что русский язык сохранит в стране свою прежнюю роль» (распределение ответов представлено на рис. 2)³⁰. Около 1/5 опрошенных (20,7%) выбрали опцию «иные причины», и большинство тех, кто дал конкретный ответ, указали на нежелание учить язык и на отсутствие необходимости это делать.

Для уточнения позиций русскоязычных и для выявления возможной динамики мнений в анкету 1998 г. были добавлены три новые «подсказки»: «за обучение надо платить»; «отсутствие времени»; «мне лично это не нужно» (распределение ответов 1998 г. представлено на рис. 3). И тут оказалось, что за прошедшие два года не было поколеб-

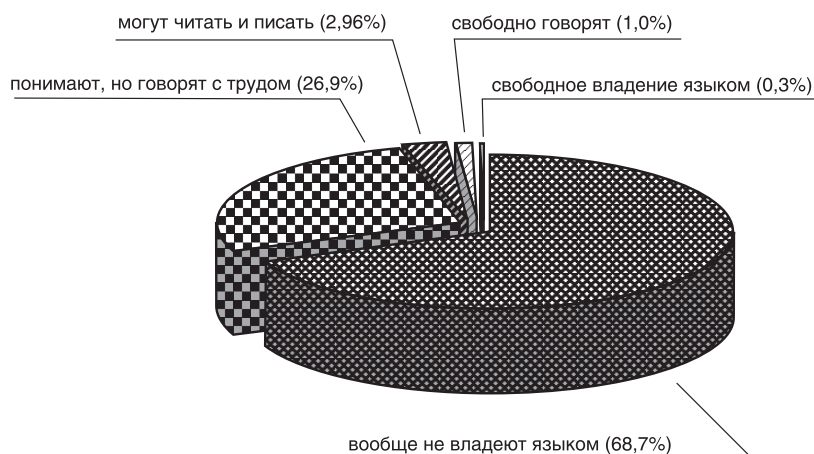

Рис. 1. Русскоязычные в Бишкеке: знание киргизского языка (1996 г.)

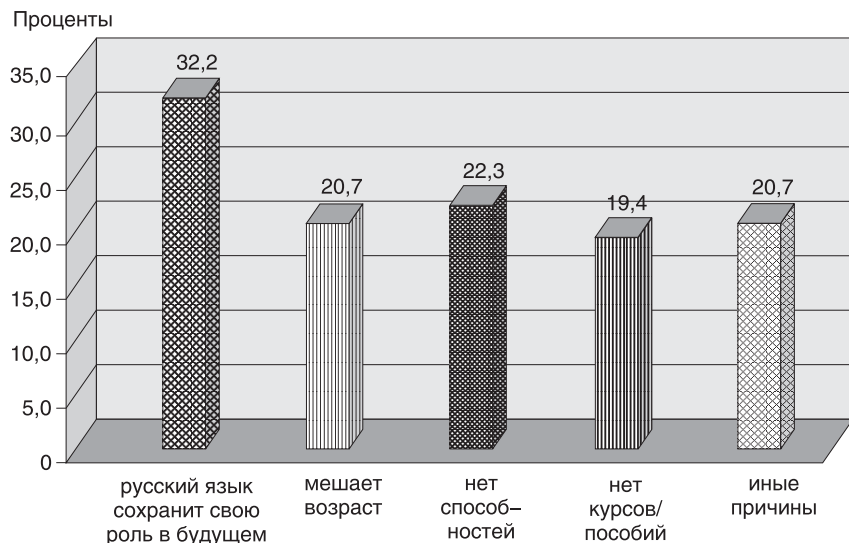

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос:
«Что мешает Вам выучить киргизский язык?» (1996 г.)

лена уверенность респондентов в сохранении прежнего статуса русского языка; что необходимость платить за обучение смущает их значительно меньше, чем отсутствие времени и, главное, опция «мне лично это не нужно» оттянула на себя значительную часть голосов, прежде попавших в категорию «иные причины».

Интересный сюжет, дополняющий приведенные данные, касается отношения русскоязычных к перспективе перевода делопроизводства на киргизский. Как я писала ранее, в начале 1990-х гг. срок был отодвинут до 2000 г. (а позднее уже до 2005 г.); о проблеме постепенно забыли, и во время моего пребывания в Бишкеке в 1998 г. даже эксперты не могли назвать мне точную дату. Однако по мере приближения президентских и парламентских выборов 2000 г. «сверху» что-то задвигалось, в печати появились данные о правительственных планах реформы, дифференцированных по срокам и областям страны. Зная об этом, осенью 1999 г. я попыталась выяснить, что думают о грядущих нововведениях мои респонденты. Реакция последних оказалась смесью олимпийского спокойствия со скепсисом и весьма жестким прагматизмом. Приведу несколько примеров.

Молодой архитектор (возвратный мигрант):

«Н. А Вас не пугает перевод делопроизводства на киргизский язык?»

Ник. Но это будет только в 2005 году!

Н. Видимо, да...

Ник. К этому времени это меня будет мало беспокоить.

Н. То есть Вас здесь не будет?

Ник. Или меня не будет, или я здесь свою жизнь устрою таким образом, что меня делопроизводство и его язык вообще не будет волновать».

Врач-логопед, работающая в частной школе:

«Н. А как Вы относитесь, что постепенно делопроизводство будет переводиться на киргизский язык?

М. Это, по-моему, уже третий раз собираются... насколько я знаю, в 90-х годах это было, в 80-х годах, поэтому сейчас мы уже привыкли и мы на это не реагируем.

Н. То есть для Вас это... не то обстоятельство, что заставит думать о переезде?

М. Думаю, что нет.

Н. А Вы языка не знаете совсем?

М. Отдельные слова.

Н. И учить не хотите?

М. И хотели бы, но у них нет определенной методики, чтобы мы могли бы общаться на киргизском языке. Они не выработали ее, словари... Даже вот ребенок учится в первом классе, и тяжело переводить какие-то слова, потому что нет словаря нормального...».

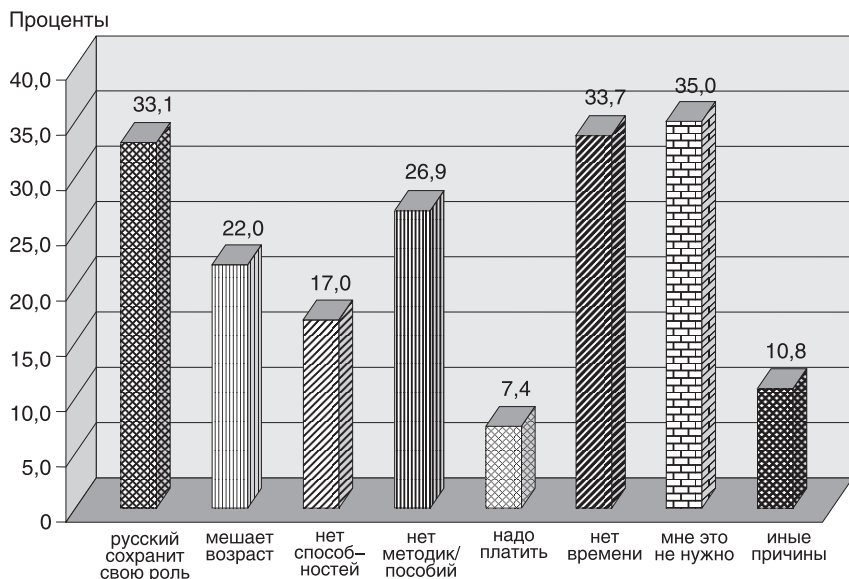

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос:
«Что мешает Вам выучить киргизский язык?» (1998 г.)

Бизнесмен, владелец книготорговой фирмы:

«Н. А языка Вы не знаете?»

Л. Нет.

Н. Тут ходят слухи, что Акаев начал какие-то электоральные движения, и собираются переводить делопроизводство на киргизский язык. Это может как-то повлиять на Вашу деятельность?»

Л. Абсолютно.

Н. Но нужно будет какие-то бумаги составлять, в исполком носить, на киргизском языке...

Л. Возьмем себе в штат киргизку, пускай переводит нам».

Наконец, более пространный отрывок из интервью с инженером, в котором, кроме личной позиции, мы найдем ряд важных наблюдений более общего плана:

«Н. В связи с языком... Собираются переводить, правда, постепенно, делопроизводство на киргизский язык. Как Вы к этому относитесь? Начнут с Нарына... Как это повлияет на Вас?»

С. Знаете, это, конечно, не причина, чтобы, как говорится, хватать чемодан и бежать отсюда. Это не причина, ведь в общем-то непреодолимого ничего нет. Вот у меня дети, сын и дочь; она закончила и вуз, им же преподавали, ну, не преподается он. Видимо, нет и методик, и преподавателей. Нет того, нет этого. В общем-то язык можно выучить только в общении, а переводя газеты, журналы, языку не научишься. Поэтому не знаю я, как будет... но сейчас уже меньше стали об этом говорить...

Н. Вот как раз о делопроизводстве, когда я была в прошлом году, не говорил никто, а сейчас...

С. Скорее всего, кто-то делает себе на этом имя...

Н. То есть это Вас не пугает? Вы способны будете разобрать какую-то справку на киргизском языке? Или ее составить?»

С. Раньше разбирали... В советское время, когда приходили какие-то документы из Нарынской области, ну, переводили, садились кучкой...

Н. А другое? Вы идете в ЖЭК, Вам нужно справку или заявление написать? Бытовая сфера? Заявление о прописке, о приеме на работу?»

С. [смеется]. Понимаете, с кем общаюсь я, по работе, например... даже не возникает... вот директор Водоканала <фамилия>; он на русском языке говорит так же, как мы с вами. Мне кажется, ему даже в голову не придет... я приду к нему что-то согласовывать, и он заговорит со мной... Или скажет: напишите мне... А сегодняшние депутаты и рвущиеся в них, особенно молодежь, может, они на этом и играют, но они играют не на благо родины, я думаю, а скорее всего ради личного блага».

Еще более четкая и стереоскопичная оценка этнолингвистической ситуации в преддверии выборов была дана В. Мокрыниным

(26.08.99). Рассказав мне о поэтапном плане введения новой документации, он заметил:

В. М. Трудностей будет очень много, они сами на своем языке не могут составлять документы.

Н. К. И Вы считаете, это может несколько притормозить переход?

В. М. Конечно же. Они могут обломать себе рога еще сейчас... на юге, там, где нет русских...

Н. К. И это связано с выборными проблемами?

В. М. Видимо, видимо... Все видные депутаты опять начинают речь о киргизской культуре, киргизском языке, киргизском народе.... Им совершенно наплевать на киргизскую культуру, на киргизский язык, на киргизский народ...

Н. К. А какие-то успехи по части обучения некиргизов есть? Реальные?

В. М. Нет. Ничего не делается. Сначала они взялись, в 1991 году, примерно полгода активно занимались этим делом, но не хватает учителей, никаких учебников, никаких пособий, ничего этого не сделано, и не будет сделано никогда.

Н. К. Из-за денег? Ну, никогда — может быть, это очень жестко? Долго?

В. М. В обозримом будущем. Никаких изменений нет, и к лучшему нет...

Н. К. Значит, Вы считаете, что условий нет? Ведь русские, они же живут в этой среде всю жизнь, и почему это не учится? Нет необходимости?

В. М. Почему не учится? Абсолютно никакой необходимости. Наоборот, киргизы, которые приезжают из других областей, усиленно изучают русский язык, они между собой в общении даже не будут говорить по-киргизски.

Н. К. А эти планы насчет документации... они могут всколыхнуть миграционные настроения среди русскоязычных?

В. М. Нет, они совершенно безразлично к этому относятся, скептически даже...

Н. К. По моим интервью да, а вот российские представители в каком-то очень эмоциональном находятся состоянии. “Скоро здесь никого не останется”, в таком духе...

В. М. Киргизский язык не трудный и, так как нам люди эти близки, киргизы, то и выучим этот язык. Но самое интересное, что и они, киргизы, не видят в этом никакой необходимости.

Н. К. И в делопроизводстве?

В. М. И в делопроизводстве. Культурный пласт языка все это не разовет... только какие-то штампы канцелярские... Киргизы тоже в этом совершенно не заинтересованы...

Н. К. Это кому-то надо?

В. М. Кому-то надо на этом делать политику, больше не на чем».

В приведенных отрывках, особенно в последних двух, намечены важные особенности этнолингвистической ситуации в Киргизии, обусловившие, несмотря на существовавшие до 2000 г. законодательные препоны и разного рода кампании по внедрению киргизского языка во все сферы жизни, сохранение русским (на территориях наибольшей концентрации «европейского» населения) почти такой же роли — *de facto* — какую он играл в советский период. Попробуем кратко проанализировать причины подобного положения дел. Мною движет далеко не только академический интерес, поскольку в истории вокруг русского еще рано ставить точку и можно ожидать, как показывают события 2004 и 2005 г., новых поворотов сюжета.

«Улыбка чеширского кота».

Прежние и новые факторы сохранения русскокультурной среды

Начнем с того, что лежит на поверхности — это осознание властями огромных трудностей на пути практической реализации государственного статуса киргизского языка. Нетрудно было добиться того, чтобы на нем (да и то — частично) проходили заседания парламента и правительства. Но в то же время быстро выяснилось, что функциональные особенности киргизского не дают возможности сразу начать преподавать на нем, скажем, ядерную физику или сравнительную анатомию; что страна ни в финансовом, ни в организационном отношении не готова к массовому переобучению взрослого некиргизского и изрядной доли киргизского населения; что создание новых учебников и разработка методик, рассчитанных на разнообразные группы учащихся, упирается не только в огромные деньги, но и в лингвистические препоны, отсутствие кадров, способных преподавать по этим учебникам, и во многое другое. Власти, на которых лежала и лежит главная ответственность за решение всех этих проблем, продемонстрировали нежелание и/или неспособность принять вызов, хотя лет прошло уже немало. Жалобы на неэффективное обучение, низкую квалификацию учителей; на «непонятные правила» и «непонятные объяснения»; на отсутствие доступа к бесплатным урокам являются настолько общим местом и в газетных публикациях, и в высказываниях моих респондентов, что просто нет смысла приводить конкретные примеры.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что немногие успехи связаны не с деятельностью государства, а являются результатом усилий энтузиастов-одиночек или западных фондов. Например, в школе с. Григорьевка осенью 1998 г. мне показали новый учебник киргизского языка для маленьких русскоязычных детей, по которому они занимаются с большим удовольствием (см. фото 12). Правда, это чудо поли-

графического искусства с прекрасными иллюстрациями, созданное квалифицированными методистами, было напечатано в Израиле за счет средств Фонда «Сорос-Кыргызстан» и стоило 20 долл. Детям даже не разрешалось брать его домой, занимались только в школе. Еще один пример. Вот что рассказала мне Суюмкан Омуралиева, лингвист, директор и основатель единственной в стране частной школы с киргизским языком обучения — учебно-производственного центра «Алтынай» (Бишкек). В конце 1990-х гг. она вынуждена была закрыть школу из-за недостатка спонсорских средств. Совместно еще с одним специалистом С. Омуралиева написала первый (и на момент нашей беседы в ноябре 1998 г. — единственный) учебник киргизского языка для начинающих взрослых на русской основе, однако он доходил до немногочисленных потребителей, школ и вузов, в основном в районе Бишкека, да и то лишь до тех, где у авторов были какие-то связи. Моя собеседница, хотя и была доцентом БГУ, фактически жила за счет доходов от продажи учебника, который печатался ограниченным тиражом в ее школе.

Теперь копнем глубже: у русского языка реально существует особая прочная основа в республике из-за **высокой степени его укорененности именно в киргизской среде**. И это обстоятельство нельзя трактовать также однозначно, как только что перечисленные факторы негативного свойства, препятствующие развитию в стране билингвизма. По совокупности объективных и субъективных причин киргизы оказались одной из наиболее русифицированных этнических групп в бывшем СССР и самой русифицированной — в Центральной Азии. С одной стороны, это стало тяжелым ударом по их языку и национальной самобытности (отсюда отчасти и проистекают современные трудности продвижения киргизского языка как государственного). С другой — киргизы-кочевники, оказавшись в орбите влияния Российской империи, а затем СССР, совершили невиданный в истории скачок к культурной модернизации (недаром, как показано в главе 2 разд. III, культурный вклад «русских» в развитие республики респонденты-киргизы оценили гораздо выше индустриального).

Похожим образом складывалась ситуация и для представителей тех племен, которых мы сейчас называем казахами. Именно эти две группы отличали относительно низкая исламизированность и кочевой образ жизни, а потому, при богатой устной традиции, отсутствие в развитом виде книжности и грамотности, которые произрастали особенно пышно в городах Мавераннахра. Если обратиться к более близкому, советскому прошлому, стоит отметить тот факт, что лишь казахи и киргизы из всех народов региона тесно соприкасались с «европейцами» не только в городской среде, но и в сельской местности³¹, что при прочих равных условиях способствовало ускоренному и углубленному проникновению в их жизнь русского языка.

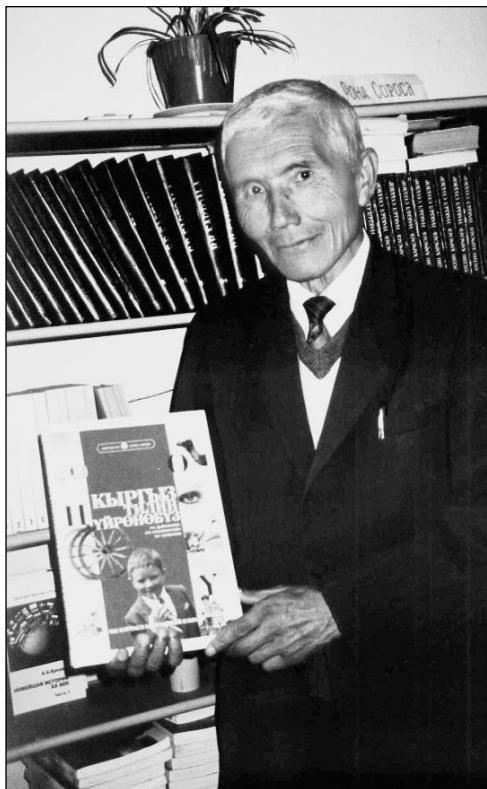

Фото 12. Директор средней школы с. Григорьевка Малик Кадракунов с учебником киргизского языка для младших русских классов, 1998 г.

Нельзя сбрасывать со счетов и общесоветский контекст: титульно-русское двуязычие являлось в СССР важнейшим ресурсом партийно-номенклатурного продвижения и любых иных, пусть даже более скромных, образовательно-карьерных успехов. Однако, по верному замечанию киргизстанского литератора Александра Иванова, «ветер, конечно, дул из центра, но местное руководство во сто крат усиливало его»³². И вот как это проявилось в Киргизии. В 1960-е гг., в период весьма длительного (вплоть до 1985 г.) пребывания на посту первого секретаря ЦК Компартии республики Турдакуна Усубалиева, из программ обучения русских школ, которые преобладали, особенно в городах, и где во множестве обучались и киргизские дети, были удалены киргизский язык и литература. Их восстановление началось, по просьбам учеников и родителей, лишь в 1989 г., а официально — в 1990 г. Былую русификаторскую политику директор одной из прииссыкульских школ Дамира Абилова (2.10.92), оценила следующим образом: «Усубалиев хотел из киргизов сделать русских».

С началом перестройки и активного переосмысления исторического прошлого, когда в Киргизии шли жаркие дискуссии о судьбе национальной культуры, отмена преподавания киргизского языка и литературы была подвергнута жесткой критике и названа «волюнтаристским шагом»³³ — вполне в духе того времени. Выступая в конце 1987 г. во Фрунзе на научно-практической конференции по патриотическому и интернациональному воспитанию, Чингиз Айтматов отметил, что обучение русских киргизскому языку, конечно, задача благородная, но второстепенная на фоне главного: «С кем будут общаться русские, если киргизы сами не знают своего языка?»³⁴

В. Мокрынин дал событиям 1960-х гг. несколько иную, я бы сказала — более «понимающую» интерпретацию (22.09.98):

«В. М. ...с самого начала 60-х годов политика киргизского руководства была на русификацию киргизов. Я не думаю, чтобы они из Москвы получали какие-нибудь..., нет, нет, это наши чиновники сами.

Н. К. А почему именно в Киргизии так?

В. М. Я Вам скажу. Наш министр народного образования воспитывался в Москве, в МГУ, русская культура поразила его; он еще был такой дотошный пацан, он ходил по театрам, бродил везде... Он говорил — я ходил как лахудра, обтрепанный, но это меня не беспокоило, главное, еще билетик туда, еще туда. И он приехал сюда, уже кандидатом наук, и начал у нас преподавать на истфаке. А еще где-то через пару лет его забрали в Министерство образования. В начале 60-х он уже был министром. Я закончил университет, я попал в школу, он был моим преподавателем — стал моим министром. Он часто в школу приезжал, спрашивал, как, что... Он был такой народный министр. И он вообще запретил преподавать в русских школах киргизский язык.

Н. К. Из лучших побуждений как бы?

В. М. Они и правда были лучшие побуждения, потому что это было издевательство над киргизским языком. Учебников нет, ничего нету, полупьяных каких-то берут киргизов, они не имеют педагогического образования, ничего... <неразб.> преподавание киргизского языка в русской школе. Приходят, начинают преподавать как попало, над ними смеются, дети над ними издеваются...

Н. К. То есть получается эффект совершенно противоположный.

В. М. Абсолютно. Он увидел, что мы не готовы еще в русских школах изучать... мало того, также он поступил с историей, к сожалению.

Н. К. Историей Киргизии?

В. М. Она тогда еще не была создана, история Киргизии; он взял ее и как-то втиснул в историю СССР, где она и пропала. Учитель волен был и читать ее, и не читать. То есть эта русификация шла из самых лучших побуждений, не для того, чтобы уничтожить народ, уничтожить его культуру...».

Как бы то ни было, за несколько десятилетий сформировалась заметная по численности прослойка так называемых русскоязычных, или городских, киргизов (в отличие от кыргызов), преимущественно горожан и северян, где они и контактировали наиболее тесно с «русскими». Их культурно-лингвистическая компетенция характеризовалась не обычным для союзных республик титульно-русским билингвизмом разного уровня зрелости, а тем, что русский был первичным языком их социализации, при слабом владении киргизским (на бытовом уровне) или вообще без него.

С началом эпохи «национального возрождения» в языковой сфере, в том числе имевшего свои законодательные последствия, положение городских киргизов оказалось двойственным. С одной стороны, заменив в госструктурах многих «русских», они до сих пор представляют большую и влиятельную армию управленцев, чиновников, специалистов среднего и низшего звена, несмотря на появление в «Белом доме» нового хозяина, повлекшее сдвиги в основном в высших властных эшелонах. В то же время «возрожденческие» настроения в обществе заставили их почувствовать, особенно в первые годы, некоторую свою ущербность, неполноценность, породив психологическое неудобство и стремление «соответствовать». Тот же А. Иванов вспоминает такую, по его словам, типичную сценку начала 1990-х гг.: «Прогуливаюсь по Дзержинке [бульвар им. Дзержинского в Бишкеке. — *Н. К.*], еще не ставшей Эркиндиком. Тихое утро. Пустынная аллея. Навстречу идет симпатичная киргизская женщина с сыном-подростком. Плавная походка, светлый лик, поворот головы в темной шапке модно уложенных волос — все выдает в ней горожанку, причем не первого поколения. Еще издали, приметив их, я уловил русский говор. Но только мы приблизились друг к другу, лицо у нее напряглось и она, дернув сына за руку, заговорила с ним на ломаном киргизском»³⁵.

По различным оценкам, доля русскоязычных киргизов колеблется от примерно четверти до трети³⁶ всего киргизского населения страны (понятно, что точных статистических данных получить невозможно). Их численный вес в титульных элитах различной «отраслевой» принадлежности породил такой уникальный для постсоветских государств институт, как Лингвистическая комиссия, которая экзаменует кандидатов в президенты на знание литературного киргизского языка. На бытовом, «уличном» уровне наличие этой прослойки ощущается по тому факту, что киргизы нередко пользуются русским языком даже в общении друг с другом, что поражает «свежих» наблюдателей (советник российского посольства Борис Зайцев рассказал мне, как во время первого приезда в Бишкек в 1997 г. его удивила разговаривающая по-русски на прогулке семья киргизов (1.09.99)).

«Старая гвардия», которая социализировалась еще в советское время, продолжает поддерживать, наряду с собственно «европейцами», спрос на русскоязычное образование, культурную продукцию, информацию, услуги и т. п. Правда, в новых условиях независимости многие из таких киргизов, понимая всю значимость владения русским языком, все же повели детей в национальные детские сады и школы. Иначе трудно было воспитать в них гармоничное двуязычие, поскольку ни семья, ни говорящая преимущественно по-русски городская «улица» не могли решить эту задачу. По рассказу моей знакомой, русскоязычной киргизки, преподавателя вуза (осень 1996 г.), она намеренно отдала младшую дочь в киргизскую школу, наблюдая за комплексами своего старшего ребенка, получившего образование в Москве: «По-киргизски она говорит очень хорошо, но когда выходит на улицу — все равно начинает говорить на русском. Хорошо, что оба языка у нее параллельные, и она одинаково свободно говорит на обоих. Старшее же и среднее поколение очень трудно перестроить на двуязычие».

А вот среди киргизов, которые социализировались в «родной» среде, массовые настроения начала 1990-х гг. под рубрикой «Русский нам теперь не нужен!» довольно быстро сменились на противоположные. Уже в 1994 г. учительница из Григорьевки делилась своими наблюдениями: «Буквально два года назад, прямо эпидемией, из русских классов киргизы своих детей забрали. Вот они год-два проучились, в этом году я прихожу, уже девочка-киргизка из киргизского пришла в наш шестой, и вот соседка спрашивает — а можно мне перевести в русский класс?» О том же говорил и директор школы Малик Кадракунов (18.09.94): «В этом году в русские первые классы пришло киргизов человек пятнадцать. Их из киргизских классов перевели в русские классы родители».

В городах подобное поведение по отношению к образованию детей отличало, видимо, прежде всего «свежих» мигрантов, хорошо владеющих киргизским на разговорном уровне и практикующих его в семейном общении. Показательны в этом отношении наблюдения респондентки, которая после возвращения из России в Киргизию устроилась на работу воспитателем (осень 1998 г.):

«М. Знаете, когда все это начиналось, я ведь приезжала периодически в отпуск сюда, и в начале этой вот перестройки к русским очень плохо здесь относились, когда массовая эмиграция началась отсюда... даже с враждебными такими чувствами к русским относились. А вот сейчас я приехала, абсолютно поменялось уже отношение. Вот у меня сейчас заведующая киргизка в детском саду, и она так расположена ко мне... Я ее сразу предупредила, что я, наверное, долго работать не буду, и она, прямо не знаю, говорит: “Я умоляю Вас, ну оставайтесь”; родители у меня... всего пять детей, наверное, русских, а остальные все киргизы в моей группе; и со стороны родителей-киргизов такое отношение, подходят,

просят меня: “Вот у меня дочка плохо по-русски разговаривает, я Вас прошу, учите русскому языку”. Понимаете?

Н. То есть все как бы перевернулось?

М. Да, перевернулось, к русским стали очень даже хорошо относиться. Заведующая мне говорит, киргизка она сама, она говорит... у меня сменница киргизка тоже, она мне говорит: “Ко мне родители подходят и просят — поставьте вторую русскую, чтобы второй воспитатель у нас был русский”.

Н. Из-за языка?

М. Чтобы язык дети знали. Во-первых, обучение везде идет в вузах на русском языке, в школах на русском языке, потом вся документация ведется только на русском языке...».

Похожая ситуация и в частном учебном комплексе, в дошкольное отделение которого родители отдают детей, совсем не говорящих по-русски (из интервью 1999 г.):

«Н. А какие дети учатся?

О. Узбеки, и немцы, и кого только нет.

Н. Но если делить на киргизов и на русскоязычных, кого меньше?

О. Даже не могу Вам сказать... в школе не видно, а в саду, мне кажется, половина на половину.

Н. То есть киргизы в русскую школу, то есть в сад...

О. Да, даже приводят тех детей, кто не может разговаривать на русском, но с течением времени... Дети киргизов быстро адаптируются и быстро понимают русский язык.

Н. Даже если они до четырех лет... Это ведь достаточно поздно...

О. Но они достаточно быстро это осваивают.

Н. То есть их быстро переучивают на русскую основу?

О. Да, дома они общаются с родителями, а в саду это все потихоньку идет, и они уже к школе владеют нормально русским языком, русским и киргизским. Ну, есть, конечно, акцент, но мы даже не обращаем на это внимание».

Инженер из Бишкека, который рассказал об аналогичном опыте своей жены — воспитателя детского сада, и потом перешел к более широким обобщениям, особо подчеркнул связь между образованностью родителей и интересом детей к русскому языку:

«С. Вот у нас все дети во дворе; вот они с родителями, я думаю, на киргизском языке говорят, да, а стоят киргизские дети, чисто киргизские дети, пять человек, и они говорят между собой на русском языке.

Н. Они, наверное, в русских школах учатся...

С. Нет, есть в киргизских школах, но просто... это ведь зависит от родителей. Если они не будут заставлять по-русски, он не будет... А откуда он получит все? Как он будет читать книги, как будет смотреть

телевизор, научно-популярные программы, если он будет знать только киргизский язык? Это участь одна будет — на базар, и все. Поэтому у человека будет информационный голод, он ничего не будет знать, он будет мыслить только на бытовом уровне... Поэтому я считаю, если родители умные, грамотные, они этот вопрос не будут допускать... По крайней мере, вот дом наш, на 90 с лишним процентов люди с высшим образованием, мне кажется, из наших... такое в голову не придет...

Н. *Что в голову не придет?*

С. *Ну, что забрасывать русский язык. Другое дело, я понимаю, дело-производство в Жогорку Кенеше или в правительстве, в аппарате президента...».*

Стратегия активного освоения русского наблюдается и у прибывающей в города сельской молодежи, окончившей киргизские школы. Представляя наиболее мобильную часть сельского населения, они хорошо понимают, что ведение мало-мальски цивилизованного бизнеса, образовательный рост и карьера в большинстве областей трудно осуществимы без владения русским языком. Похожую историю уже «проходили» в советское время. По воспоминаниям А. Иванова, в бытность свою студентом филфака он делил комнату в общежитии с молодым парнем из села, и они условились говорить дома только по-киргизски. «Тура, — одобрил Курманбек. Но... продолжал общаться со мной на русском языке. Сколько я ни бился, все было напрасно. Он вроде бы и соглашался со мной, но сам использовал любой момент, чтобы совершенствовать свою русскую речь. Может, его стремление было сильнее? Во всяком случае из нас двоих своей цели достиг только Курманбек: он стал известным переводчиком с русского на родной язык»³⁷. Интересными впечатлениями на данную тему поделился со мной молодой исследователь-тюрколог из Польши Мариуш Маршевский. Согласившись на годичную стажировку в Киргизии в 2001 г., он надеялся освоить киргизский язык, однако люди, составлявшие круг его знакомств в одном из бишкекских студенческих общежитий, да и остальные киргизы, с которыми пришлось сталкиваться, предпочитали общаться на русском. В результате именно свой русский Мариуш довел в Киргизии до весьма высокого уровня.

Наконец, в самые последние годы важным фактором, подстегивающим интерес киргизов к русскому языку — в частности, жителей наиболее отсталых в экономическом отношении районов, где что с русским, что с киргизским трудно заработать на кусок хлеба, стали миграционные планы, связанные с Россией или Казахстаном. Так, интересные результаты были недавно получены в ходе обследования, проведенного Фондом «Сорос-Кыргызстан» (сообщение Нургуль Асылбековой, апрель 2004 г.): в отдаленных киргизских селах, где рус-

ских практически нет (или уже нет), родители школьников требуют, чтобы русский преподавался их детям на высоком уровне, причем не местными учителями, а носителями языка. Социолог Юлия Алёшкина (консалтинговое агентство «Эксперт»), часто бывающая в командировках на юге страны, рассказала мне летом 2005 г., что там уже устоялся размер взятки (10 тыс. сомов, примерно 250 долл. — огромная для местных жителей сумма!) за возможность попасть в класс с русской учительницей.

Если советские времена можно считать периодом активного навязывания русского языка «сверху» (хотя и при несомненной поддержке «низов»), то в период независимости постепенно складывается ситуация, при которой титульно-русский билингвизм формируется на объективной и вполне добровольной основе объективного и вполне добровольного доминирования русского языка.

Российский историк Сергей Кляшторный, который принимал участие в одной из моих бесед с В. Мокрыниным (26.08.99), ссылаясь на опыт прежних империй — Римской, Британской, сравнил русский язык на здешних территориях с улыбкой чеширского кота: «Даже если русских здесь не будет — русский язык будет. Вопрос о русском языке давно оторвался от русских, и лишь дураки делают его признаком национальным...». Думается, что именно в Киргизии описанные особенности ее давней и близкой нам этнолингвистической истории дают основания для подобного вывода. Но это *de facto*...

История со счастливым концом?

Если же говорить о законодательной стороне, то на поставленный вопрос четкого ответа пока нет. Во время обсуждения в августе 2003 г. этносоциальной обстановки в Киргизии с социологом Мирой Карыбаевой, она обратила мое внимание на важный политический аспект «языковой проблемы». Видные представители южных кланов, отлученные от власти не только длительное время «при русских», но и в период независимости, надеялись, «вот, эти русскоязычные киргизы — чиновники, теперь их уберут или они сами уйдут, и настанет наш час; выучат язык — хорошо, а нет, придем мы, киргизоязычные киргизы». Однако то, что русский практически не сдал своих позиций, а превращение его в официальный язык лишь укрепило «северных», породило большое разочарование и стремление к реваншу. Безусловно, эта проблема «вписана» в более широкий контекст северо-южного перетягивания властного «каната».

На сюжетном уровне события последних лет выглядят следующим образом. В конце 2003 — начале 2004 г. активизировалась дискуссия о

необходимости принятия «Закона о государственном языке Кыргызской Республики», направленного, как следует из его названия, в поддержку киргизского языка. Наверняка, среди тех, кто думает о такой поддержке, есть люди, искренне озабоченные трудностями его развития — и организационными, и финансовыми, и культурно-лингвистическими³⁸. Однако магистральные линии дискуссии в парламенте явственно свидетельствовали о корыстно-политической подоплеке законодательных новаций в преддверии года двойных выборов. Речь шла о переводе определенной доли вещания телеканалов на государственный язык (чтобы информировать о ходе выборов многочисленный сельский электорат) и о различных вариантах внедрения этого языка в работу государственных органов (а это опять все та же проблема «перетягивания каната»). В результате 14 февраля 2004 г. закон был принят во втором чтении. По одной из самых спорных статей, породивших жаркие дискуссии (она предписывала госслужащим обязательное знание государственного языка в объеме, необходимом для выполнения своих обязанностей) был достигнут компромисс: круг таких служащих был сужен, а перечень должностей надлежало определять правительству.

Последовавший общественный резонанс был существенно слабее, чем девятью годами ранее, когда принималась Конституция с ее 5-й языковой статьей. Проблема отодвинулась в сторону; не произошло и перевода делопроизводства на государственный язык. Для населения все более важными становились заботы о выживании, а для конфликтующих групп элит борьба за власть, что и привело к смене режима в марте 2005 г.

Характерен следующий момент: хотя в дискуссиях до и после принятия «Закона о государственном языке» принимали участие «русские» журналисты и активисты русскоязычных организаций, воспринявшие его с беспокойством, главными спорящими сторонами оказались различные силы внутри собственно киргизского истеблишмента³⁹.

По мере стабилизации положения к концу 2005 г. и пользуясь приближающейся конституционной реформой, о языках заговорили опять. Из самых последних новостей ноября стало известно, что активисты ряда достаточно радикальных общественных организаций и политических партий («Асаба», «Ашар» и др.) потребовали у президента и разработчиков нового варианта Основного закона лишить русский язык его статуса. В ответ «Русский объединительный союз соотечественников» (РОСС) обратился к Курманбеку Бакиеву с заявлением протеста. Руководитель его пресс-службы так озвучил позицию президента: «Необходимо сохранить статус русского языка как официального. Глава государства выступает за повышение роли русского языка не только как инструмента межнационального общения, но и в каче-

стве надежного средства связи с другими странами и народами, где большинство говорит на языке Пушкина»⁴⁰.

Как дальше будет развиваться пока в целом благополучная ситуация вокруг русского языка в Киргизии? Скорее всего, при глубокой погруженности проблемы статуса двух языков в сложный исторический контекст отношений не только киргизов и «русских», но и различных сегментов самого киргизского сообщества, она и впредь будет становиться объектом политических схваток внутри титульных элит, а также борьбы за духовное лидерство в среде титульной интеллигенции. Нельзя не видеть и важных внешнеполитических/внешнеэкономических аспектов «языкового вопроса». Здесь и место Киргизии в рамках СНГ, и ее отношения с Россией и Западом, а также то обстоятельство, что на российских просторах трудятся сотни тысяч ее граждан разных национальностей и, возможно, не меньшее их число мечтает о такой возможности.

Как сторонник полифонии человеческой цивилизации, не могу также не отметить, что даже при самом либеральном законодательстве и предоставлении русскому языку «режима наибольшего благоприятствования» нельзя считать нормальным то положение дел, что «европейцы» и многие «городские» киргизы плохо знают или совсем не знают киргизский. Очевидно, что при прочих равных условиях деньги и время являются наиболее узким местом в решении этой сложнейшей проблемы. Директор григорьевской школы М. Кадракунов, показывая мне чудесный и увы, недопустимо дорогостоящий учебник киргизского языка, заметил, что о гармоничном межкультурном взаимодействии в республике на базе билингвизма киргизов и «русских» мы сможем говорить лишь тогда, когда такие учебники на протяжении минимум двух десятилетий будут доступны каждой семье. Но крайне важна и позиция властей, общества; психологическая атмосфера вокруг приобщения к «языку Манаса». И потому завершить главу хотелось бы словами В. Мокрынина, под которыми, будь я гражданкой Киргизии, подписалась бы обеими руками:

«Если нужно будет учить киргизский, буду учить. Буду учить без всякого там... Я-то прекрасно знаю, что альтернативы двуязычию нет, но одно дело — когда тебя бьют по затылку и заставляют нагнуться над книгой, и другое дело — вот, пожалуйста, вот тебе все условия, изучи хотя бы все приветствия на киргизском языке. А дальше пойдет...».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Узбекистане, например, где принятый в 1995 г. «Закон о государственном языке» является наиболее жестким по сравнению с соответствующими законодательными нормами других стран региона, ввод в действие основных его положений был отложен как минимум на десять лет.

- ² Language Policy and Ethnic Relations in Uzbekistan // *Smith G., Law V., Wilson A., Bohr A. et al. Nation-Building in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identity.* Cambridge, Cambridge University Press, 1998. P. 197, 199.
- ³ К сожалению, в России очень мало специальных работ по данной тематике (достойна упоминания работа В. Алпатов «150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства», М., 2000), а на Западе она активно разрабатывается весь постсоветский период. Если говорить прицельно о Центральной Азии, то, кроме упомянутой главы А. Бор из монографии «Национальное строительство на постсоветской периферии», хочу выделить специальный номер журнала «Post-Soviet Affairs» (Palm Beach, 1996, v. 12, № 1), посвященный языковой политике и ее последствиям на Украине, в Эстонии, Латвии и Казахстане; фундаментальную монографию Дэвида Лейтина, одним из сюжетов которой является лингвистическая интеграция русскоязычных на примере тех же стран (*Laitin D. D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad.* Ithaca & L., Cornell University Press, 1998); информационно насыщенную книгу «Языковая политика в постсоветских мусульманских государствах» (*Landau J. M., Kellner-Heinkele B. Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim States.* L., Hurst and Company, 2001) и содержащий две статьи о Киргизии сборник «Language Policy and Language Issues in the Successor States of the Former USSR» под редакцией Сью Райт (*Sue Wright*); *Multilingual Matters*, Clevedon, Short Run Press, 2000. Из работ киргизстанских авторов представляют интерес периодические сборники «Русский язык в Кыргызстане» (Бишкек, 1998, 2000, 2002), а также работы Абдыкадыра Орусбаева (см., напр.: *Орусбаев А. О. Языковая жизнь Киргизии.* Фрунзе, 1990; *он же.* Судьба русского языка в Киргизии // *Русские в Кыргызстане. История, культура, этнография.* Бишкек, 2002; *он же.* Русский язык в независимой Киргизии // *Дiasпоры.* М., 2003. № 1).
- ⁴ См.: Свободные горы (газета). Бишкек, 1993. № 25, апрель.
- ⁵ О полемике в прессе см., напр.: *Иманалиев А.* Шанс, который нельзя упустить // *Слово Кыргызстана* (газета). Бишкек, 1993, 28 апреля; *Исаев Б.* Аминь? // *Свободные горы.* 1993, № 32, май; *Ералиев И.* Не рушить мост, нас соединяющий // *Слово Кыргызстана.* 1993, 13 февраля; *Шаршеналиев Ж.* За разумную политику реформ // *Res Publica* (газета). Бишкек, 1993, 1 мая.
- ⁶ Конституция Кыргызской Республики. Бишкек, 1996. С. 58.
- ⁷ Слово Кыргызстана. 1993, 7 мая.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Сыдыкова З., Калашиников Л.* И эта боль — твоя и моя // *Res Publica.* 1993, 22 мая. С. 2.
- ¹⁰ Подр. см., напр.: Слово Кыргызстана. 1994, 14 сентября.
- ¹¹ Наша газета. Бишкек, 1998, 19 сентября.
- ¹² Полный текст закона см., например, в: Слово Кыргызстана. 2000, 30 мая.
- ¹³ Конституция Кыргызской Республики (на десяти языках). Бишкек, 2003. С. 58.
- ¹⁴ *Момунов Н.* Главное средство межнационального общения // *Независимая газета.* М., 2000, 7 июня.
- ¹⁵ *Расулов К., Жолмухамедова Л.* Язык — хрупкий мостик от народа к народу. Бишкек, 1994–1995. С. 3–4.
- ¹⁶ Сам же топоним Бишкек (Пишкек) закрепился за данной территорией гораздо раньше; по поводу его происхождения существуют различные версии, обращающиеся к киргизским преданиям, истории древних киргизов, характеру местности и пр. (подр. см., напр.: *Эшенкулов Т.* Бишкек! Что в имени твоём?.. // *Res Publica.* 1993, 22 мая. С. 4).
- ¹⁷ Подр. см.: *Ярков А. П.* Казаки в Кыргызстане. Бишкек, 2002. С. 20–22; *История кыргызов и Кыргызстана.* Отв. ред. В. М. Плоских. Бишкек, 1998. С. 125–126, 136–137.
- ¹⁸ Подр. см., напр.: *Голендер Б.* Окно в прошлое. Туркестан на старинных почтовых открытках (1898–1917). Ташкент, 2002. С. 21–25.
- ¹⁹ *Абдуллаев Е.* Русские в Узбекистане 2000-х гг.: идентичность в условиях демодернизации // *Дiasпоры.* М., 2006. № 2 (в печати).

- ²⁰ И в целом сфера применения русского языка остается достаточно широкой, в том числе, пока еще, и в образовании, а главное, там, где меньше «государства» — в бизнесе и «межнациональном» общении (подр. см., напр.: *Подпоренко Ю.* Бесправен, но востребован. Русский язык в Узбекистане // *Дружба народов*. М., 2001. № 12; *Космарский А.* Смыслы латинизации в Узбекистане (конец XX — начало XXI века // *Вестник Евразии*. М., 2003. № 3. С. 75–78).
- ²¹ Читателю может быть интересно сравнить восприятие постсоветского Ташкента местным исследователем (см. вышеуказанную статью Е. Абдуллаева, а также, *он же*: Закон сохранения (заметки о «Ташколе» // *Малый шелковый путь*. Вып. 4. Ташкент, 2003. С. 146–148; 158) с наблюдениями аутсайдера (*Космарский А.* Москвич в Ташкенте: опыт освоения города в парадном, повседневном и сакральном аспектах, <http://urbstashkent.narod.ru>).
- ²² МСН (газета). Бишкек, 2003, 22 августа. С. 4.
- ²³ *Витковская Г. С.* Вынужденная миграция в Россию: итоги десятилетия // *Миграционная ситуация в странах СНГ*. Под ред. Ж. А. Зайончковской. М., 1999. С. 192.
- ²⁴ Там же. С. 193.
- ²⁵ Там же. С. 192.
- ²⁶ В 1998 г. в Киргизии в вузах обучалось 25% молодежи (около 28% в России и на Украине и 5% — в Узбекистане (цит. по: *Абдуллаев Е.* Русские в Узбекистане...)).
- ²⁷ Общественный рейтинг (газета). Бишкек, 2003, 3 июля.
- ²⁸ В 2003 г., например, по результатам тестирования, на 5 тыс. «бюджетных» мест претендовало 34 тыс. абитуриентов (Общественный рейтинг. 2003, 3 июля).
- ²⁹ Около 90% респондентов не сталкивались с трудностями при общении с соседями; 74,5% — при посещении общественных мест; 70,7% — при выполнении профессиональных обязанностей (наличие серьезных трудностей отметили, соответственно, лишь 1,6%, 2,2 и 5,7% участников опроса, а небольших — 7,4, 23,3 и 23,6%).
- ³⁰ Сумма ответов здесь и на следующем графике превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать одну, две или три из предложенных позиций.
- ³¹ Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., сельскими жителями были 30% русских в Киргизии, 23% в Казахстане и от 6 до 3% в Таджикистане, Узбекистане и Туркмении (см.: *Русские. Этносоциологические очерки*. Под ред. Ю. В. Арутюняна. М., 1992. С. 25).
- ³² *Иванов А.* Дом, а не зонтик над головой // *Россияне в Кыргызстане*. Бишкек, 1998. С. 152.
- ³³ См., напр.: *Sober J.* Nationality Issues Under Review in Kirgizia. Radio Liberty Research, RL 49/88; January 29, 1988.
- ³⁴ Ibid. P. 9.
- ³⁵ *Иванов А.* Дом, а не зонтик над головой... С. 160.
- ³⁶ См., напр.: *Wright S.* Kyrgyzstan: The Political and Linguistic Context // *Language Policy and Language Issues in the Successor States of the Former USSR...* Ed. by S. Wright. P. 88; Независимая газета. 2004, 14 февраля.
- ³⁷ *Иванов А.* Дом, а не зонтик над головой... С. 151.
- ³⁸ Одна из наиболее ярких статей из «культурной» части дискуссии — интервью Замира Осорова с журналистом Эсенбаем Нурушевым, входящим в число лучших знатоков киргизского языка в республике (см.: *Язык манкурта* // МСН. 2003, 1 августа).
- ³⁹ См., напр.: *Маматаинов Э.* Дикторы заговорят по-кыргызски? Мнения депутатов разделились // *Gazeta.kg*, 25.11.03; <http://www.centrasia.ru/news2.php4?st=1069748340>; *Карабеков К.* Мы не в Прибалтике. Киргизии надо развивать оба языка // 9.01.04; <http://www.centrasia.ru/news2.php4?st=1073624580>; *Богданов А.* Мзда за язык. Киргизские депутаты выясняют, кто из них мырк // *Газета СНГ*, 18.02.04; <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1077051660>.
- ⁴⁰ *Маратова М.* Потянули за язык. Жаркие страсти вокруг русского в Киргизии // *Деловая неделя*, 25.11.05; <http://www.centrasia.org/newsA.php4?st=1133041140>.

ФЕНОМЕН ВОЗВРАТНОЙ МИГРАЦИИ

Возвращение вынужденных переселенцев обратно в страны выезда — исключительно важная научная, политико-правовая и гуманитарная проблема. Это особый штрих к картине постсоветских миграций; явление, затронувшее судьбы десятков тысяч людей¹. И она же, как ни странно на первый взгляд, осталась практически неисследованной. Мне, например, не известно ни одной научной или хотя бы публицистической статьи на данную тему. Тому можно дать как минимум два взаимосвязанных объяснения: 1) позиция миграционистски ориентированного экспертного сообщества и 2) трудности прямого определения масштабов явления.

Экспертные мнения и количественные параметры

Впервые рассказывать коллегам о своем опыте изучения возвратной миграции мне довелось в ноябре 1996 г., когда на заседании Отдела стран СНГ Института востоковедения РАН сотрудники, вернувшиеся из экспедиции в Киргизию и Таджикистан, и я в том числе, докладывали о ее результатах. Запомнилось, с каким сомнением к самой идее возможности возврата отнеслись некоторые из присутствовавших. Годом позже, уже на более официальном мероприятии в тех же стенах — ситуационном анализе на тему: «Этнические миграции в Россию из республик бывшего СССР: причины, следствия, возможности регулирования», я делала доклад о положении русскоязычных в Киргизии. В нем излагались уже не просто полевые впечатления, а результаты опроса, в том числе и касающиеся информированности русскоязычных Бишкека о возвратной миграции. Реакция вновь была странной: в реальных фактах усмотрели результат пропагандистской кампании в СМИ.

Такую реакцию никак нельзя считать адекватной, поскольку более половины опрошенных (и в 1996, и в 1998 г.) отметили, что **лично знакомы** с людьми, вернувшимися из России (подр. см. гл. 1 данного раздела). Кроме того, забегая вперед: в Киргизии, судя по моему опыту нескольких достаточно длительных экспедиций, во время которых внимательно изучались и печатные СМИ, и телепрограммы, тема

возвратной миграции не пользовалась большой популярностью и не была особым объектом идеологических «поисков властей»².

Возможно, данное обстоятельство составляет специфику Киргизии, а в других странах ситуация в сфере «пропаганды и агитации» обстоит иначе. Так, Андрей Грозин, которого уже можно считать российским исследователем, хотя ранее и жившим в Казахстане, трактует тему возвратной миграции в этой стране³ следующим образом: «Не успел Н. Назарбаев в июле 1997 г. в “Независимой газете” указать на то, что многие русские, уехавшие из Казахстана в Россию, возвращаются назад, как дотируемые государством СМИ начали разворачивать кампанию по внедрению этой информации в общественное сознание: брать интервью у “возвращенцев”, описывать то, как “русские русские” недружелюбны к русским из Казахстана и т. д. Назывались даже не поддающиеся никакой проверке цифры в 100 и даже 300 тысяч вернувшихся»⁴. Пусть ситуация в СМИ действительно складывалась именно так, как описывает А. Грозин, но то обстоятельство, что он ни слова ни говорит о возвратной миграции как о реальности⁵, а подает ее как «наговор» казахских националистов, не прибавляет доверия к авторской позиции. Хотя цифры и могут вызвать законные сомнения, но сам феномен вполне поддается социологическому анализу, если, конечно, не считать его лишь порождением чьей-то злой воли. Замечу также в скобках, что якобы педалируемый казахстанской прессой тезис о недружелюбном отношении россиян к приезжим — истинная правда, и многие тысячи жителей постсоветских стран, переживших массовые миграции в Россию, узнали об этом отнюдь не из контролируемых властями средств массовой информации.

Некоторые киргизстанские эксперты, не рискуя трактовать возврат как нечто мифическое (проживая в стране, невозможно заткнуть уши и закрыть глаза на определенные факты), интерпретировали ее достаточно своеобразно: едут назад неудачники; люди, неспособные принимать ответственные решения, справляться с естественными в ходе переселения трудностями. Напомню приведенную выше (см. гл. 1, с. 76–77) весьма нелицеприятную характеристику «возвращенцев» Григорием Пядуховым. Михаил Рудов заметил в беседе со мной, что возвратная миграция не способствует благоприятному развитию республики; этих людей надо трудоустраивать; это неудачники, у них нет предприимчивости, того образования, которое могло бы помочь пробиться в России (встреча состоялась 8.09.1998). И вообще, продолжил он, это такое незначительное явление, что о нем говорить!?

Вот как отреагировал на мою просьбу прокомментировать проблему возврата Валерий Вишневский, председатель Славянского Фонда Киргизии:

«Если человек разумный, он взвешивает, и любой переезд, куда бы он ни переезжал, есть свои за и против. Разумный человек, выезжая отсюда, он на чашу весов кладет все, что теряет, и т. д. Поэтому возвратная сегодня миграция — это в основном те люди, которые чего-то недодумали» (15.10.96).

Подобный ход мыслей низводит серьезный социальный феномен до уровня личных недостатков вовлеченных в него людей⁶.

Другие специалисты дали более реалистичную и многоплановую оценку, причем практически все они затронули интересующую нас тему по своей инициативе. Особенный интерес вызывает мнение экспертов, которые в силу профессиональных обязанностей имели доступ к социологической информации и/или общались с большим числом людей. Одни ограничились констатацией, как, например, профессор социальной психологии Арон Брудный (7.10.96) или журналист Виктор Запольский. Последний следующим образом ответил на вопрос о том, какие категории русскоязычных чаще всего уезжают (10.10.96):

В. З. *Уезжают те, кому есть куда уезжать, у кого есть родственники, в Ульяновской области, в Сибири. Здесь вообще очень много русских из Сибири, которые когда-то приехали из-за работы.*

Н. К. *То есть они не уроженцы?*

В. З. *Да. Это раз. Во-вторых, уезжают те, кто не имеет здесь работы. Многие крупные предприятия, которые давали в основном рабочие места, они не работают. Людям надо как-то устраиваться... Процент тридцать, наверное, возвращаются назад, снова покупают квартиры или у родственников оседают...».*

Выдержки из других интервью довольно пространны, поскольку тема возврата оказалась неотделимой от всего комплекса проблем, обсуждающихся в данном разделе книги: почему меньше уезжают, что изменилось, как все сложится дальше, от чего и от кого это зависит, и т. д., и т. п. Так, большое внимание проблеме возвратной миграции уделила в своем интервью этносоциолог Айнура Элебаева (2.10.96):

Н. К. *...Вы считаете, что в России эти русские не нужны?*

А. Э. *Да, потому что она сама переполнена квалифицированными кадрами. Уезжают действительно мобильные люди. А всякая пьянь и рвань, она нигде не уезжает. Ей не найти денег на жилье в России и т. д. И существуют очень большие культурные барьеры между приезжающими и теми, кто там живет. У меня муж “технар”, у него многие по работе возвращаются, испытывая прямо враждебное отношение со стороны местного населения.*

Н. К. *Значит возврат, Вы считаете, имеет место? А с чем Вы это связываете?*

А. Э. *Я думаю, что возвращаются в Киргизию именно те, кто уехал. В определенной мере я это связываю с благоприятной динамикой ситуации в Киргизии. Ну куда еще могут вернуться люди? По сравнению с Казахстаном у нас дешевле жилье... Кроме того, здесь было какое-то окружение, какие-то знакомые. Человеку сложно начинать на голом месте. Наверное, в Киргизии все-таки более благоприятная ситуация. В Казахстане ситуация сложнее, я смотрела, потому что противостояние казахского и русского этноса в связи с Северным Казахстаном существует, казачество обостряет проблему. В Узбекистане же пропорция русских значительно меньше. И психологическая ситуация лучше в Киргизии, и природно-климатические условия. У нас русские проживают в долинах. На Иссык-Куле очень многие русские вернулись, я сама оттуда по отцу. Там природные условия такие, что крепкому хозяину можно жить нормально. Там они и пчел держат, и земля очень неплохая: картошка хорошая родится, яблоки. Лучшие там жили, зажиточнее именно русские. Они больше привыкли работать на земле, у них есть традиция земледелия. Наши, что и говорить, больше привыкли к животноводству.*

Н. К. *Вы говорите о факторах притяжения Киргизии. А что Вы можете сказать о факторах выталкивания? Причины того, что они не проживаются в России?*

А. Э. *Они вынуждены ехать в сельскую местность, а городскому населению очень тяжело там адаптироваться. Это раз. И очень часто они не могут найти работу по специальности. И второй момент, я разговаривала с людьми, это враждебное отношение со стороны местного населения. В этой сельской глубинке, Вы же сами знаете, какой уровень хозяйствования, и уровень алкоголизма также высокий. Приезжают же люди с хорошим материальным достатком. Они продали свои дома неплохие, машины часто. И эти люди везде, не только в России, они вызывают какое-то чувство отторжения: чужие, они будут обогащаться за наш счет. Эта реакция бывает очень часто. Рассказывали, что поджигали, вредили, какие-то козни устраивали».*

Консул посольства России Юрий Шаповалов связал возвратную миграцию с фактором России (03.10.96):

«Приостановка миграции, по моему мнению, связана в большей степени с трудностями обустройства в России. Там сейчас фактически все забито. Устроиться где-то в районном центре, не говоря уж об областном, практически невозможно. Очень большие ножницы цен на жилье здесь и там.... Плюс социальная среда совершенно иная, сельская местность, все это учитывается. Поэтому есть и отток обратно. Это тоже существенный момент, который здесь задерживает людей, потому

что сама схема миграции сейчас изменилась. Если раньше просто бежали отсюда, снимались и ехали куда-то, сами не зная куда... Сейчас же, как правило, отъезд готовят... Если суммировать мои наблюдения за четыре года: в 1992–1993 годах уехать, любыми путями бежать; 1994 — конец 1995 — бежать стало трудно. Потом оказалось, что очень дорого. Равноценный уровень жизни получить практически невозможно. Определенная часть начала возвращаться, потому что жить в глубинке в России, это очень тяжело. Это тоже останавливает...

Н. П. Если судить по статистике, в Киргизию возвращается больший процент уехавших. Связано ли это с тем, что здесь более благоприятная ситуация по сравнению с другими республиками?

Ю. Ш. На сто процентов. Отсутствия веры в перспективы в Казахстане и Узбекистане гораздо больше, чем здесь. Из двух зол выбирают меньшее. Здесь все-таки можно жить. Худо-бедно человек жить не хочет, он хочет жить нормально».

Весьма сбалансированную трактовку предложил социолог Владислав Потоцкий (4.10.96):

«Н. К. Как бы Вы охарактеризовали причины достаточно резкого сокращения миграции в Россию?

В. П. Первая главная причина — это то, что все, кто там был и вернулся назад, или те, кто уехал и сейчас пишет, они жалуются на то, что в России ты становишься человеком второго сорта, даже в глубинке, а здесь ты на равных. Здесь же говорили о том, что я человек второго сорта, если ты не киргиз, например, только тогда, когда ты хотел подняться куда-то на уровень государственного служащего, хотел занять какой-то хороший пост. Вот там все начиналось. А когда идешь по улице — ничего подобного: ты равный среди граждан. И, больше того, ты некоторое преимущество имеешь, поскольку ты к цивилизации привык, а киргиз, который спустился с гор, менее цивилизован. И поэтому на уровне обыденном русские людьми второго сорта себя не ощущали. А на служебных лестницах повыше — там да. А традиции равноправия, которые были, они остались. А в Россию ты приезжаешь, даже на бытовом уровне ты уже человек второго сорта. Вот это — первая и главная беда. Второе — это экономические трудности и разница в ценах... Ну, а в-третьих, действительно, разница менталитета все-таки сказывается. И особенно жалуются те русские, которые мигрировали в российскую деревню... А вторая группа причин местная, поскольку здесь стабильность все-таки сохраняется. С 1991 года, после Ошских событий, она все-таки более-менее идет. В конце концов у людей вырабатывается такая установка: если уж тут прижмет и придется удирать, то какая мне разница, тогда удирать или сейчас? Сейчас я удираю и бедным становлюсь, или я потом поеду в таком самом положении? Лучшие потом, по крайней мере здесь я нормально поживу.

Н. К. *Вы упомянули о вернувшихся. Чем Вы это объясняете? Опять же, российскими проблемами? Есть ли какие-то особые категории, которые возвращаются? Например, из сельской местности?*

В. П. *Категорий особых, вероятнее всего, нет, поскольку все, кто отсюда выезжает, они примерно в одинаковых условиях в России оказываются; имеешь ли ты специальность и квалификацию высокую или не имеешь, все равно там тебе приходится очень туго пробиваться и завоевывать место под солнцем. А в рамках здешних, те, кто здесь имел какие-то перспективы в силу своей квалификации, то он, оценив обстановку там, решает жить в Киргизии, потому что здесь, все-таки, больше возможности эту квалификацию применить, здесь никто палки в колеса совать не будет.*

Н. К. *В неформальном секторе?*

В. П. *Да. Насчет того, что возвращаются больше из сельской местности, я пока не могу сказать точно, поскольку мы не проводили исследований. Я могу только предположить, что из сельской местности идет возврат больше, чем из городской, потому, что в городах там где-то еще можно что-то найти для себя, а в село долго вживаться нужно».*

Приведу также мнение практиков, работающих в сфере миграции. Чолпон Джакупова, на момент интервью (11.09.98) руководившая соответствующим управлением Министерства труда и социальной защиты Киргизской Республики, отметила, что прекрасно знает о возврате русских переселенцев. Материальным подтверждением его служат данные об отчуждении жилья иностранцами. Добавила, что в отряд «возвращенцев» вливаются и те, кто всегда жил в России, но имеет родственников в Киргизии (однако их немного). По мнению Ч. Джакуповой, фактор притяжения — то, что земля может кормить весь год. В основном в Киргизию возвращаются из России и Казахстана.

О возвратной миграции как о явлении, ставящем новые задачи перед законодателями, писали эксперты ФМС, авторы аналитического отчета по Киргизии: «Россияне, получившие гражданство РФ в порядке регистрации, которые выезжали в Россию, но не смогли там устроиться, вернулись обратно Киргизию и хотят восстановить киргизское гражданство, поскольку иностранцам невозможно приобрести жилье и трудно устроиться на работу»⁷.

«Общественное мнение» также, естественно, фиксировало информацию о возвратах. Впервые о таких людях я услышала еще в сентябре 1992 г., в ходе самой первой экспедиции в Киргизию. Один из русскоязычных жителей с. Корумду сказал, что многие из тех, кто уехал, примерно полгода назад начали возвращаться, назвал конкретные фамилии. В 1993 г. Малик Кадракунов, директор средней школы

с. Григорьевка (Иссык-Кульская область), отметил в беседе со мной: «Русские уезжают, другие приезжают, а некоторые возвращаются». Тогда же о своих вернувшихся знакомых рассказала и секретарь Славянского Фонда Лариса Демина. Осенью 1994 г. четверо из 45 проинтервьюированных респондентов, все жители сел, также упомянули о том, что ранее уехавшие приезжают обратно. Тот же М. Кадракунов, с которым состоялось продолжительное экспертное интервью (18.09.94), сказал следующее:

«М. К. А отношения между людьми — уже намного стало мягче, это мне нравится. В селе хорошо сейчас. Те, которые слишком желали уезжать, уже кое-кто назад приехал. Я сейчас список веду, я семей не знаю, это сельсовет знает, но ко мне приехали 38 детей.

Н. К. Это за какой период?

М. К. Это к новому учебному году.

Н. К. Это между концом и началом нового учебного года?

М. К. Да, июль, август — за два месяца.

Н. К. Русские?

М. К. Не только, есть русские, казахи, киргизы. Но 17 человек из них русских приехало, и это хорошо. Люди возвращаются, оттуда, отсюда... У нас сейчас контингент как-то изменился, учащиеся, учителя...

Н. К. А почему?

М. К. Потому что те русские, которые уезжали отсюда, дома продали; на их место приехали, я уже говорил, 17 семей русских приехали за лето, остальные семьи киргизские, казахские... Они приехали... знаете, у нас какая-то своя традиция в школе, свои требования, мы немного расстроились, их ведь надо подтянуть к этому уровню...

Н. К. Я еще хотела уточнить... 17 семей — это те, кто вернулся, да?

М. К. Да.

Н. К. Из России?

М. К. С России приехали три семьи назад, остальные отсюда уезжали в Каракол [областной центр. — Н. К.], в Бишкек, в Сокулук и т. д., теперь вернулись.

Н. К. И получилось вместе 17 русских семей?

М. К. Да».

Далее М. Кадракунов подробно рассказал истории переселения, жизни в России и возвращения двух семей — своих соседей и родственников (жена эксперта — русская), а также отметил, что за прошедшее лето (1994 г.) из села уехало меньше семей (четыре-пять), чем вернулось (из России и из других мест). Эти данные получили подтверждение в ходе интервью с одной из жительниц села (18.09.94), которая сказала, что за последний месяц «насовсем» из России вернулись четыре семьи бывших жителей Григорьевки.

Собранную информацию я сочла достаточной, чтобы начать изучать проблему глубже. Соответствующие вопросы были включены в план интервью с вынужденными переселенцами в России (села Орловской области, 1995 г.). Из 106 проинтервьюированных тогда выходцев из различных стран Центральной Азии свыше 70% положительно ответили на вопрос о том, слышали ли они о людях, переехавших в Россию и вынужденных вернуться обратно. Участников опросов в Бишкеке в 1996 и 1998 г., как уже отмечалось, также спрашивали о знакомстве с фактом возвратной миграции и с самими «возвращенцами».

Именно начиная с экспедиции 1996 г., в сравнении с предыдущими поездками, я обратила внимание, что данная тема гораздо активнее артикулируется населением. Многие киргизстанцы разных национальностей, с которыми я сталкивалась как исследователь и на бытовом уровне — интервьюеры, эксперты, коллеги, друзья, знакомые — слышали о возврате, имели свое суждение, задумывались о причинах, вспоминали о конкретных людях, приехавших назад. Мои полевые дневники хранят немало записанных в основном во время последних трех экспедиций историй двойного переселения; правда, как научный материал они анализироваться не могут, поскольку получены не из первых рук. Сами за себя говорят и данные опросов, зафиксировавшие высокую информированность русскоязычных бишкекчан об изучаемом явлении (подр. см. гл. 1 наст. раздела)⁸. Надо, конечно, иметь в виду, что в 1992, 1993 и 1994 г. мои исследования шли в основном в селах (в 1993 г. — в чисто киргизском селе). Более поздние же экспедиции длились дольше и проходили в Бишкеке, т. е. в столичном городе, где объем освоенной среднестатистическим жителем коммуникационной среды существенно выше, равно как и выше была интенсивность контактов самого исследователя. Однако нельзя забывать и то обстоятельство, что с течением времени «возвращенцев» становилось все больше, а соответственно, в обществе накапливалась и информация о них. Но как определить их численность и другие количественные параметры?

Если обратиться к российской статистике миграций, в 1995 г., например, из Киргизии прибыло 27,8 тыс. чел., а выбыло туда 9,5 тыс.; в 1996 г., соответственно, 18,9 и 8,5 тыс.; в 1997 г. — 13,7 и 6,3, в 1998 г. — 11,0 и 5,3; в 1999 г. — 10,4 и 3,7 тыс. чел.⁹ Интерес именно к данному периоду будет объяснен позднее, а на рис. 1 представлены более полные данные — за 15 лет.

В какой мере эти и аналогичные цифры по другим странам могут служить индикатором возвратной миграции? Проблема состоит в том, что с формальной точки зрения официальная статистика не может дать ответ на вопрос — кто же эти мигранты из России? Общепринятая технология учета механического движения населения основана на

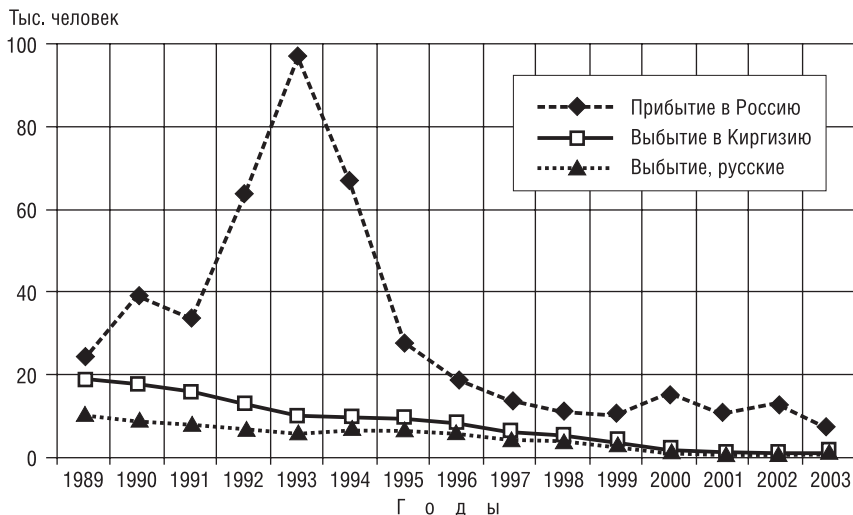

Рис. 1. Динамика миграционного обмена между Россией и Киргизией, 1989–2003 гг.

факте прописки-выписки (т. е. на сборе листов убытия-прибытия паспортными столами милиции) и совершенно индифферентна к тому, был ли данный «выписывающийся» из российской «точки» и направляющийся в Киргизию человек покинувшим ее по понятным причинам два или четыре года назад или же он родился и прожил всю свою жизнь в России, или приехал в раннем детстве в Россию с Украины, Молдавии, и т. д., и т. п. Вариантов множество. Как отметила в интервью заведующая отделом Национального статистического комитета Киргизии Людмила Торгашева (1.10.96), «мне не кажется, что статистика прибывающих в республику — это именно статистика возврата русских. Это, возможно, возвращающиеся киргизы, командировочные, сюда, наверное, попадают военнослужащие, пограничники... А вообще, мы лишь фиксируем факт, а не даем ему объяснения. Статистика — точная наука». Ей вторит в своей статье Рафиз Абазов: «Есть данные о росте числа людей, которые покинули республику в первой половине 1990-х гг., но в отношении тех, кто начал возвращаться, надежной статистики не существует»¹⁰.

Если перейти к объяснениям, я не во всем согласна с Л. Торгашевой. Так, например, командировочные, в том числе и военнослужащие, в принципе не должны фиксироваться как переезжающие на постоянное место жительства, а мы говорим именно о них. Находившиеся к моменту распада СССР на территории его различных республик воинские формирования двигались весь постсоветский период в основном в Россию, а не из нее.

Что касается киргизов, они могли составлять весомую долю среди людей, переселяющихся из России в Киргизию, но лишь теоретически. Как известно, в 1980-е гг. постепенное вытеснение русскоязычных из бывших республик сопровождалось притоком в Россию представителей титульных групп большинства из них; затем, сразу после распада Союза, резко активизировалась их репатриация, а позднее ситуация опять изменилась — возросла притягательность теперь уже новой России для нерусских жителей новых государств, прежде всего Центральной Азии и Закавказья¹¹.

Новейшая миграционная история каждой из титульных групп отличается значительной спецификой. Однако популярным местом расселения киргизов Россия никогда не была, поэтому рост их численности здесь (например, в 1979–1988 гг. на 33%¹²) не мог достигнуть величин, способных «окиргизить» потоки, направлявшиеся в постсоветские годы из России в Киргизию. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г., основной территорией проживания киргизов вне определенного границами республики ареала была Узбекская ССР (142 тыс. человек) и Таджикская ССР (48 тыс.), и лишь затем следовала РСФСР (всего 15 тыс. человек)¹³. Десятилетием позже эти цифры были равны, соответственно, 175, 63 и 41 тыс. человек¹⁴. Все постсоветские годы и масштабы переселения киргизов в Россию (естественно, речь не идет сейчас о трудовых миграциях), и выезда из нее оставались крайне незначительными¹⁵, особенно в сравнении с активностью представителей других титульных групп. И хотя в принципе динамика миграционного обмена стран СНГ и Балтии с Россией постоянно является понижающейся, киргизы все время находятся почти в самом конце списка наиболее активных мигрантов; реже них приезжали в Россию на постоянное место жительства и покидали ее лишь представители трех прибалтийских титульных групп¹⁶. Все это в целом говорит об очень низкой миграционной подвижности киргизов в постсоветский период (опять же, повторюсь, их массовый выезд на заработки — совершенно другая тема)¹⁷.

Однако с Л. Торгашевой нужно согласиться в том, что одни лишь голые цифры въезда-выезда не дают оснований трактовать перемещения из России как возвратное движение без дополнительной статистической или социологической информации. Авторы, которые это делают, а такие есть и среди ученых, и среди журналистов, по сути, не желая того, дискредитируют содержательную и количественную значимость явления и дают лишние козыри сомневающимся в самом факте его существования. Такую же роль играют вообще любые «голые» цифры, в силу указанных трудностей точных численных оценок возврата¹⁸.

Впрочем, среди «цифровых» есть и довольно осторожные трактовки. Например, читаем в газете «Славянские вести», что с 1989 по 1991 г. рес-

публику покинуло примерно 200 тыс. человек, а приехало или вернулось — 114,5 тыс. человек»¹⁹. Или: «Среди 35 558 прибывших в Киргизию есть и “возвращенцы”»²⁰. Полезной информацией к размышлению, видимо, основанной на данных локального учета, можно считать такую: в 1997 г. трое из пяти прибывших в Чуйскую область — это возвращенцы из России, остальные — бывшие жители Таджикистана и этнические мигранты из приграничных районов Узбекистана и Казахстана»²¹.

Если подвести некоторые итоги, о возвратной миграции в Киргизию можно говорить как о массовом явлении, хотя и не поддающемся точным оценкам на страновом уровне. В пользу данного вывода, говорят, во-первых, экспертные суждения и многочисленные свидетельства «очевидцев» возврата, дающие в сумме вполне измеряемую степень «освоенности» феномена массовым сознанием; во-вторых, прямые данные локального учета. Так, из записей в похозяйственных книгах с. Григорьевка следует, что к осени 1998 г. в село вернулось обратно более 10% семей, ранее переехавших за пределы Киргизии на постоянное место жительства. Секретарь сельсовета, которая сделала для меня необходимые расчеты (14.09.98), отметила, что записи частично утеряны²², а потому процент возврата на самом деле должен быть выше. Кроме того, данные сельсовета не отражают тех бывших мигрантов, которые вернулись либо в другие села, либо в Бишкек или какие-то иные места Киргизии. Однако о таких людях знают сами жители села, особенно его старожилы, хотя и не ведут, естественно, количественного учета²³.

Наконец, все это вместе должно оцениваться в контексте социально-экономической и просто житейской рациональности. Исходя из нее, трудно предположить, что несмотря на все тяготы российской жизни в первое постсоветское десятилетие и тем более вопреки улучшению экономической ситуации в последние годы, постоянно находились тысячи коренных россиян, пожелавших переехать в неведомую и, судя по сообщениям нашей прессы и установкам массового сознания, весьма недружелюбную к русским Киргизию²⁴. Лишь после всего предшествующего анализа и представления имеющихся в моем распоряжении данных я считаю возможным сделать вывод о том, что **фиксируемое официальной статистикой движение из России в Киргизию, особенно с началом периода высокого оттока русскоязычных из республики, в значительной мере отражает реэмиграцию той же группы населения** (кстати, собственно русские в этих потоках из России составляют более чем весомую часть, см. рис. 1).

В той или иной степени это утверждение можно отнести и к другим странам ближнего зарубежья, в первую очередь к тем, откуда в Россию направлялись самые мощные потоки переселенцев (Центральная Азия)²⁵. Однако у Киргизии была своя специфика, которую

Таблица 1

Динамика соотношения прибытия в Россию и выбытия из нее в страны СНГ и Балтии, 1989–2003 гг. (число выехавших на 1000 въехавших, чел.)*

Годы	Кир- гизия	Бело- руссия	Укра- ина	Молда- вия	Казах- стан	Узбеки- стан	Латвия	Эсто- ния
1989	793	1081	993	946	723	505	798	926
1990	456	681	1015	971	653	366	689	613
1991	474	1102	1314	915	771	481	552	491
1992	209	1588	1551	693	475	231	150	106
1993	105	1328	908	770	351	225	86	110
1994	149	640	438	439	120	77	53	97
1995	343	714	528	442	209	135	78	102
1996	450	900	490	386	222	268	104	140
1997	460	1074	500	419	108	187	107	200
1998	482	1384	512	444	127	124	167	333
1999	356	1655	724	467	181	123	286	667
2000	123	1291	477	188	143	76	222	500
2001	130	1708	658	213	233	80	231	800
2002	82	1289	559	183	250	56	258	600
2003	138	1321	715	193	474	52	285	788

* Составлено и подсчитано по: Миграция населения между Россией и государствами СНГ и Балтии в 1989—1998 гг. Неопубликованные материалы Госкомстата России. С. 1–2; Численность и миграция населения Российской Федерации в 1999 г. Статистический бюллетень. М., 2000. С. 32; Численность и миграция... в 2000 г. М., 2001. С. 32; Численность и миграция... в 2001 г. М., 2002. С. 21; Численность и миграция... в 2003 г. М., 2004. С. 44.

отражают, в частности, данные табл. 1, представляющие миграцию не в абсолютных, а в относительных величинах.

Как видно из таблицы, в годы, предшествующие распаду СССР, Киргизия, Казахстан и Узбекистан были похожи друг на друга тем, что выезд из них в Россию в весьма значительной степени покрывался въездом, что отражало инерцию миграционных трендов советского времени. Затем, по мере скачкообразного роста численности желающих переехать в Россию, табличные показатели пошли вниз, отражая падение привлекательности трех стран (и они не были исключением) в качестве постоянного места жительства, будь-то для коренных рос-

сиян или вынужденных переселенцев, подумывающих о возвращении. Однако только в Киргизии наступил довольно ранний перелом — в течение пяти лет (1995—1999 гг.) масштабы миграционного обмена с Россией выражались сопоставимыми цифрами (абсолютные значения приведены выше), тогда как для Узбекистана, Казахстана и тем более Таджикистана въезд в Россию, как правило, многократно превышал выезд из нее в ту же страну. На мой взгляд, подобная сопоставимость означала, что для вынужденных переселенцев из Киргизии, вторично столкнувшихся с трудным выбором и, естественно, знающих о развитии ситуации «там», важным аргументом стали не только трудности привыкания к России, но и заново оцененные преимущества жизни в стране, где они родились или провели много лет. Ухудшение экономической ситуации в Киргизии в последние годы, при прочих равных условиях, понизило стимулы въезда. В Казахстане разрыв между прибывшими и убывшими нарастал вплоть до 2001 г., а затем появились признаки перелома — в 2001 г. за счет резкого падения миграции в Россию, а в 2003 г. плюс к этому несколько повысился и въезд из России в Казахстан (уникальная ситуация для постсоветских миграционных трендов). Что касается Узбекистана, данные таблицы красноречиво говорят о прогрессирующем падении его привлекательности для потенциальных мигрантов.

Последнее, что хотелось бы затронуть в данной части главы — динамика возвратных движений (теперь уже в абсолютном выражении), о которой можно судить, опять же, по статистике выезда из России. Все государства СНГ и Балтии, за исключением Украины и Белоруссии в 1990—1992 гг., демонстрируют в 1989—2003 гг. одну и ту же закономерность: они принимают все меньше и меньше мигрантов из нашей страны (динамика обмена населением с Киргизией показана на рис. 1).

Устойчивое снижение выезда в направлении бывших союзных республик является результирующей следующих процессов. Во-первых, это затухание той высокой миграционной активности в масштабах бывшего СССР, которая была характерна для страны как единого целого. Недаром специалисты по миграции еще давно предупреждали, что для России главным источником чистого прироста населения за счет территориальной мобильности в 1990-е гг. служил не рост масштабов въезда, а постоянное снижение выезда²⁶ (в частности, между 1990 и 2002 г. он сократился в пять раз²⁷). Другая сторона этой медали — «сжатие» объемов и внутрироссийских перемещений, т. е. речь идет о сильно упавшей за последние годы миграционной подвижности россиян²⁸. Во-вторых, если говорить не о последних вообще, а именно о переселенцах из ближнего зарубежья, постепенное снижение численности реэмигрантов объясняется еще и самим фактором времени. Чем дольше живешь в стране, тем глубже, при прочих равных

условиях, степень интеграции в местное общество, тем слабее связи со всем, что воплощает собой прошлое (показательно, что средняя продолжительность проживания в России тех 20 «возвращенцев», которых я интервьюировала в Бишкеке, составила 2,5 года). А теперь обратимся к рассказанным ими историям двойного переселения. Что нового они могут внести в наше понимание драматических сдвигов в жизни русскоязычных постсоветских стран?

Живые голоса

Характеристика целевой группы

Возвратные мигранты для интервью подбирались «по цепочке», причем эти цепочки разматывались в разные стороны, чтобы избежать излишней концентрации на людях одного круга, одной социальной среды. В группу жителей Бишкека (13 человек) попали «возвращенцы» — участники анкетного опроса и те, кого они рекомендовали, а также те, кого знали интервьюеры, эксперты и мои знакомые, не имеющие отношения к исследованию. Нужных мне респондентов в Григорьевке (их оказалось семь человек) я искала по списку вернувшихся, составленному секретарем сельсовета. В «сеть» попали те, кто был на месте во время обхода домов со списком и согласился уделить мне время в течение тех нескольких дней, которые я собиралась провести в селе. Средняя продолжительность беседы — около часа.

Почти все интервью (кроме двух) состоялись в 1998 и 1999 гг., причем в большинстве случаев — спустя значительное время после возвращения (от четырех лет до года). Таким образом нивелировалось возможное влияние постмиграционного стресса и бытовых трудностей, связанных с переездом и повторным обустройством. Правда, в двух случаях интервью прошло спустя один месяц после прибытия в Бишкек, но эти две женщины с охотой согласились на беседу и не выказали признаков стресса или усталости. Ни один человек из группы (равно как и тех, с кем велись переговоры об интервью, не состоявшихся из-за их проживания за пределами Бишкека) не произвел на меня впечатления «исстрадавшегося, изломанного совершенно» и переживающего «драму отчаяния» (вспомним слова Г. Пядухова, который, по сути, возводит в абсолют неизбежные тяготы повторного переселения и обустройства и не допускает саму мысль о каком-то «позитиве», связанном с возвращением). Забегая вперед, отмечу, что мое впечатление вполне корреспондирует с тем, как люди наладили свою жизнь заново: кто-то лучше, кто-то хуже, острее ощущая на себе нарастание экономических трудностей в стране, особенно после

российского кризиса 1998 г. Но при этом они отнюдь не выпадали из массы тех, кто вообще никуда не уезжал, и у меня нет никаких оснований считать моих собеседников какими-то особенными.

Средний возраст группы — 32 года; самой молодой девушке — 23 года (на момент интервью); самому старшему участнику — 54 года. Группа состояла из 14 женщин и шести мужчин, но я не считаю ее смещенной по гендерному признаку, поскольку рассказывалась не индивидуальная история, а история переселения семьи; в нескольких случаях родственники респондента (муж, жена, сестра, бабушка и др.) присутствовали при интервью и при желании могли дополнить его своими суждениями.

Подавляющее большинство членов группы оказались людьми семейными, имеющими детей, преимущественно, с учетом возраста респондентов, дошкольного и младшего/среднего школьного возраста (один молодой человек был неженат; три женщины разведены и одна не замужем — положение дел на момент переселения в Россию).

Среди городских жителей преобладали окончившие вуз ко времени переезда (девять человек, плюс один студент, выехавший вместе с родителями и доучившийся уже в Бишкеке после возвращения); остальные имели, как и все респонденты из Григорьевки, среднее либо, чаще, среднее специальное образование. Набор профессий разнообразен — учителя, инженер-строитель, врач-психиатр, юрист, музыкальный работник, архитектор, геолог, педагог-психолог, а также кассир, бухгалтер, швея, кондитер, токарь, водитель, «торговый работник» и т. п. В случаях, когда существенную роль при миграции имели род занятий и профессиональные предпочтения другого члена семьи, это будет оговорено особо.

Приведенные параметры группы показывают, что она не обладает какой-то ярко выраженной спецификой и состоит из людей, вполне вписывающихся в поток вынужденных переселенцев в Россию постсоветского периода — люди достаточно молодые или среднего возраста, семейные, с детьми, в массе своей квалифицированные специалисты.

Общая картина (возвратной) миграции

У изучаемого процесса есть ряд характеристик, проливающих свет на причины возвращения (наряду с другими важными обстоятельствами). В частности, это место рождения, в нашем случае нечто большее, чем просто факт биографии. Подавляющее большинство членов группы родились в различных странах Центральной Азии (пять человек) и, в частности, в Киргизии (11 человек), из них девять являются местными жителями во втором поколении. Четверо — уроженцы

России, однако привезенные в республику еще в раннем детстве, что означает, что почти вся их жизнь и большая часть жизни родителей прошли именно в последней. Подобный «расклад» является еще одним, хотя и косвенным, подтверждением той закономерности, что русскоязычные, родившиеся в странах проживания, похоронившие там своих близких, сильнее укоренены и более, при прочих равных условиях, склонны к тому, чтобы остаться или, в данном случае, вернуться (этих сюжетов мы еще коснемся в книге; см., в частности, материалы раздела IV, касающиеся представлений о родине).

Логическим дополнением к этим данным является информация о наличии у респондентов родственников в России и Киргизии. У большинства из них в России вообще никого не было либо (у пяти человек) были родственники — такие же переселенцы, только более ранние. Пятерым «посчастливилось» (почему в кавычках — будет ясно позднее) иметь родственников — коренных россиян, правда, не всегда близких, по месту жительства которых, т. е., по выражению одной респондентки, «по корням», и был осуществлен переезд (в трех случаях). Картина с «корнями» в Киргизии совершенно иная. Практически у всех, за одним исключением, здесь остались родственники близкие или очень близкие (от бывшего мужа, мужа дочери, тети; родных сестер, братьев с семьями и без до родителей своих и/или мужа/жены).

Возможно, с последним обстоятельством, а также ориентацией на определенный образ жизни, во многом связано и то, что все респонденты вернулись туда, откуда выехали: горожане — в Бишкек, деревенские жители — в свои же села или, в двух случаях, в соседние. Расселение по России географически отличалось большим разнообразием, представляя все стороны света на карте нашей страны: Кемеровская, Оренбургская, Кировская, Псковская, Волгоградская, Ульяновская, Липецкая, Белгородская, Ростовская, Пензенская, Курская, Московская области; Якутия, Алтайский край. Однако в крупные города областного уровня смогли попасть лишь двое (Пенза и Курск, оба — жители Бишкека); остальные, и сельчане, и горожане, обосновались в лучшем случае в райцентрах и поселках городского типа, а в худшем — в деревнях и на хуторах.

О серьезности переселенческих намерений на этапе выезда из Киргизии говорит то, что все респонденты выписались со своей жилой площади. Если выезжала вся семья, прописанная в доме/квартире, эта собственность была продана (девять случаев). Двое респондентов просто закрыли свою приватизированную квартиру, поскольку не хотели продавать ее за бесценок, надеясь устроиться и заняться этой проблемой позже. Они уверяли меня, что тогда совершенно не думали о возвращении. Восемь опрошенных выехали из квартир/домов, в которых оставались не желающие эмигрировать пожилые люди (родители,

свекровь, мать) или бывший муж. Наконец, еще одну респондентку родители увезли в Россию еще в 1979 г. (подробнее см. ниже), и квартира семьи перешла в собственность государства.

Важным штрихом к модели переселения является то, что оно не было скоропалительным, осуществляемым «вслепую», хотя выезд состоялся в период наиболее высокой миграционной активности русскоязычных ближнего зарубежья вообще и Киргизии, в частности (десять человек уехали в 1993, пиковом для страны году; трое — в 1992 г.; по двое в 1994 и 1995 г. и одна респондентка — в 1996 г.)²⁹. То меньшинство, что имели родственников в России, причем способных и готовых принять их под свое «крыло» (дать приют на первое время, договориться о жилье, работе хотя бы для одного члена семьи; поделиться информацией и пр.), воспользовались этой возможностью. Остальные, руководствуясь советами друзей и знакомых, ездили на разведку, иногда не одиножды (в основном мужчины), и договаривались обо всем сами. Хотя далеко не все ожидания и планы реализовались, все же, если судить по витальным критериям, переезд прошел достаточно благополучно. Правда, собственное и постоянное жилье удалось купить (получить, построить) очень немногим, но никто не оказался без крыши над головой или с оной, но в рабской зависимости от структур, предоставляющих жилье (например, от Федеральной миграционной службы — ФМС). Почти во всех семьях, как минимум, один трудоспособный член семьи (чаще, по понятным причинам, муж) имел работу, причем в большинстве случаев соответствующую квалификации. Относится это и к переселенцам с высшим образованием. Другой вопрос, что она зачастую была низкооплачиваемой, что ставило на повестку дня сложный вопрос новых поисков, подработок и пр. Некоторые даже сумели устроиться с перспективой карьерного роста и/или с повышением своего прежнего социального статуса. Иногда проблема хлеба насущного решалась посредством самозанятости.

Об относительном благополучии (все познается в сравнении!) говорят и отношения респондентов с ФМС, вернее, отсутствие этих отношений. Рассказывая о жизни в России, никто не упомянул эту организацию по собственной инициативе. После моих расспросов одни отметили, что даже не знали о ФМС, другие — что им это «было не нужно». Как пояснил один из респондентов, «статуса не было, потому что у нас боевых действий никаких не было... ни политических мотивов, ничего здесь, конечно, не было». Из-за отсутствия реальных контактов бурный негативизм по отношению к ФМС, столь часто выражаемый переселенцами, судя по прессе 1990-х гг. и исследованиям их адаптации в России, в моих интервью практически не прозвучал. Статус вынужденных переселенцев оформила лишь одна семья, в надежде на жилищную ссуду, а «потом подорожали дома, и мы ссуду так

и не получили, это много лет получается...». В целом целевая группа представляет то подавляющее большинство вынужденных мигрантов из ближнего зарубежья, которые по разным причинам оказались в России вне «опеки» ФМС³⁰.

Относительная «мягкость» посадки на новую российскую почву во многом питалась той атмосферой, в которой проходил первый этап переселения. Это очень важный для нас аспект проблемы: задумываясь о возвращении, люди руководствуются не только своим неприятием новых условий жизни, но и (пере)оценивают то, что было оставлено «на другом берегу».

Причины и обстоятельства выезда из Киргизии

(I) Унесенные «волной»

Анализу именно этой фазы вынужденной миграции в российских публикациях в наибольшей степени присущи политизированный алармизм, акцентация «этнических» факторов выталкивания и притяжения (основанных на обостренном переживании «русскости»); эмоциональные передержки и недоучет региональных/страновых различий (см. введение и главу 1 данного раздела). То, как ситуация описывалась обычными людьми, причем в атмосфере доверительной беседы, язык не поворачивается интерпретировать с позиций «сильнейшего этнического дискомфорта» или «непрекращающегося экстремизма». Признаюсь, иногда в ходе интервью (конечно, на определенном его этапе) я намеренно задавала несколько провоцирующие вопросы, но обычно так и не удавалось получить ответы, которые удовлетворили бы наших алармистов. Перед нами причудливые переплетения индивидуальной воли и внешних обстоятельств, причем не только и не столько этнополитического характера. Мы видим также типичную для первых постсоветских лет картину тревожной неопределенности, втянутости жителей СССР, как ни высокопарно это звучит, в пугающий водоворот истории. Отсюда апелляции к панике, испугу и к массовости выезда:

- *«Вы и сами, наверное, знаете, какое время было. Ведь все ехали...»;*
- *«Что тут объяснять, поддались, а теперь трудно толком понять...».*

Вот еще одна вариация на темы неопределенности, уже менее лаконичная:

«Н. *То есть до 1991 года вы жили нормально?*

М. *Да все время нормально жили. Вот эта паника поднялась, да и всё, в связи с обстановкой в бывшем Союзе...*

Н. *Это когда было?*

М. Мы в 1993 году, в конце уехали...

Н. А как бы Вы определили причины выезда?

М. Да вот спросите, как все едут, и мы едем.

Н. [к мужу] Вы тоже такого мнения?

Муж [смеется] Кто его знает, получилось так...

Н. То есть сами и не можете сейчас определить для себя, да?

М. Вот именно».

Вот попытка разобраться:

«Н. Когда Вы уехали и почему?

Л. В 1992 году. А почему? Мы были напуганы, вот этих местных беспорядков, мы просто были напуганы. <неразб.> Мы и решили поехать в Россию, место выбрали вроде нормальное...

Н. Вообще напуганы или что-то было конкретное?

Л. Просто были напуганы... ну как, всякие разговоры ходили, что у детей нет будущего, туда-сюда...».

Еще одна такая попытка, уже другой респондентки; видно, как «подключается» интервьюер:

«Н. И как Вы нашли ситуацию здесь? [в Бишкеке. — Н. К.] По сравнению с тем, что Вы оставили?

К. В общем-то, ну как сказать... я не знаю, как оно было без нас, но мне кажется, как уезжали, так и приехали. Все без изменений... [задумалась]. Может быть, мы и зря уехали. Может, то, что испугались чего-то. Все едут, и мы тоже решили попробовать, как это, получится...

Н. То есть ущемления у вас не было по национальному признаку?

К. Нет, нет. С этим мы не сталкивались. Просто, я говорю, вот так, волна такая пошла, мы попали вот в эту волну...».

А теперь видение ситуации сельской жительницей (назовем ее Ольгой):

«Н. А как Вы в принципе решили переезжать? Как эта идея родилась?

О. Это был у нас такой ажиотаж, в санатории и вообще везде, куда бы ни кинулся, куда бы ни пошел, ни поехал — везде вот это вот, то бьют, то стреляют, короче, страх. И у нас в санатории то один уезжает, то другой, и такой страх был, это вообще...

Н. Но у Вас лично были какие-то ситуации?

О. Нет, абсолютно.

Н. Конфликты?

О. Нет, нет, меня в Григорьевке все знали, в <название села> все знали; я кассиром работала, больше половины народа работало в санатории. Не было ничего такого, у детей в школе не было ничего такого страшного, чтобы обижали...».

Ольга — одна из тех двух моих собеседников, кто вернулся в Киргизию по сугубо личным причинам. В ее случае это тяжелая болезнь матери, оставшейся в Григорьевке фактически без помощи («Почему решили вернуться? Только из-за мамы»). По общим меркам семья действительно устроилась неплохо: муж со своим братом построили дом «на два хозяина» из списанных материалов, хоть и без удобств; сама Ольга со снохой успешно «занималась коммерцией». Но за видимой простотой ситуации стоят очень тяжело давшие решения и горестное недоумение Ольги по поводу того, зачем она поехала «искать добра от добра». Уже без моих вопросов она еще раз вернулась к обстоятельствам своего отъезда из Киргизии:

«О. Я когда приехала, в общем-то... ехать — не ехать, и уезжать-то... вернуться я очень, конечно, хотела, мне было жалко все это, до глубины души. Что и квартира у меня была очень хорошая, и дача, и гараж, все было, вот понимаете, было все! И работа была, все. Туда поехала — ну абсолютно ничего. Голая кочка, главное — что крыша над головой; вот это самое главное; я там рыдала, я плакала, переживала, первое время думала, вообще умру.

Н. *От тоски?*

О. Да, у меня такое было, ну как Вам сказать? Вот за коллективом я переживала, за девчонками, я очень переживала все это и ругала себя, что... Меня здесь никто не обижал, никто не трогал, жили и жили бы спокойно. Вот этот страх, вдруг что-то будет, еще смотрели, то там бьются, то там все возмущаются... У нас очень много из санатория уехало и опять-таки очень много вернулось.

Н. *Вы имеете в виду — в ... ?* [Ольга жила до отъезда в другом селе. — **Н. К.**].

О. Да, и здесь вот в деревне поуезжали и опять-таки вернулись. С наситого очень тяжело уезжать, переживала очень тяжело, что я все это оставила, уехала и к чему я приехала, опять вот в мамин дом».

(II) Личное

Хотя объектом воспоминаний моих респондентов, напомним, был период массового ажиотажного выезда русскоязычных начала 1990-х гг., в некоторых рассказах явно прослеживаются мотивы, свойственные нормальным, т. е. добровольным миграциям. Да, наступала эпоха в основном негативных перемен, но, вспоминая процитированные в главе 1 слова Натальи Айрапетовой, «не может быть все и везде со знаком минус». Любые социальные сдвиги таят в себе и новые возможности, а значит, люди стремятся ими воспользоваться. Так и мои собеседники, люди молодые, говоря о беспокоящей их обстановке в стране, четко фиксировали и личные, возникшие независимо от последней,

причины переезда, главными из которых было стремление решить жилищную проблему, начать новую, самостоятельную жизнь отдельно от родителей.

Именно с этого начал мой собеседник Виктор (Бишкек):

«Н. То есть вы выезжали вот из этой квартиры? И в каком году?»

В. В 1992-м.

Н. А почему? Так, как Вы сами это понимаете?

В. Как я понимаю... Я почему-то думал, во-первых, хотел жить самостоятельно, хотел жить в деревне; может, недостаточно представлял себе эту жизнь... хотя в принципе я бы мог жить и в деревне неплохо; просто я считаю, что нас там в России никто не ждет, нами стараются в основном заткнуть какие-нибудь дыры...».

Собственно, этим же он и закончил, когда я еще раз специально вернулась к теме выезда:

«Н. А когда Вы выезжали, 1992 год, тогда мощный был выезд; Вас тогда межнациональная ситуация как-то подпихнула? Ведь не только желание иметь огород?»

В. Нет, я хотел просто жить самостоятельно... это еще жена, она очень не любит жить в деревне...

Н. То есть это фактор возврата?

В. Да, все тут намешано...

Н. А когда вы выезжали, она хотела?

В. Да так, не особо.

Н. То есть это была Ваша идея в основном... А здесь отделиться не было никакой возможности?

В. Не было, совсем».

Бишкекчанка Марина, музыкальный работник, рассказывала «об общем давлении» первых постсоветских лет, которое, впрочем, не затронуло ни лично ее, ни членов ее семьи (подр. см. главу 2 данного раздела). Однако, отвечая на мой вопрос: «Как Вы здесь жили и как решили переезжать?», она завела речь о другом:

«М. ...так получилось, что некоторые наши друзья начали уезжать, вот как раз волна первая миграции пошла, и мы тоже забеспокоились, потому что все-таки собственной жилплощади у нас не было, это родительская квартира...

Н. Это квартира родителей Вашего мужа?

М. Да.

Н. А как это связано с массовым выездом? Когда массовый выезд, много площади освобождается, и Вы могли бы что-то приобрести?

М. Приобрести мы не могли, потому что у нас денег на это не было. Здесь заработать, даже при хороших зарплатах, на квартиру было очень

трудно. То есть мы могли бы, конечно, купить, тогда уже начали квартиры продаваться, но в любом случае пришлось бы залезать в бешеные очень долги, рассчитывать нам было бы очень трудно. Ко всему прочему однокурсник мужа, его хороший друг, они собирались уезжать в <название города> Кемеровской области, родственники их туда позвали с обещанием устроить на работу и с перспективой получения квартиры. Вот, муж у меня поехал туда на разведку, ему тоже пообещали работу там, это шахтерский городок... пошел он работать не по специальности, горно-спасательная часть; я ехала туда, не рассчитывая ни на какую работу; о работе для меня речи не было...

Н. *Даже в детском саду?*

М. *Нет, я там работать потом пошла, но вначале я ехала, я даже о работе не думала. Я думала — раз у мужа будет работа, высокооплачиваемая работа была, а если еще и квартиру дадут... Мы ехали в таком... [восторженное выражение лица. — Н. К.].*

Н. *То есть Вы ехали на что?*

М. *Мы ехали на квартиру, нам обещали в течение года, предоставить...*

Н. *Дать именно. То есть тут у вас была проблема, насколько я понимаю, продать тут нельзя...*

М. *У нас была проблема... хоть мы и сохраняли хорошие отношения со свекровью, со свекром, но нам все равно хотелось своего дома. Вместе жить шестером, с детьми, прятаться по уголочкам нам уже надоело за десять лет совместной жизни, поэтому мы решили уехать. Это была, наверное, одна из самых главных причин — мы хотели жить отдельно.*

Н. *Здесь такой возможности, как Вы считали, нет?*

М. *Нет.*

Н. *То есть это все как бы совпало?*

М. *Куча обстоятельств, которые так сложились...».*

К «нормальному» по многим параметрам переселению можно отнести и ситуации, связанные с семейными коллизиями: «Так сложились жизненные обстоятельства, я разошлась с мужем и решила просто уехать отсюда, подальше» (респондентка, покинувшая Киргизию в 1989 г.), а также желание воспользоваться конкретными, «адресными» предложениями по трудоустройству, сулившими карьерный рост, более интересную работу. Так, школьная учительница английского языка в качестве главного стимула переезда назвала возможность, по протекции знакомых, устроиться преподавать язык в Курском университете: «Конечно, очень хотелось попробовать; кто же от такого отказывается...». Молодой человек, бывший в период переселения еще студентом, выехал со всей семьей в Пензу, по новому месту работы отца (высококвалифицированного энергетика):

«Н. То есть это не было связано с этим массовым выездом, проблемами?»

Ник. Абсолютно. Проблемы — это громко сказано; какие-то рецидивы, конечно, у всех были; просто мой отец не такой человек, чтобы под действием массового там психоза куда-то бежать...».

Как это часто бывает, неожиданные изменения социальной среды порождают новые семейные трудности или обостряют старые; дают толчок давно вынашиваемым, дотоле смутно осознаваемым намерениям.

Анна вполне благополучно жила в поселке гидростроителей, возводивших каскады знаменитых ГЭС на горных реках Киргизии. Все это были объекты так называемого союзного подчинения, и после распада СССР их прежде всего коснулась экономическая разруха и, как следствие, ухудшение социально-психологического климата. Благоустроенную квартиру в поселке пришлось просто закрыть, а поскольку свободной площади у родителей Анны в Бишкеке не было, семья с двумя детьми решила искать удачи в России:

«А. И вот в конце 1992 — начале 1993 года, когда разруха и всякие национальные трения...»

Н. Вы это как-то на себе почувствовали?

А. Особо мы так не чувствовали, кроме, конечно... ну, в народе обострение такое произошло, но я лично это обострение отношу не к национальным каким-то вопросам, а к тому, что в то время вообще нечего было кушать, а когда кушать нечего, люди просто друг на дружку кидаются...

Н. Вырвать кусок?

А. Найти виноватого, кто виноват. А поскольку в <название поселка> (на ГРЭС) этот кризис был в то время особенно острый... Жизнь там по-прежнему тяжелая, в городе [Бишкеке. — Н. К.], конечно, намного проще... И вот мы оттуда уехали, у нас родители были здесь в 1992 году, и поскольку на экономические проблемы накладывались еще национальные, мы решили сразу уехать. Здесь у нас не было площади...».

В истории Клавдии, жительницы Григорьевки, тесно переплелось ожидание неприятных перемен, усугубленное ее уязвимым семейным статусом (одинокая мать, с престарелыми родителями на руках) и воспоминаниями о пережитом личном горе, а также надежды на то, что где еще помогут, как не на родине (девочкой-подростком ее привезли на Иссык-Куль из Алтайского края):

«Н. То есть Вы выехали в Россию после распада СССР вот из этого дома, да?»

К. Нет, это из того дома выехали; мы выехали из-за того, что думаем — все стали уезжать.

Н. Это в каком году было?

К. Мы три года уже как вернулись и живем.

Н. И как к Вам это пришло решение?

К. Как пришло? Вы знаете, решение пришло... у нас оно давно... нас как-то и мучило, у нас как брат Саша разбился, и у нас все мысли были уехать. Почему уехать? И горе вот это, и люди стали переезжать, куда-то уезжать, где-то чего-то искать. А мы-то, корни-то наши там, предки-то наши там, у меня и брат там, и тетки, дядьки, и братья двоюродные. Ну и мы куда? Где-то поехать совсем чужое? Тоже как-то вроде ни то ни сё, а здесь и друзья родителей много, там по молодости как-то многие еще живые...

Н. А что, тут была совсем невыносимая обстановка?

К. Да и не было никакой обстановки, просто поехали... вот живем, думаем, сын маленький, старики стареют, а там у меня все-таки брат, все-таки какая-то помощь будет...».

Наконец, нельзя не отметить и наличие у людей экономических стимулов к выезду. Иногда они присутствовали как фон. Понятно стремление молоденькой девчонки из иссык-кульского села, мало что видевшей в жизни, воспользоваться приглашением сестры, ранее выехавшей жены российского военного, тем более что грянули несравнимые даже с советским дефицитом продовольственные трудности:

«**Н.** Почему Вы уехали, были какие-то проблемы?

О. Были вообще-то проблемы... У нас вот первое время, и с хлебом было плохо, мы с утра до вечера стояли за хлебом...

Н. Это после начала независимости?

О. Да, где-то так, а теперь все вошло, и нормально...

Н. Но Вы-то почему уехали, как Вы думаете?

О. Ну, у нас тут стали деньги менять... [задумчиво. — *Н. К.*], тем более как-то хотелось и себя обеспечить, денег заработать...

Н. Вы были недовольны своей зарплатой бухгалтера?

О. Да, маленькая, очень тяжелоемкий труд, умственный, а зарплата очень низкая.

Н. А сестра Вам обещала какие-то новые возможности?

О. Ну, там воинская часть, военные хорошо же получали. И я приехала туда, в воинскую часть...

Н. А то, что был такой массовый выезд, такое состояние у всех, — это на Вас не повлияло?

О. Нет, не повлияло, мне кажется... Просто я чисто поехала туда... у меня здесь много друзей, и также киргизов, в общем, всех, у меня такой проблемы не было. У меня так... съездить, мир посмотреть».

«Экономика» могла играть роль и самодовлеющего фактора принятия решений. Очень интересна история семьи молодой жительницы Бишкека Людмилы, с которой я беседовала более двух часов. По сути, это рассказ о переселении и возвращении двух родственных семей — ее собственной и свекра, человека в начале 1990-х гг. еще далеко не старого и очень энергичного. Он являлся представителем разветвленного, как выразилась Людмила, «клана», издавна, чуть ли не со времен основания, живущего в «русском» иссык-кульском с. Семеновка. Несмотря на такую степень укорененности, свекор довольно рано «загорелся» идеей переселения в Россию, причем, в силу патриархального устройства собственной семьи, считал свое мнение решающим и не подлежащим обсуждению:

Л. Мы очень быстро собрались...

Н. А Вы как к этому всему относились?

Л. Я лично отрицательно, потому что всю погоду делал свекор.

Н. А свекровь собиралась вообще ехать?

Л. Она, понимаете, была женщина, родившая первого ребенка в 16 лет, практически никогда нигде не работала, постоянно была вторым “я” своего мужа. Она ни имела никакого... лично ее мнение не имело никакого значения. Поэтому было сказано, что мы едем, что тут плохо, что тут гадко».

Интересно, что понимала эта пассионарная личность под словом «плохо» (ниже мы увидим, что история закончилась не менее бурно):

«Н. А Вы жили вместе с ними?

Л. Да, практически... Мы вначале жили в одном доме, а потом просто по соседству. Они купили другой дом, сделали там ремонт.

Н. Это были частные дома, с садами? [До переезда обе семьи жили в Семеновке. — Н. К.]

Л. Да, огромные сады, конечно, большие огороды.

Н. И Вы все решили оставить?

Л. Я не решала, свекор. У нас с ним были большие стычки на этот счет, я очень не хотела ехать, а он буквально настаивал. Он считал, что женщина практически не должна иметь своего мнения, поэтому никто не слушал моего мнения... и муж мой, поедem, посмотрим...

Н. А как они это аргументировали? Что, тут не будет жизни? Год был тяжелый, принят был закон о языке в мае... [1993 г. — Н. К.]

Л. Свекор же мотивировал не тем, что там язык... он как-то на обучение мало смотрел, его мало интересовало, где его внуки будут учиться. Его больше всего интересовало экономическое положение страны, республики. Спад производства... тем более, что он у нас работал, занимал достаточно неплохую должность, заведовал гаражом... Он очень часто ездил сюда в Чуйскую долину, он узнал, как обстоят дела, и чаще всего

сталкивался с тем, что нет той запчасти, перебои с горючим, и вообще поставки новых автомобилей не предвидятся, и его, видимо, это пугало, он очень часто говорил — экономический кризис, и это, мол, всё. Если полностью все остановится, то, мол, жизни здесь никакой не будет.

Н. То есть остальные перемены его меньше волновали?

Л. Вообще-то в Семеновке, там много было русских и как такового там не было, что кто-то где-то ущемлял. Может быть, где-то... Но лично на нас это не сказывалось.

Н. Значит, у него были экономические мотивации и он как бы...

Л. ...подталкивал, основательно подталкивал, буквально навязывал свою идею с этим переездом, и настоял, муж поехал смотреть».

(III) Снимая временные/смысловые слои

Если еще раз окинуть взглядом весь массив с точки зрения представления респондентами причин переселения в Россию, одно интервью окажется в стороне от «магистральной линии». Женщина (назовем ее Алла), дипломированный врач-психиатр, имевшая в начале 1990-х гг. неплохую работу по специальности в диспансере республиканского значения, судя по началу интервью, была очень обижена на власти. С одной стороны, речь шла об общей ситуации и нововведениях, ставших, по мнению Аллы, «основной причиной оттока». С другой — о личном опыте унижения, которое, впрочем, носило более социально-статусный, нежели этнический характер и было скорее не следствием официального курса как такового, а результатом неумного рвения местных начальников:

«Н. Так, Вы работали, работали... Я пытаюсь Вас подвести к тому, как Вы решили...

А. Как у меня назрел момент, да? Причин, наверное, было много; во-первых, вот эта вот дискриминация у нас сразу стала очень сильно чувствоваться... в диспансере... Назревало вот уже, раздел государства, все стали кричать о независимости здесь, даже наши врачи, интеллигентные люди, с высшим образованием, нам говорили — не хотите учить язык, мол, собирайтесь и уезжайте в свою Россию. То есть это было сказано прямо вот в открытую, все об этом говорили. Ну конечно, они тогда так сильно, так яростно поднялись за изучение киргизского языка, и может быть, это вызвало... стало основной причиной оттока. Масса у нас уехала, много врачей из диспансера...

Н. А когда Вы работали, у Вас главный врач киргиз был?

А. Да.

Н. Это от него шло или выше?

А. Видимо, от кого-то выше, потому что было распоряжение министерства, чтобы вся документация, медицинская в том числе, на киргиз-

ском языке, хотя этого до сих пор нет, потому что это нереально. И вроде бы он говорил, что мы будем писать истории болезни на киргизском языке, но мы возмущались так про себя, потому что по психиатрии историю болезни написать на киргизском языке — это невозможно. Там масса медицинских терминов, и это просто нереально. Но он очень рьяно взялся за это дело, старался обучать, нам выставляли какие-то оценки, и это вызвало у нас еще больший негативизм, потому что мы в принципе уже не дети, мы люди, которые уже получили какое-то образование, имеем свой статус. А тут пришла, ну, девчонка пришла фактически, стала проводить зачеты, стала выставлять оценки, эти оценки шли главному врачу на стол... и отсюда вытекающие все последствия... Мы взбунтовались, естественно...

Н. В своем коллективе?

А. В своем коллективе. И это привело к тому, что у нас пошел очень бурный отток. Очень бурный отток, люди стали увольняться и уезжать. Это первая причина, я считаю, это была проблема с языком.

Н. Это в каком году было?

А. Это 1993, 1992...

Н. То есть самый пик был...

А. Это был самый пик, самый разгар вот этой межнациональной розни, все время кричалось об этом языке, все время говорилось, если не хотите изучать, значит, уходите... Это кричалось везде, не только у нас на работе; это было в автобусах, и на улицах... такая обстановка назревала криминогенная, честно говоря.

Н. То есть Вы боялись, что будут какие-то...

А. Да, до этого у нас произошли в Оше события, боялись, что это все перекинется в Бишкек, в итоге страх еще, конечно, подхлестнул. И потом еще один момент — родственники бывшего мужа уехали в Россию и неплохо устроились, стали переписываться...».

Казалось бы, случай вполне понятный: человек не принял новую политику и проголосовал против нее ногами. Будь Алла участницей анкетного исследования и отвечай она на закрытые вопросы, наверняка она пополнила бы ряды всем недовольных и уезжающих по причинам «этнической дискриминации». Однако качественные методы (особенно нарративы) тем и хороши, что позволяют, причем зачастую без усилий самого интервьюера, «вытащить» на поверхность сложный «человеческий» (психологический) и социальный контекст (и подтекст) описываемых событий и фактов. В ходе беседы Алла под разными углами дважды возвращалась к обстоятельствам своего увольнения и отъезда; выяснилось, как не легко далось ей решение покинуть диспансер, что отношения с главным врачом на самом деле были совсем не плохими, а роль случайных моментов и эмоциональных порывов —

более чем существенной. Наконец, стереоскопично показано положение киргизов, оказавшихся к моменту распада СССР на руководящих постах — им пришлось нести бремя реализаторов зачастую непродуманных и поспешных решений властей и одновременно «расхлебывать последствия», в частности, смягчать негативный эффект оттока квалифицированных кадров.

Рассказывая о том, как шла адаптация уже после возвращения в Киргизию, Алла несколько раз повторила, как она тяжело переживала потерю работы в диспансере:

«А. Ну, я потеряла все, скажем так, кроме жилья. Здесь я потеряла все. Для меня было важно то, что я потеряла работу, работа была довольно престижная, и работала я в диспансере, который был республиканского значения, я бросила такое место, за которое я, в общем-то, воевала и которое я получила в итоге...»

Н. Работа была не равноценная в этой больнице? [В России. — Н. К].

А. Нет, конечно, там совершенно другая специфика, просто врач скорой помощи, а здесь я психиатр.

Н. Вам хотелось больше по специальности?

А. Конечно, да. Это было мое, я знала, что в этой области я что-то могу, хотя там я прекрасно справлялась, но смущали многие факторы. А здесь я потеряла все, и я с таким чувством жутким возвращалась, конечно...

...

Н. А как Вы здесь решили проблему с работой?

А. Никак. Туда, на прежнее место работы я не пошла, потому я ушла со скандалом... [sic! — Н. К].

Н. Из-за отъезда или потому, что там были проблемы с языком?

А. Из-за отъезда.

Н. Не отпускали?

А. Он относился ко мне довольно-таки хорошо, и я к нему относилась хорошо; он был такой человек, главный врач, если он видел, что кто-то его боится, он <неразб.> но я его абсолютно не боялась, у нас были хорошие рабочие отношения. А буквально передо мной уехало 5 или 6 человек врачей. Диспансер стал пустеть. И уезжали те люди, которые проработали по 15 лет, русскоязычные, немцы, это спецы... И когда я принесла ему заявление, он сказал, я тебя не отпускаю, будешь отрабатывать два месяца, и у нас вышел конфликт.

Н. А Вам надо было срочно?

А. А у меня уже был билет на поезд. Я просто взяла трудовую книжку и уехала. Может, я вот так вот низко поступила по отношению к нему... Но я считаю, что он был не прав, потому что отъезд, я билет ему показала...

Н. То есть Вы туда уже не пошли?

А. Нет, и не пойду, хотя я очень болею...

Н. Болеете, в смысле, переживаете?

А. Да, то есть... не то, что переживаю, просто там, где было хорошо, человек всегда вспоминает. Там, где работалось от души, и коллектив хороший. То, что было, там уже нет, так скажем».

И в самом конце интервью, когда мои вопросы уже были исчерпаны, Алла как бы подвела черту своему опыту переездов, упомянув еще более ранние события, чем вышеописанный конфликт:

«А. Я иногда вспоминаю, хохочу над собой, что я все-таки решилась на такой поступок смелый [со смехом. — Н. К.]... немножечко меня в тот момент главный врач так... сломал, он меня поддел очень сильно... Когда я приехала с отпуска, там произошел какой-то не очень хороший случай с какими-то лекарствами и рецептами; я выписала, и родственники с этими рецептами пошли в министерство, и главный врач получил по шапке, хотя я официально всё предупредила главного врача, что я выписываю такой-то рецепт, что надо достать такое-то лекарство, уже пошла напряженка с препаратами. Он говорит, ладно, Алла, выписывай, все хорошо. Приезжаю с отпуска...

Н. После России? [разведывательная поездка. — Н. К.]

А. Да, после России; я еще была в сомнениях, уезжать — не уезжать, а тут возник грандиознейший скандал, эти родственники пошли в министерство, там требовали это лекарство бесплатно, по этому рецепту... естественно, пошло на главного, а главный на меня, а я начала доказывать, что тут не виновата, что я согласовала, и это, конечно, дало такой вот толчок. Это были, конечно, эмоции, чего говорить... Я, может быть, и не поехала бы, хотя он уговаривал — Алла, не уезжай. Эмоции иногда перекрестывают у нас, у женщин... [смеется. — Н. К.]».

(IV) Предварительные итоги и сравнения

Как мы видим, **доминирующая в настоящее время «экономическая» модель миграции из стран СНГ в Россию** (Балтия тут, естественно, не в счет) **начала формироваться еще в начале 1990-х гг.** Аналогично, с того же периода среди стимулов и целей переселения были вполне заметны те, что свойственны «нормальным» миграциям, основанным на индивидуализированном выборе и стремлении осуществить личные жизненные стратегии. Судя по представленному массиву мнений, **реальный опыт дискриминации не играл главенствующей роли в процессе принятия решений о переезде, а сама она не была явлением массовым.** В этом отношении наши переселенческие истории органично дополняют материалы главы 2 раздела I (мнения экспертов; опыт переживания «конфликта» обычными людьми; данные опросов о частоте

попадания в «конфликт», о доле русскоязычных, ощущающих себя «ущемленными по национальному признаку» и зависимость подобных ощущений от наличия или отсутствия миграционных намерений).

Восприятие русскоязычными жителями Киргизии переезда и адаптации на новом месте было бы интересно сравнить с другим массивом проблемно-ориентированных и биографических интервью, посвященных аналогичным событиям. Увы, выбор у меня практически отсутствует; единственный известный мне материал такого рода начал собираться Ириной Киселевой и ее коллегами из Европейского университета в Санкт-Петербурге в рамках проекта «“Другие русские” или мобилизованная ментальность» (2000–2001 гг.)³¹. Правда, речь там не идет о возвращении обратно в страны прежнего проживания (этой темой, как уже отмечалось, никто специально не занимался); интервьюировались вынужденные переселенцы, осевшие в Петербурге и Ленинградской области. Однако сравнение, на мой взгляд, оказалось весьма плодотворным для предпринятого мной анализа возвратной миграции, на всех ее этапах.

Так, петербургские коллеги обратили внимание на две особенности в интерпретации людьми первой, «выталкивающей», фазы переезда. Во-первых, «общая событийная канва **не столько составлена из личных впечатлений мигрантов** [выделено мной. — *Н. К.*], сколько индоктринирована публичным дискурсом. Не случайно выражения типа “Чечня массовая” наши информанты используют как общеизвестные и потому понятные без дополнительных комментариев. Не вызывают удивления и используемые ими и явно заимствованные социально-исторические дефиниции: “миграция, вот эти волнения, по поводу притеснения русскоязычного населения”»³². Во-вторых, зримые проявления социально-политических перемен в подавляющем большинстве стран «так и остались предупреждением о несостоявшейся волне насилия», но они «сформировали катастрофические ожидания “других русских”, подтолкнувшие их к массовой эмиграции в Россию»³³.

Все это в полной мере свойственно и оценкам моих респондентов. Здесь и фиксация атмосферы паники, страха, ожидания всяческих бед и, отсюда — ощущение унесенности «волной», «толпой». Здесь и заимствованные из публичного дискурса клише: «вот этих местных беспорядков», «разгар вот этой межнациональной розни», «вот этот развал Союза произошел» (сочетание слова «вот» с указательным местоимением «эти», «эта» подразумевает понятность, узнаваемость собеседником формулировок и того, что за ними стоит); «всякие национальные трения», «у детей нет будущего и все такое» и пр. Не исключено, кстати, что система работала по замкнутому кругу: аналогичные выражения попадали в поле зрения (вернее — слуха) журналистов, становились ответами на открытые вопросы анкет, использовались социологами

для формулирования «закрытий» и «питали» таким образом тот публичный дискурс, откуда и были почерпнуты изначально.

Видимо, речь идет о типичных особенностях ретроспективного восприятия русскоязычными тех событий и того социально-психологического климата в республиках, которые и побудили их покинуть насиженные места. Важный момент: клише и оценки, **не** основанные на личном опыте, встречаются в нарративах не только тех переселенцев (основной массы), кто был подхвачен «волной» и не стал дожидаться худшего (которое в большинстве случаев так и не наступило), но и тех (относительного меньшинства), кто действительно прошел в «освободившихся» республиках через тяжелые испытания, подвергал свою жизнь реальной опасности.

Дело в том, что целевая группа переселенцев, с которыми работали на пилотажном этапе И. Киселева и ее коллеги, является достаточно специфичной. Столкнувшись с понятными трудностями поиска информантов в большом городе, они были вынуждены обратиться за помощью в территориальные подразделения ФМС и начать работать с мигрантами, которых они называют «статусными», т. е. имеющими официальный статус вынужденного переселенца. Причем не просто с теми, кто зарегистрировался и вел, если можно так выразиться, автономный от ФМС образ жизни, а с людьми, сильно от нее зависевшими: «наблюдения велось... преимущественно в местах компактного расселения “статусных” переселенцев... — там, где им было выделено жилье, приобретенное на средства федерального бюджета»³⁴. Понятно, что далеко не каждый мог на это претендовать. В итоге подавляющее большинство из респондентов (13 интервью, некоторые проводились с двумя или тремя людьми) оказались выходцами из Грузии (Абхазии), Чечни, Азербайджана (Баку) и Таджикистана. Список говорит сам за себя. «Переселение» из этих стран/территорий (как и само существование там, начиная с конца 1980-х гг.) сопровождалось реальным ежедневным риском для жизни и являлось по сути бегством, зачастую под охраной российских военных, бегством «в чем была», «с одним чемоданом» и т. п.³⁵

Здесь мы имеем дело с принципиально иной моделью переселения, если проводить сравнение с тем, как люди выезжали из большинства других стран с относительно нормальной обстановкой, вроде Киргизии, пусть даже в период массовых и ажиотажных миграций. Стремительность переезда обуславливала, как правило, отсутствие времени и средств для его подготовки («разведок», поисков жилья, работы и пр.). Отсюда ориентация на государственные службы, зависимость от их решений и помощи и, соответственно, новые, нередко тяжелейшие испытания в России при невозможности вернуться обратно (недаром некоторые из опрошенных петербургскими учеными людей всерьез

задумывались о самоубийстве)³⁶. Отсюда же и высокая степень визуализации этой группы переселенцев в глазах российских СМИ, правозащитников, общественного мнения, ученых — тем более, что речь идет о десятках и даже сотнях тысяч человек. И все же, при самом глубоком сочувствии к людям, испытавшим на себе последствия этнополитических конфликтов и вспышек насилия в первой половине 1990-х гг., на фоне всех остальных переселенцев они составляли меньшинство. Однако естественный «сдвиг» общественного внимания в их сторону, возможно, способствовал смещению в оценках обстоятельств выезда **всех остальных** русскоязычных мигрантов — отсюда повышение «градуса» тревожности, склонность к паническим прогнозам, превращение проблемы в ставку в играх политиков (напомню в этой связи мнение Льва Гудкова, приведенное в главе 1 данного раздела).

Возвращение в Киргизию: как и почему?

Если переселение в Россию как замысел и действие определялось в основном социально-политической атмосферой и было движением «в потоке» (хотя и с наложением личных жизненных коллизий), то возвращение — это движение «против течения». Факторы приватного свойства: человеческие характеры, особенности отношений в семье и вокруг нее (в рамках сетей поддержки); локальный контекст переселения, т. е. та конкретная ситуация, в которой оказались мигранты; наконец, случайность, поворот судьбы, — играют тут более заметную роль. Вот почему «анатомия» возвращения будет показана не через описание российских трудностей как таковых, а с помощью типологии возвратных случаев (включающей и типологию характеров). Это дает, на мой взгляд, более стереоскопичную картину различных комбинаций *push*- (Россия) и *pull*-импульсов³⁷ (Киргизия), а объяснительная модель «в России плохо, оттого и вынуждены вернуться к тому, что оставили» является неадекватной и чрезмерно упрощенной.

(I) Ситуации личностей. Прагматики

Если представить изученные случаи возвращения в виде шкалы, то по ее краям я бы разместила четко выделяющиеся из массива «ситуации личностей», а между ними — более аморфные и разнокалиберные «ситуации обстоятельств». Движущая сила первых — люди действия, способные, стремясь «оседлать» эти самые «обстоятельства», круто и в неожиданной точке изменить свою жизнь, пусть даже идя наперекор желаниям близких людей, травмируя их. Случаи второго типа предполагают скорее пассивное приспособление к условиям среды, следова-

ние намеченным курсом, пока не улыбнется судьба и/или эти условия не станут, с точки зрения конкретного человека/семьи, совсем уж трудно выносимыми. Предложенное деление в известной мере условно, поскольку решение о возвращении и его реализация уже сами по себе говорят о способности изменить свою жизнь — но все познается в сравнении...

Представителей крайних «точек» я называю активными прагматиками и активными романтиками, а движущими мотивами их поступков являются, если говорить кратко, «деньги» («я решил, что мне выгоднее быть здесь...») и чувства («потому что здесь все родное и близкое»).

Один из «прагматиков», архитектор по образованию, еще студентом покинул Киргизию вместе с родителями, братьями и сестрами, когда его отцу предложили хорошую работу в России. Еще не закончив тамошнего вуза, молодой человек, оставив семью, возвращается обратно в Бишкек:

«Н. Получается, вуз Вы закончили уже здесь?»

Ник. Да.

Н. Почему Вы все-таки решили, что здесь лучше? Вам что, не понравилась Россия?

Ник. Ну, скажем так, ничего такого я там для себя не нашел, что бы меня задержало на долгое время.

Н. А Ваша семья вся решила остаться? Все как-то стараются воссоединиться с семьями...

Ник. Вы понимаете, вот, допустим, отцу предложили хорошую работу, хорошо оплачиваемую. Это ему там по душе, и т. д., и т. д. В принципе, мечта каждого человека — получать деньги за то, что очень нравится. Я для себя ничего такого там не нашел, поэтому... ну, в тот момент я решил, что мне выгодней, в плане, если жизнь как-то строить свою...

Н. Карьеру, Вы имеете в виду?

Ник. Карьеру, да... и вообще, карьера — только одна из частей устройства жизни... Много вопросов... и я решил, что на тот момент мне нужно быть здесь, вот и все.

Н. И Ваши планы... Вы не разочаровались в этом своем решении?

А. Я не думаю... по крайней мере... ну, может, что-то не так, как хотелось бы, но по крайней мере я не думаю, что я что-то потерял, когда я оттуда уехал».

Было понятно, что переселение было вполне благополучным с точки зрения среднестатистической (тем более, что Николай жил с родителями и не должен был сам биться за кусок хлеба), но неудачным с точки зрения «вписываемости» в его амбициозные планы. Он рассказал, что «массу работы переделал» в России, пытаясь заработать, но результат его не удовлетворил. Киргизия также оценивалась в первую

очередь как возможный плацдарм для социального продвижения, а если не получится, и она может стать промежуточной станцией:

«Н. Но Вы собираетесь здесь остаться или как? В условиях разумного временного горизонта?»

Ник. У меня есть определенные планы, при условии, что я здесь остаюсь; если те планы у меня не воплотятся в жизнь, значит, я буду делать другие дела.

Н. А возвращение в Россию Вы рассматриваете как вариант?»

Ник. Возможно, если это будет мне выгодно.

Н. И, наверное, Вы еще рассматриваете какое-нибудь дальнейшее зарубежье?»

Ник. В принципе да, потому что всем, как Вам сказать, хочется быть по достоинству оцененными, получать нормальные деньги за свою работу...

Н. А с какой вероятностью Вы останетесь здесь, Вы можете сказать?»

Ник. Скорее всего вероятность 50/50. Я буду взвешивать, где больше плюсов, где больше минусов, и все».

Подобный настрой хорошо согласуется с идентичностью, которую респондент вполне точно определил как «космополитизм» («я не могу сказать, где я свой — нигде»).

Другой яркий пример того же типа — выше упоминавшийся сверкор респондентки Людмилы, который, испугавшись грядущего экономического развала в Киргизии, спешно выехал в одну из областей юга России (с женой и сыном) и буквально вытолкнул туда же семью другого сына, мужа Людмилы. Обустройство двух семей шло несколько по-разному.

«Молодые» довольно быстро приспособились к новым условиям, включая и Людмилу, хотя уезжать из Киргизии, напомним, ей совсем не хотелось. Семье выделили жилье, правда, не очень благоустроенное («когда я первый раз увидела то, что нам предложили, я была в шоке»), но зато его оплачивал колхоз, а через полгода обещали дать новое жилье, в строящихся вокруг домах. Муж работал по специальности, агрономом. Сама Людмила, хотя о ее трудоустройстве не было предварительных договоренностей, пресытившись ролью домохозяйки, сначала нашла работу в школе, тоже по специальности (учителем истории). Поскольку школа находилась далеко и туда было трудно добираться, женщина уволилась и нашла место, которое ей очень нравилось — социального педагога в центре помощи семье и детям (работа не только интересная, но и «чистая», с нормированным рабочим днем, недалеко от дома). Правда, потом выяснилось, что квартиры в новом доме не будет, у колхоза нет средств, но впереди замаячила другая возможность. Финансовые трудности (задержки с зарплатой и пр.) тоже довольно успешно преодолевались:

«Я была на работе, общалась с людьми, и я думала, что так в принципе можно жить, и потом я думала, что что-то изменится все-таки с нашим жильем, потому что мы развели большое хозяйство и рассчитывали, что с хозяйства можно будет что-то купить свое. Дом, скопить деньги и купить дом. Получалось так, что жили в основном на доход с нашего хозяйства, потому что мой муж, например, за последние 8 месяцев его работы там не получал зарплаты. Ссылались на то, что нету денег... А я получала регулярно, это из областного бюджета. Ну и меня выручало хозяйство, в основном я продавала сметану и молоко. Я на рынок не ходила, просто сотрудники, знакомые, просили привезти. Мы без денег в принципе не сидели тогда...».

Свекор ехал на новое место «просто так; он предполагал, что ему, может быть, найдется работа» (все договоренности мужа Людмилы касались лишь его семьи). Поездив по району, свекор согласился на предложенное место «механика на отделении, с тракторами», вместе с жильем, неважным и без вида на улучшение (в помещении бывшей колхозной конторы: «колодца даже не было, они его сами потом вырыли»). Условия, как я их назвала, «очень средненькие», но на фоне стандартных трудностей переселенцев это выражение стоит толковать скорее в позитивном ключе: была и крыша над головой, и гарантированный кусок хлеба. Примерно через полтора года наш герой поехал в Киргизию по семейным делам и, по словам Людмилы,

«...мы настроились на то, что его два-три месяца не будет. Мы жили своей жизнью, все шло своим чередом, он иногда звонил, и вот он приезжает в конце лета, он три месяца здесь прожил...

Н. В Семеновке?

Л. Нет, то у моей мамы, то ездил в Пржевальск [областной центр. — Н. К.], там оставался сын. У сына был рафик, и свекор как раз весь летний сезон проработал на этом рафике, возил туда-сюда пассажиров, заработал немало денег, что-то еще занял у кого-то, и когда он приехал к нам в конце лета, он уже купил в Канте [районный центр Чуйской, столичной области. — Н. К.] дом. Приехал и поставил нас перед фактом, что купил дом и что мы едем обратно».

Такова событийная канва. Попробуем теперь, опираясь на комментарии респондентки, прояснить и уточнить мотивации главного «мотора» всей истории двойного переселения. Видимо, перед нами типичная модель поиска новой благодатной экономической ниши — на сломе эпох — человеком весьма предприимчивым и нацеленным на материальный успех.

Напомню, что в советское время свекор занимал должность не только руководящую, хоть и не самую высокую (заведующий гаражом),

но, главное, приобщенную к «дефициту». Как известно, автомобили (и запчасти) были тогда одним из самых вожделенных товаров. Суверенитет и разрыв прежних хозяйственных связей, естественно, не могли не сказаться на состоянии «параллельной» экономики на местах, тем более, что автомашины в Киргизии не производятся. Кроме того, приватизация в республике прошла быстро и радикально, одной из первых она вышла из рублевой зоны и ввела национальную валюту — как раз весной 1993 г., за несколько месяцев до того, как обе семьи уехали в Россию. Рушились привычные основы, стабильность, предсказуемость жизни, а потребительские стандарты семьи были высокими (естественно, с учетом местных возможностей):

«Н. Вначале он боялся, что все разваливается...»

Л. Да, а потом он... Понимаете, он все время проработал все-таки в этом колхозе, был при этой заработной плате, все-таки это советское наше мышление, что заработная плата, она необходима, вот может быть это его подтолкнуло первый раз уехать».

«Свекор не рассчитывал на покупку дома, он и наставлял его [мужа респондентки. — Н. К.] на такой поиск, чтобы дали квартиру, чтобы хотя бы эти деньги, которые мы получим за дома, нам хватило на ближайшее будущее, встать на ноги и чтобы жить безбедно, потому что привыкли здесь жить в достатке, будем говорить так, хлеб и вода нас не устраивали».

Видимо, герой нашей истории надеялся, что экономические условия в России будут более напоминать прежние, привычные. Информированность же его о реальной ситуации — не только вообще, но конкретно в тех сельских районах, куда он отправил сына на разведку, вряд ли была высокой, учитывая укорененность в Киргизии, отсутствие родственников и друзей в России и стремительность переезда. Однако оказалось, что и новые, и традиционные пути к «достатку» для уже не очень молодого и не очень здорового человека «со стороны», без связей и больших денег, знания местных нравов, экономической конъюнктуры и пр., в значительной степени заблокированы:

«Его не устраивало жилье, его не устраивала перспектива [с ударением. — Н. К.], и еще потому, что далеко от райцентра... А в России, в России можно было заработать деньги вот только на сельском хозяйстве, потому что все должности, они были и так заняты местным населением, соответственно, нам там... нас, во-первых, мало кто там ждал, а тем более перспективы, например, занимать должность председателя этого товарищества, такой не было.

Н. В селе, конечно, трудно...

Л. А там в селе, конечно же, доход приносило только хозяйство, вот и всё. А тем более вот еще, я упустила, я этого не касалась, самой глав-

ной причиной всего этого было то, что мы приехали уже ко всему разделенному, нам даже не полагался земельный пай.

Н. Да, потому что вы приехали после 1993 года...

Л. Вот, я никогда с этой землей не соприкасалась и мне это было все равно, а при малейшем развале этого же предприятия, товарищества [бывший колхоз. — Н. К.], каждый получал... по меркам Средней Азии это были огромные площади земли... А так как этого нам просто не получить было, ни единого клочка земли, вот это и послужило тоже, давая вернемся обратно, там землю не делят³⁸, мы как были, так и будем...».

Сама Людмила и ее муж именно с подсобным хозяйством связывали надежды на материальное благополучие и независимость:

«**Л.** Понимаете, мы ждали чего-то большего, мы хотели два года на выкладку поработать и потом что-то иметь, машину, дом, как-то мы настраивали себя на это...».

В другом месте интервью моя собеседница заметила, что уже через год, возможно, они сумели бы приобрести свой дом. Действительно, размеры хозяйства впечатляли — две дойных коровы, более 20 свиней и пр. На деньги от его продажи уже в Бишкеке сразу была куплена машина. Что касается свекра, то недеревенская специальность, состав семьи, возраст и состояние здоровья (его жена в России заболела, а ко времени интервью ее уже не было в живых) явно не благоприятствовали выбору аналогичного пути, даже при большом к тому желании. Оказавшись же случайно в Киргизии, в среде хотя и обновившейся экономически, но комфортной с точки зрения востребованности имеющегося социального капитала (связи, знание местного быта, курортного уклада и пр.), он был воодушевлен открывшимися возможностями:

«**Л.** Свекор сказал — мы поедем туда вместе, там можно жить, обстановка изменилась, и там... ну, будем откровенны и скажем так — для моего свекра имеет ценность единственная вещь — это деньги. Он будет жить там, где можно зарабатывать деньги. Деньги...»

Н. То есть он понял, что здесь уже можно зарабатывать деньги?

Л. Да, да... когда он приехал сюда, ему старший сын отдал этот рафик, он почувствовал, что может зарабатывать деньги, деньги неплохие...

Н. Частым извозом?

Л. Да, и при этом не отчитываясь ни перед кем, где он взял и сколько взял, вот».

Как же все закончилось? Людмила оказалась перед очень трудным выбором. Хоть далеко не сразу и не «как по маслу», она все же приспособилась к новым условиям и психологически, и профессионально, и материально. Более того, активно сопротивляясь выезду из Киргизии,

где она жила в окружении многочисленной родни с обеих сторон (возможно, это было одной из причин не вполне осознаваемого страха перед неизвестным), уже в России она почувствовала вкус к самостоятельности, в каком-то смысле повзрослела:

«Я умоляла мужа подумать... мне нравилась моя работа, я как-то привыкла, поняла, что я смогу жить и без родственников, одна... ну, скучно, я не знаю... но во всяком случае, я поняла, что можно жить одним, без мам, без пап, без их поддержки, как-то подниматься и чего-то добиваться в этой жизни. Может быть, вот это меня подстегивало. До последнего не хотела увольняться с работы, хотя они настаивали...».

Однако перед дружным напором, с одной стороны, свекра и мужа, очень послушного сына («в их семье слово отца, отцовское вечное вмешивание в наши дела, это на первом месте...»), к тому же очень пекущегося о здоровье своей матери, которой жизнь в России пошла явно не на пользу; с другой стороны, собственных родителей («тут моя мама узнала, что свекор дом купил, буквально по два раза звонила мне на работу, настраивала меня на это...»), Людмила вынуждена была сдаться:

«Мне не оставалось ничего... я могла единственное, что сделать, сказать, что я не поеду и останься там с сыном. Но это было нереально».

В Семеновку семья уже не вернулась, а поселилась в Бишкеке, в собственном доме Людмилы, который давно, еще в студенческие годы, купили ей родители. В этом доме на окраине города и состоялась наша беседа.

(II) Ситуации личностей. Романтики

Данный тип возвратной миграции представляет в нашей «выборке» 37-летняя женщина по имени Вера, которую много лет назад, сразу после окончания средней школы, вместе с двумя младшими братьями родители увезли в Россию, в маленький городок Псковской области. Наша длинная и эмоционально насыщенная беседа состоялась в начале сентября 1999 г., спустя месяц после возвращения Веры в Бишкек, как она надеялась, «на всю оставшуюся жизнь». Историю этого двойного переселения отличают два момента: отторжение российских нравов, морального уклада и образа жизни в сочетании с непреходящей привязанностью к Киргизии, городу своего детства и юности, оставленным друзьям, привычной среде и пр. И то, и другое с разной степенью выраженности присутствует в сознании почти всех вынужденных мигрантов постсоветского периода, не только возвратных. Однако здесь «притяжение» и «отторжение» достигают особенно высокого накала, а «земное», как и положено «романтикам», интере-

сует нашу героиню в последнюю очередь (хотя бытовые и материальные условия ее жизни в прошлом и те, что сулило ей будущее, трудно назвать даже сносными).

О восприятии российских медвежьих углов переселенцами (и их обитателями — переселенцев) написано и сказано достаточно много. Добавить еще одну красноречивую и подробную характеристику меня побудило то, что здесь мы имеем почти в чистом виде случай столкновения менталитетов, ценностей, взглядов на жизнь, еще не отягощенный перепадами социального (материального) статуса. Семья переехала в спокойно-застойное позднебрежневское время (1979 г.), в родные места матери, которая и инициировала отъезд, потому что «хотела вернуться на родину, к себе туда». Еще не произошел распад СССР с его драматическими последствиями (рыночные реформы, наплыв мигрантов), воспринятыми местным населением как вызов своему хрупкому благополучию. Последнее и не думает третировать приезжих, тем более, что приехали как бы свои, не просто так, а к родственникам. Однако наблюдения за поведением местных жителей «в естественных условиях», а также отпускаемые в адрес Веры незлобивые замечания, «нотации» и поучения вызывают у нее резкое и необратимое отторжение (слово, неоднократно использованное самой респонденткой):

«Сразу произошло отторжение. Нет, если бы мне не так сильно не понравилась сразу первая фраза, которую я услышала от тетки, когда ее муж пришел с работы, до смерти пьяный, я таких вообще никогда людей не видела, я была идеалисткой воспитана до мозга костей здесь, в нашей школе, и сразу вырвать меня... как я говорила — вырвать розу и бросить в навоз. И вот, считая себя розой, из этого города в эту маленькую деревушку... это мы уже потом в райцентр приехали, это всего шесть домов, где все ругаются матом и все пьют, — полнейшее отторжение [громко]. Я сразу для себя эту стену поставила — все, мне здесь не нравится, я здесь ничего не хочу [громко]».

«И вот нас встречала мамина родная сестра, младшая, и я тогда первый раз услышала мат в три этажа, может быть, в десять. Это была присказка к тому, чтобы сказать — вот, наконец-то приехали. Они разговаривают матом, это нормально для них. Я не могу себе позволить опуститься до такой степени, чтобы попытаться встать на не то, что на их уровень, но принять их образ жизни и разговаривать так же, как они, начать выпивать, вести себя так же, как они. Не смогла...».

«Пошла на завод работать когда, первое, что я услышала... откуда ты, что, вот я из Киргизии, говорю, дальнейшие планы вот такие, буду поступать, — “Ты что, дура, пошла на танцы, схватила первого мужика, и все, хватит тебе учиться, десять классов для бабы хватит!” Даже не называют они себя там женщинами, только бабами... Работая с

пэтэушниками, со школьниками, я знаю, что они практически не читают. И отношения у них к учебе, не к учебе, а к процессу обучения, получения образования никакого, не видят перспективы. Может, потому что маленький городок, и от этого, что они не видят, они относятся плохо к учебе. Маленькие ребята, из детского сада, позволяют себе ругаться матом, девочки 7 класса появляются в нетрезвом состоянии на танцах. Меня настолько все это коробит, я не могу всего этого переживать, мне все это неприятно».

И неутешительный итог размышлений о прошлой жизни:

«Образ жизни псковский, вот этого небольшого городка, я охарактеризовала четырьмя словами: пьянство, распутство, беспринципность, малокультуре. Может быть, во Пскове лучше, я не спорю, я во Пскове только училась в институте... но я никогда не могла понять такого огромного количества спиртного, какое выпивали даже молодые девчонки после школы, на какой-то праздник собирались... Для меня это было неприемлемо».

«Поставленная стена» так и простояла 20 лет; Вера сознательно выбрала путь самоизоляции: «Я сама по себе жила там все эти годы. Все подруги, всё здесь». Не сложилась личная жизнь; единственная появившаяся подруга, что характерно, оказалась не местной, а из Ленинграда (кстати, если бы не сложные семейные обстоятельства, она готова была ехать с Верой в Бишкек). Распался, в чем-то физически, в чем-то духовно, и близкий круг: отец умер; старший брат, хорошо помнивший прошлую жизнь и испытывавший те же ностальгические чувства, ушел в армию и «сделал все возможное, чтобы не вернуться в этот городочек». Оставшиеся члены семьи — мать и младший брат, не разделяли «идеальных взглядов» Веры, что ее очень угнетало. Брат в силу возрастной незрелости оказался весьма уязвимым перед лицом местных нравов:

«...когда он стал такие вещи мне говорить, что ты дура, что ты училась, а я больше тебя зарабатываю, а я не училась... Вот это все выслушивать, просто там не понимают меня, даже самые близкие люди...».

В матери, видимо, заговорило заложенное в ней с детства, помноженное на естественные опасения за судьбу дочери, которая никак не хотела жить, как «все люди живут»:

«...что мне не понравилось в моей маме... она ведь никогда здесь матом не ругалась, я никогда в жизни не слышала; значит, она принимала и находила нужные слова, другие как-то говорить... но матом ругаться, чтобы ее приняли там за свою, какой она была... Мне это очень не нравится, когда начинают говорить <неразб.>, она мне говорит: “Ну вот,

две дурочки соберутся (это, значит, я и моя подруга) и начинают строить воздушные замки. Никак не опустятся на грешную землю и не начнут жить так, как все люди живут". Вот это вот ее фраза».

Возможно, внимательный читатель уже обратил внимание на то, что ничего не сказано о материальных, бытовых условиях жизни Веры в России, о том, что ее там окружало. Это не случайно. По собственной инициативе, идя в беседе кругами, она вновь и вновь возвращалась к стороне духовной, психологической, а о «земном» упомянула вскользь, опять же, говоря о чувствах:

«Единственное, о чем я тоскую, что я оставила мать. Я много лет прожила с ней, в одном месте, в общежитии мы с ней жили. Мы там даже не смогли на жилье себе заработать. Я работала завучем в школе...».

Лишь после моих настойчивых вопросов «выплыли» некоторые подробности, рисующие картину полнейшей беспросветности. Вот, например, каким способом специалист с высшим образованием, с большим опытом и стажем, учительница математики, пыталась судорожно заработать себе на жизнь:

«Н. Вы там закончили институт и работали в школе?

В. В ПТУ, в одном ПТУ. Там вообще ребят стало мало рождаться, стал набор очень маленький, меньше ставки, и мне предложили переводом перейти в другое ПТУ и попутно работать в двух школах, по совместительству, сельских школах, ездить. Или даже в трех, математику преподавать. И вот я полпятого вставала прошлый год, каждый день уезжать деревенским автобусом, за 30–40 км, в одну школу, в другую школу. Там понемножку часов, в одной 7 часов... на полную ставку не хватало... А в прошлом году снова без работы осталась, в этом ПТУ снова сократили группы, городочек небольшой... И я осталась без работы, и ко мне в сентябре пришли и сказали: хочешь завучем работать, в той школе, куда ездила, в одной из школ? Завуч вышла на пенсию. Не сказать, чтобы я уж очень завучем хотела работать, но у мамы сидеть на шее...

Н. И у завуча, наверное, немножко больше денег?

В. Если бы их выдавали... Они до сих пор там и остались. Зарплату по 3–4 месяца не выдают. В одном ПТУ у меня долг 2 тысячи, в другом тысяча долг, и в школе 2 тысячи долг, и все это висит, и написаны доверенности на маму, но надежды мало... Я два года назад сюда приезжала, хотела сразу вернуться, но там зарплату не выдали, даже по суду, в школе...».

«Н. А с жильем у вас было ничего?

В. Общежитие, страшное общежитие при ПТУ.

Н. С 1979 года общежитие ???

В. У нас не было никакого другого жилья. У нас был еще соляной склад.

Н. В 1979 году так мало выезжали, не было никаких...

В. Не нужны там вообще люди, понимаете, у меня такое впечатление сложилось... Настолько к людям отношение какое-то наплевательское, где ты живешь, в каких условиях живешь — никого не интересует, лишь бы работа, работа, работа».

Пытаясь найти хоть что-то светлое в той среде, что окружала Веру в России, я переключила ее внимание от райцентра на столицу области, где она прожила несколько лет, учась в вузе. Однако Псков, с его богатой историей, ассоциировался у моей собеседницы, опять же, лишь с антикультурой и бездуховностью, но проявляющимися уже не на уровне личности, а государства:

«Н. А Псков Вас не примирил с Россией, это все-таки большой город и еще с историческим прошлым...

В. Понимаете, все почему-то восхищаются этим историческим прошлым; когда я попыталась, нельзя сказать, что у меня не было попыток, как-то приобщиться к этой культуре, когда я увидела эти заброшенные церквушки, на которых написано, что это охраняется государством, но там все побито, стекла, там просто безобразно нагажено, — это произошло второе отторжение. Как можно эту табличку вешать и после этого за этим зданием и за этим редким, 15 или 16 века сооружением не ухаживать. Вот это вот мне непонятно. То есть исторических таких церквушек там 26 насчитывается, но они все в ужасном состоянии, кроме тех, которые действующие. Которые недействующие, которые охраняются государством, их никогда не реставрируют, сколько я жила там, три года...».

Духовной терапией все 20 лет служили для Веры воспоминания о Киргизии (Бишкеке) — с одной стороны, как о принципиально иной природно-культурной среде (горы, площади, фонтаны, свой микрорайон, школа и т. п.); с другой стороны, сильно персонализированные (не забывшие ее учителя, любимая классная руководительница; две закадычные школьные подруги, русская и киргизка, ставшие ее главной опорой в новой жизни)³⁹.

Хотя респондентке довелось посетить разные города России, и в поисках нового места жительства, и по туристическим путевкам, ей нигде не понравилось. Желание вернуться с годами только укреплялось: «Это накапливалось давно, я давно ей говорила — мама, я уеду, я уеду, и все». Лишь семейные обязательства мешали осуществиться этим планам: «Я как старшая в семье, со мной особенно никогда не цацкались... вечно какие-то мои проблемы оставались на заднем плане...». Однако с течением времени психологический ресурс девушки сильно истощился; пытаясь объяснить матери свои мотивы, она нача-

ла вызывать к ее собственному стремлению на родину, «благодаря» которому Вере и пришлось провести 20 лет в российской глуши:

«Я считаю, что я долг свой по отношению к ней до конца выполнила, я уже не могла в силу психологических причин там оставаться. Мы уже с ней стали ругаться по этому поводу, раньше мы не ругались никогда. Она не понимает меня, а я не понимаю ее. Я говорю — мам, сколько лет ты жила здесь, ты так рвалась сюда, к себе; ты пойми меня, я столько же лет прожила в твоей [название города выпущено. — Н. К.], и я не могу терпеть, именно терпеть...».

Результатом растущего внутреннего напряжения стал переезд в Киргизию — «одним прыжком», без попытки подготовить какой-то плацдарм для приземления:

«И сейчас я приехала, я вот рискованная женщина, как они [подруги. — Н. К.] меня называют, я с одним чемоданчиком приехала, у меня здесь ничего нет, у меня нет ни квартиры, только нашла работу, вот буду в школе работать, директор сразу обещал мне общежитие... и я не хочу отсюда никуда уезжать».

Я оставила Веру успокоившейся, чувствующей себя «как дома» и полной надежд на лучшее. Уже в самом конце интервью, как бы подводя итог прожитому, она попыталась сформулировать, отчего ей так трудно было в России:

«В. ...может, оттого, что я жила здесь в столичном городе и меня сразу перетасили чуть ли не в деревню, а может быть, потому, что я должна жить именно здесь. Я в другом месте жить не хочу [очень прочувствованно].

Н. А как Вы воспринимаете Киргизию?

В. Как что-то свое родное и близкое... Я не знаю, как это объяснить...».

Многоточием осталась у меня в памяти и ее судьба, в которой, хочется надеяться, наступила более светлая полоса. На этом можно было бы завершить историю, занявшую уготованное ей место в нашей типологии. Но ее социологический информационный заряд, мне кажется, выходит за пределы проблемы возвратных миграций (но не за пределы книги). Она показывает на примере одной жизни, как работали гаечки и шестеренки механизма империи (вернее, той страны, которую принято так называть, прибавляя то одно, то другое прилагательное); почему трудно определить, что являлось в ее границах «настоящей» метрополией и колонией; каким образом случилось, что люди, разбросанные по ее просторам, вынужденно или добровольно, при всей жесткости внешнего идеологического каркаса системы, по

сути, жили в разных мирах, при каких-то разных социализмах... А потому и «воссоединение» их после распада СССР слабо напоминало идиллическое «возвращение на родину»⁴⁰.

(III) Ситуации обстоятельств

Если говорить об историях двойного переселения, занимающих промежуточное положение между выделенными полюсами, сразу надо исключить из «целевой группы» случаи возвращения по сугубо личным причинам. Их было два (три, если добавить рассказанную выше историю семьи Людмилы): у респондентки заболела, а затем умерла мать в Григорьевке; еще одна семья вернулась в Бишкек, потому что оставшаяся в доме свекровь моей собеседницы переезжать категорически не хотела, а жить одной и вести дом ей уже было не под силу. Понятно, что за подобными случаями стоит относительно нормальное, близкое к благополучному устройство в России. Их малочисленность весьма красноречива. Естественно, речь не идет об экстраполяции результатов качественного исследования, но по сути своей наш «расклад» вполне корреспондирует с тем, что уже давно стало очевидным: и экономическая, и социокультурная, и психологическая адаптация вынужденных переселенцев протекали очень тяжело.

«Ситуации обстоятельств» определяются различным сочетанием факторов выталкивания и притяжения — общих (фоновых) и частных (актуальных для конкретной семьи); материальных (квартира, работа и пр.) и психологических (трудности общения; тоска по оставленным местам, друзьям и т. д.). Сочетаний много: явный перевес первой группы факторов (все неважно или почти безнадежно, а в Киргизии сохранились свои плюсы, как минимум, жилье); на фоне той же безнадеги какой-то шанс, позитивный сдвиг, счастливый билетик для конкретной семьи и/или осознание того, что там положение стало более благоприятным и не грех этим воспользоваться (вариант: «старое» переоценивается с учетом российского опыта); формально все неплохо, но «на душе серо» и пр., и пр.

Главным камнем преткновения при обустройстве вынужденных переселенцев в России, как известно, являлось жилье. И в нашей целевой группе лишь шесть семей решили эту проблему достаточно удачно и быстро (покупка, постройка дома; предоставление хорошей квартиры колхозом или пригласившей на работу организацией; сюда же, правда, входит и респондентка, переехавшая в Якутию в 1989 г. и успевшая уже через три года приобрести там квартиру на большие «северные» заработки). Все остальные, хотя и не оставаясь формально без крыши над головой, перебивались либо съёмными квартирами, что стоило немалых денег, либо проживанием во временных, неблаго-

устроенных «ведомственных» помещениях и общежитиях. Предварительные договоренности рушились по мере углубления экономического кризиса в России и разворачивающейся приватизации:

«Нам пообещали сразу; в течение года обеспечим. Потом, значит, квартиры нет; мы даем, не подъемные, как это называется? Ну, вот, на обустройство, кредиты. Начал бегать по этим кредитам. Квартирку мы сняли, заштатную, дом частный... Там система такая была. Если хочешь строить что-то, купи кирпич, отчитайся этими чеками, тебе деньги дадут. А стартовый капитал-то у меня где? У меня же ничего нету...».

«Когда я туда устроился [в совхоз. — Н. К.], обещали мою проблему жилищную решить, со временем обещали, а строить так и не начали строить, как фундаменты стояли, так и стоят».

«Жилья там нет... То есть только покупать, даже общежития, даже этого нет. Потому что все приватизировалось... мне сказали, хотя бы на полгода раньше, выбрали бы тебе комнату».

«Договорился [муж респондентки. — Н. К.], что его берут на этот завод, временное жилье, первое время, видимо, снимать придется, месяцев через шесть дадут ведомственную квартиру, а потом, поскольку они сами строят, то перспектива на собственное жилье... Но когда мы приехали туда, выяснилось, что разруха докатилась до того завода и что они ничем не смогут помочь...».

«Я вначале жила у сестры, потом дали общежитие. Там строился дом, но его заморозили...» — вот перечень стандартных историй необращения собственного жилья.

Люди терпели — и год, и два, и три... Лишь в одном случае ситуация очень быстро приняла «пожарный» характер. Женщину с сыном поселили в совсем непригодное для жизни помещение — административный корпус больницы, обещая при этом, что ситуация вот-вот разрядится. Промучившись так несколько месяцев и не видя просвета, она решила вернуться обратно, хотя работала по специальности и могла рассчитывать на карьерный рост. Поскольку эпопея переселения завершилась для нее столь стремительно, она сделала еще несколько попыток устроиться в других местах, ездила по России, но, при большом спросе на врачей, ни малейшего шанса получить хоть плохонькое, но несъемное жилье, так и не появилось.

Не видя перспективы, некоторые решились на возвращение, ориентируясь на оставшиеся в Киргизии дома и квартиры (или жилье родителей). Для кого-то ситуация за время отсутствия изменилась в лучшую сторону — например, получен в наследство дом умершей родственницы, семья брата переехала в село и освободила квартиру. Семьи, которые и уезжали в основном в надежде отделиться от родителей и/или улучшить жилищные условия, не преминули этим воспользоваться.

Если говорить о группе в целом, важным фоновым обстоятельством, благоприятствующим возвращению, стал перепад в ценах на жилье между Россией и бывшими республиками Центральной Азии в условиях все еще сильного миграционного оттока. В иссык-кульских селах мне не раз демонстрировали крепкие дома с прекрасными садами, купленные (или предлагаемые для покупки) за 2,5–3 тыс. долл. Причем разница в ценах сопровождалась столь же заметным контрастом качества, тоже в пользу стран выезда. Не секрет, что уровень обеспеченности жильем населения их городов и развитых сельских районов (где высока доля русскоязычных) существенно превосходил среднероссийский — и по метражу, и по комфортности (еще один штрих к сюжету о «колонии» и «метрополии»). Отсюда, кстати, завышенные, с точки зрения рядовых россиян, особенно сельских, притязания среднеазиатских «русских» и свойственный им уровень бытовой культуры... Показательна в этом отношении «жилищная эпопея» одной из семей «возвращенцев»:

«И. Отец... километров 20 там есть станица Изобильная, купили маленький частный домик, ну, за миллион. По тем временам миллион представляете, что? Хотя я сразу сказал, что это могила ваша здесь будет. Мать сердечница, отец безногий. Сугробы наматает полтора метра, в туалет сходить, туда, за огород, это утром надо прорубать туда дорогу... Ну, отец получил, как говорится, то, что хотел [переезд состоялся под давлением отца. — Н. К.]. Когда мы уже через год его привезли, свой домишко он там продал тоже за копейки... ну кому он нужен? В этом доме еще в 30-х гг. была сельская управа. Опять же, никаких коммунальных услуг, ни канализации, ни воды... Приехали, кое-что заработанное у него было, кое-что из вещей продал и взял здесь трехкомнатную квартиру.

Н. Трехкомнатную?

И. Немцы тогда выезжали... это был 1995 год, немцы, быстрее, быстрее, быстрее... И мы ее за четыре с половиной...».

На фоне сказанного неудивительно, что жилищные условия подавляющего большинства респондентов после возвращения не стали, как минимум, хуже, а для кого-то существенно улучшились (о таких случаях я уже упомянула и еще расскажу ниже).

Трудоустройство — другой материальный фактор, провоцировавший выталкивание из России. Дело не только в наличии работы как таковой. Некоторых респондентов, которые трудились в бюджетной сфере и в колхозах, успела накрыть волна хронических задолженностей по зарплате. Одна из моих собеседниц, проработавшая девять лет заведующей детским садом в одном из поселков Якутии, назвала постоянные задержки (начавшиеся, по ее словам, еще в 1991 г.) главной

причиной возвращения. С ней приехали ее младшая сестра и брат, готовилась к переезду и старшая сестра.

И все же, в отличие от жилищной проблемы, создающей ситуацию полнейшего тупика, бесперспективности, я бы не отнесла фактор трудоустройства к витальным. Иными словами, наличие приличной работы (устраивающей и по деньгам, и «по душе»), как правило, не могло помочь с жильем (с учетом низкой среднестатистической зарплаты и высоких российских цен на недвижимость). А что касается работы как таковой, при наличии желания и инициативы пространство выбора в целом было достаточно широким, но, важная поправка — для выехавших в относительно развитые регионы и/или в города.

Те, кто попал в депрессивные сельские районы, даже будучи сами выходцами из деревень, людьми с невысоким уровнем образования и культурных запросов, столкнулись с таким запустением (в экономике, инфраструктуре, в целом в среде обитания), что вкупе с тяжелым климатом это побудило их пересмотреть свое решение. Не помогло ни наличие родственников, ни покупка (строительство) приличного жилья. Вот почему «григорьевская» часть нашей целевой группы, при всей специфичности каждой судьбы, являет нам однотипную историю возвращения в одном важнейшем пункте: ключевым фактором притяжения, «работающим» на контрасте, стала особая природно-хозяйственная среда северного Прииссыккуля, дающая возможность прокормиться. Добавим сюда и привычное пространство общения, хороший климат, низкие цены на жилье. Как и в России, нормально оплачиваемой работы в организованном секторе здесь почти нет, но есть мощные компенсаторы в виде частной сельской экономики, основанной на торговле щедрыми дарами земли (подробнее см. главу 1 раздела II) и помноженной на преимущества курортной зоны.

Вспоминает молодая женщина, оказавшаяся в сибирском поселке (вернулась с мужем и ребенком в дом родителей):

«Н. А почему Вы решили все-таки вернуться?»

М. Ну как, то, что не было жилья, для ребенка не было климата. Здесь мы как-то привыкли, у нас сады... там в принципе тоже, но яблोक нету, малины тоже, надо идти в лес собирать ее, а с мая по июль вообще нельзя из дому выйти, клещи и комары. А комары вообще все время, как только началась оттепель и до самых первых морозов.

Н. А огороды были?

М. Были, у нас участок был, сказали, что он заброшенный, мы его обрабатывали и сажали картошку. Вот, ребенку не было климата, комары, у него большая аллергия была, и мы решили уехать, и не жалеем... У нас летом без работы никто не сидит, да и зимой тоже, картошку выращиваем и продаем, поросята, хозяйство, сад...

Н. А еще поездить по России, что-то поискать — вы не планировали?

М. Нет. То, что мы увидели — это, по-моему, везде так. Потом там очень тяжело. Мы и здесь не совсем русские, мы и там нерусские.

Н. А что, были какие-то проблемы?

М. Нас так и называли — киргизы...».

Еще одна семья (дочь с пожилыми родителями), тоже вернувшаяся из Сибири (дом в Григорьевке был продан, приобретено жилье в России, потом продано и опять куплено в том же селе):

«Н. И как Вы решили обратно?

Л. Как решили? Знаете, мы год прожили, я там как болела, у меня была душевная тоска...

Н. Этот год?

Л. Да, вот этот год. Как будто, знаете, вывозили в ссылку, вот меня кто-то наказал, такое было впечатление. Я не могла, Вы знаете, во-первых, земли, конечно, много было, все было заброшено; мы сажали смородину, клубнику, все; фактически первый год никакого урожая не было, никакой ягоды; приходилось в лес идти, а это очень было тяжело и далеко; в общем, мне это не понравилось. Я пришла к родителям и сказала — у нас было дома, выйдешь, смородина, слива, малина, пожалуйста, все у нас было, вам не нравилось. Вот вы сорвались, теперь что? Я сказала — как хотите, я тут жить не буду. Еще может быть в райцентре, но в райцентре тоже смотря... это только называется райцентр, с улицы не вылезешь, грязь, дожди, постоянно писали родственники — картошку накопили — перегнила... Серость какая-то, и на душе также было. Я говорю, я не буду...

Н. А работа там была?

Л. Работу мне предлагали за 70 тыс. техничкой в школе; меня родители не отпустили. Так как отец у меня инвалид войны, хорошо получал, мама тоже неплохо получала, нужды не было такой, и они меня не отпустили...».

Чета предпенсионного возраста, поселившаяся в одной из деревень Черноземья, в доме сестры респондентки (дом в Григорьевке был продан, а по возвращении куплен другой):

«С. ...на работу нас нигде не брали, мы уже как бы пенсионеры.

Н. А вы пробовали хоть как-то?

С. Ну, конечно, но не получалось, нигде не получалось, такой возраст уже нам не нужен, говорят.

Н. А как бы Вы сформулировали, самое главное, из-за чего вы вернулись?

С. Ужасные климатические условия, вообще, столько комаров грызущих, ветер дует, дожди без конца, солнышка нет. Мы привыкли совершенно к другим условиям жизни. Вот эта грязь, вот эта вода кругом, мы не привыкли так жить, нам все там не нравилось, все не нравилось...

Я даже и сейчас, как страшный сон для меня. Все, все чужое, не было ни дня, ни часа, чтобы я не плакала. Уклад жизни совершенно другой, все не обустроено, моются “у тазу”...

Н. *А огород вы завели какой-нибудь?*

С. *Но мы жили же в доме у нее. Там и огород был, и все, и в совхозе нам давали участок, мы сажали картошку...*

Н. *Картошку... Садов там не было?*

С. *Только совхозный сад был».*

Женщина довольно уклончиво говорила о том, как семья решала проблему выживания в России и потом опять в Киргизии. Видимо, в Белгородской области как-то выкручивались с помощью неформальных заработков, тем более, что сама респондентка, по ее словам, «вся жизнь проработала в торговле». А в Григорьевке увиденное мною, вкупе с мнением соседей («они очень богатые»), было красноречивее слов: купленный после возвращения дом с роскошным садом достраивался и перестраивался, во дворе стояли легковая машина и КАМАЗ, на котором хозяин возил фрукты на продажу в разные города и веси.

При всей значимости жилья (работы), лишь при «обрастании» этих нерешенных проблем какими-то дополнительными обстоятельствами (со знаком плюс или минус) начинало созревать решение о возвращении. Об этом свидетельствует опыт не только сельчан (как мы сейчас видели), но и горожан. Марина, история которой, пожалуй, самая благополучная (если не считать вернувшихся по личным причинам), рассказывает о том, как мостилась ее дорога обратно в Бишкек из шахтерского городка в Сибири:

«Н. *Значит, кроме шероховатостей с вашими друзьями, все остальное в психологическом плане было нормально?*

М. *Да, и в материальном тоже. Я работала в детском садике, по специальности, а муж в горно-спасательной части; работа нас устраивала по всем параметрам. Потом я перешла работать в школу, в гимназию, одну из самых лучших в Сибири. Я здесь не смогла бы, конечно, найти такую работу...*

«Н. *И что же в итоге привело к этому решению?*

М. *Получилось так, что здесь у нас осталось море друзей, один из них начал потихонечку выбиваться вверх, создал свою фирму геологическую здесь, в Бишкеке, частную фирму, стал набирать опытных геологов, и тут как раз получилось, что у свекрови был юбилей, он [муж. — Н. К.] приехал, это было в 1996 г., в марте, через неделю вернулся, и к этому времени уже стало ясно, что тот котлован, в котором должна была быть наша квартира, он никогда не будет построен, он так до сих пор там и стоит; квартира нам отчетливо не светила, никакая, и не смотря на то, что там в материальном плане было гораздо лучше, и*

стабильно, зарплаты этой хватало, и хватало еще на многое другое... Да. Он приехал сюда, его нашли друзья, обработали, дескать, хватит дурака валять, надо вовремя понять... мы ведь там скучали очень... там совершенно равнинная местность, там нет таких пейзажей, как здесь; все равно эта привычка к этим местам... в общем, ностальгия была страшная... ну и все, так и получилось, что его уговорили... Работа была уже последней каплей этой чаши... Я думаю, что если бы у нас даже не хватило денег на эту квартиру, мы бы все равно вернулись, жили бы здесь, с родителями».

Удачный поворот судьбы, который, впрочем, и не совсем случаен, учитывая глубокую включенность семьи в профессиональное геологическое сообщество Бишкека — и нашлась хорошая работа. А благодаря помощи друзей, давших денег в долг, и сибирским сбережениям решилась и проблема с отдельным жильем (родителям мужа купили однокомнатную квартиру, а семья Марины вселилась в ту, из которой они и уехали в Россию). Когда мы встретились, муж Марины работал в той самой фирме, а она, по специальности — концертмейстером и учителем музыки.

История Анны, геолога, и ее мужа, инженера-строителя, наоборот, выглядит наиболее драматичной. Не заладилось с самого начала: предприятие, с которым связывали надежды и на работу, и на квартиру в будущем, обанкротилось и не смогло их принять; жизнь в Московской области создавала особые трудности с регистрацией; работа в другой строительной организации оказалась ненадежной, «там уже все начало чахнуть, зарплату не платили». Кочевали с двумя детьми по съемным квартирам. Сама Анна и не пыталась устроиться со своей специальностью, пробовала торговать на рынке, но неудачно, «потому что все надо делать умеючи»; лишь потом стала шить на заказ и «появился нестабильный, но какой-то заработок». Ситуация временами становилась критической:

«Н. Главной была неустроенность по части работы и жилья, да?

А. Да... В последний год мы оказались... квартиру нашу продают, денег нету, у меня заказов нету, хозяева сказали, чтобы через две недели освободили квартиру, которую они собрались продавать... снять новую — надо заплатить хотя бы за один месяц. Это было время, когда у меня дети... несколько раз было так, что мы собирали бутылки для того, чтобы... сдав эти бутылки, мы шли и покупали полбулки хлеба. Было и такое, хотя конечно, у меня там осталась подруга; если бы не она, мы бы, конечно, умерли там. Она нам здорово помогала...».

Из-за постоянного пребывания, по выражению Анны, «во взвешенном состоянии», даже замаячившее впереди вожаемое жилье

(мужу повезло — он случайно нашел хорошую работу) вызвало у нее отнюдь не только радостные чувства:

«...он меня даже порадовал — там рядом город Монино... и ему показали дом, где у нас будет квартира. Этот дом сдают в следующем августе. И когда он мне это сказал, мне так плохо стало [со смешком]. Я поняла, что если ему дадут квартиру в Монино... у меня желания совершенно никакого не было ехать туда, жить... И вообще я к тому времени уже нажилась... Но я поняла, что если там дадут квартиру, я отсюда никуда не уеду, потому что слишком большой капитал — квартира в Московской области, чтобы его куда-то разменивать, отказываться... Я не смогу от этого... Я всю жизнь буду мучиться, жить в этой квартире, и тем не менее рука не поднимется... И я, конечно, со смешанным чувством, с одной стороны, обрадовалась, с другой стороны, расстроилась, но потом все кончилось, ничего не получилось, он ушел...».

Мысль о возвращении уже начала стучаться в двери, тем более, что в Бишкеке появилась возможность продать родительское жилье под офис и купить две квартиры (этот вариант и был впоследствии реализован). Но на что ехать? «Билет просто, элементарно билет невозможно было купить, не говоря о том, чтобы какие-то вещи отправлять». Но жизнь вдруг повернулась светлой стороной. Позвонил одноклассник и бывший коллега мужа, женившийся на немке и открывший в Бишкеке совместную с Германией торгово-строительную фирму: «Говорит, чего ты там сидишь, дурью маешься, давай поехали работать». Так все и решилось: «И я ему сказала, давай, езжай. Появилась работа, появилось поле деятельности, где можно себя проявить... фирма была уже на ходу. А какие у тебя [здесь. — Н. К.] варианты? Вообще ноль, говорю, абсолютно». В последних двух случаях важную роль сыграли дружеско-профессиональные связи мужей респонденток — факторы, как мы увидим в следующем разделе, весьма значимые для экономической адаптации русскоязычных.

(IV) «Родная кровь», «свое» и «чужое»

Как известно, привыкание переселенцев к российскому образу жизни, бытовой культуре и пр. проходило довольно тяжело, особенно в сельской местности. Обратной стороной медали стало настороженное или даже откровенно враждебное отношение к ним местных жителей. Наши же истории возвращения рисуют довольно пеструю картину психологической адаптации.

Для большинства респондентов (меня интересовали в первую очередь переехавшие в села и райцентры) отношения с коренными россиянами не стали серьезной проблемой; эту тему они сами не под-

нимали, а в ответ на мой вопрос говорили, что в общем «все было нормально»: «Я вот от других слышу, когда приезжают, сжигают и все такое. У нас такого не было, нормально к нам отнеслись...». Из текстов интервью становятся ясны причины такого «благополучия», не только субъективные («мы и сами не вредные», «мы люди не конфликтные»), но и, что важнее, объективные: «Там, господи, где мы жили, какие местные жители? Там шесть домиков, три жилых и три дачных»; преобладание в деревне мигрантов из Центральной Азии; «городская» профессия, работа в райцентре и потому слабая включенность в сельскую коммуникационную среду и т. п. Однако, хотя особо болезненного контакта с российской «спецификой» у данной группы не произошло (в виде трений и конфликтов), это не значит, что они ничего не замечали, не делали выводов.

Людмила, о семье которой много писалось выше, объясняла отсутствие конфликтов своей и мужа образованностью и, соответственно, терпимостью, сравнивая себя с другими приезжими, которые «прямо откровенным текстом говорили всё в глаза, что они думают о местных». Однако, анализируя экспромтом, в ответ на мои вопросы, причины возникающих вокруг нее трений, она четко указала на основные «разломы» между двумя сообществами:

«Мы могли быть объектом зависти только благодаря своему трудолюбию, только. Потому что, будем говорить откровенно, все приезжие из Средней Азии более-менее... даже, если они были алкоголики, они гораздо меньше потребляли алкоголя, и они были более ответственны: если он вечером напился, он знает, что ему надо утром идти на работу. Соответственно, руководство колхоза было заинтересовано в том, чтобы эти люди работали, и предоставляли им, будем говорить так, более выгодные рабочие места... Ну, мы еще отличались тем, что с собой привозили ковры, мебель. Они почему-то вот... ну, не все, считали так — а, вас там раскулачили, а вы сюда приехали... Понимаете? Они считали типа того, что там гребли, гребли, так жили, жили, а потом вот вас раскулачили, вас отправили сюда, вот вы и бежите».

Сергей ориентируется в своих оценках «различия культур» не только на свой опыт, но и на впечатления много ездивших по России друзей и знакомых:

«Н. А поехать в другое место по России — это вам в голову даже не пришло?»

С. А что там делать? Мне очень много людей, друзей ездили отсюда в разведку; вдвоем-втроем собираются — и вперед. Потом приезжали — ребята, там делать нечего. Там совершенно другая культура; вы поймите, что здесь, здесь исторически сложилось так, что сюда уезжали русские наиболее активные, с генами здоровыми, наиболее активные, те,

кто шевелились, что-то умели и имели. Их либо выселяли насильно, в начале революции, или они сами сюда сбегали. Это раз. А во-вторых, когда мы отсюда приезжаем, приезжие... я вот сделал душ, там ни бань, ни душа — ничего нет...

Н. В России?

С. Да. Я провел туда тени, чтобы подогреть... на меня смотрят. как на идиота — что мы там делаем? Я говорю — вы что, душа не умеете сделать? Да вот, зачем это надо... Ребята, надо шевелиться, что-то делать... Менталитет совершенно другой, вот чувствуешь себя совершенно не в своей тарелке, эти шепотки сзади, еще что-то...».

Анна, жизнь которой в России складывалась, как мы помним, очень непросто, о местных нравах вспоминала с иронией и усмешкой; были заботы и посерьезней:

«Н. А какие-то проблемы в отношениях с местным населением у вас были?

А. [со смехом и после паузы]. Не знаю... Я говорю, мы эмигранты, по национальному вопросу. Что там каждый тыкал, что там муж у тебя черный, это можно опустить; самое смешное заключается в том, что я там тоже рассматривалась как... не знаю, как и сказать... лицо другой национальности. Там эта категория называется “приезжие”, “понаехали вы тут”; каждый, у кого не слишком много ума...

Н. Даже в этом научном городке? [семья жила в Пушкино-на-Оке. — Н. К.]

А. Этот научный городок — Вы себе не представляете, это... у кого ума палата, как я поняла, кто пооборотистей, уехал в Штаты, а кто не выдержал вот этот ритм, опустили и спились. Там столько такого народу... И чисто русский этот отпечаток, русского <неразб.> ...в основном матом, мат и пьянство, мат и пьянство, причем первое время меня это потрясало; я достаточно в своей жизни встречала разных людей, которые и матерились, и... да всякие были, но там это в таких масштабах, настолько это в крови у людей, что просто потрясает... И уклад жизни вообще такой... неистребимо убогий. Возьмем такой показатель... по части приема гостей. Меня первое время там потрясало просто... Мы в <название поселка> когда жили, вообще кушать нечего порой было, негде было взять мяса и чего-то еще, но если я кого-то приглашаю, то я считаю, что обязана, по крайней мере, три салата сделать, что-то горячее и торт испечь.

Н. Да, большая программа...

А. Это минимум. Если я пригласила людей, я должна чем-то их накормить, причем не так просто, бутербродиками, а серьезно, чтобы поели, выпить чего-то там, кто что любит, плотно покушать, так скажем. Мы приехали к его [мужа. — Н. К.] тетке, у них на столе было,

это зажиточная семья считается, вареная картошка, капуста соленая, грибы соленые, огурцы соленые, и котлеты она в честь праздника пожарила. Мне так было смешно!»

Позиция наблюдателя могла провоцировать, по контрасту с привычным, и неприятные эмоции, к которым, впрочем, респондентка со временем «притерпелась» (случай возвращения по личным причинам):

«3. Очень неплохие места. Единственное, что мне не понравилось — сам образ жизни, что ли, как это сказать, как люди живут. Живут очень ужасно.

Н. В каком смысле?

3. Пьянство это вообще, безбожное. Пьют, пьют и пьют. Первое время очень тяжело было; я ведь в России не была, не видела вот эту серость, деревушки, деревянные дома, вот эта вот грязь, я ведь этого никогда не видела. В общем, жутко было. Но потом на работу устроилась, в школу...».

У меньшей части группы, сплошь очутившихся вне больших городов бишкекчан, психологическая адаптация проходила гораздо тяжелее. В итоге их «неподготовленность» стала одной из главных причин возврата (история Веры — самый яркий, почти «очищенный» от сопутствующих влияний случай). Эти люди были не просто наблюдателями, более или менее спокойно фиксирующими «странность» увиденного в России; они почувствовали особенности местных нравов на своей шкуре — через конфликт либо острую нехватку привычной среды общения (для горожан с высшим образованием и развитыми культурными запросами).

Респондент рассказывает о том, как в деревне «доводили» его отца:

«С. Потом у отца начались там <неразб.> Он пенсию нормально получал, и он начал ремонтировать там обувь. Во всей деревне ни одного человека, который может обувь ремонтировать. Позор вообще для деревни! И шапки он шьет. Начали завидовать, раза два приходили, угрожали — не будешь деньги платить, мы сожжем твой дом. За то, что больше всех получаешь денег.

Н. Так он же старенький наверное, чего с него взять...

С. 25 года рождения, без ног еще... Сожжем, ты больше всех получаешь, там все... А кому докажешь? В общем, мы первыми оттуда сорвались, я приехал сюда в отпуск...».

Возникали трения с начальством, которые респонденты увязывали со своим особым положением «приезжих»:

«Н. А как там отношения с людьми были?

В. Отношения всякие. Короче, от кого что-то зависело в моей жизни, с тем были отношения плохие, наплевательские.

Н. *А почему такая закономерность?*

В. *А с простыми людьми по-разному. Есть такие люди, которых я до сих пор добрым словом вспоминаю, есть плохие... Может, как везде. А от кого что-то зависело — ни об одном не могу вспомнить хорошим словом.*

Н. *Вы имеете в виду, начальники всякие?*

В. *Начальники. Директора совхозов — это хамы из хамов; в ихнем понимании ты быдло, а я не быдло, я... Короче, не столько вот эта деревенская жизнь, сколько вот это отношение, хамство вот это; я не прижился, не сжился, можно сказать.*

Н. *А Вы считаете, это отношение к Вам лично или потому, что Вы приехали из Средней Азии?*

В. *И то, и то... Киргизами называли».*

Иван, закончивший два вуза («журналистику» и юридический) и работавший до переселения на заметной должности в системе МВД Киргизии, рассказывает о том, как развивалась его «карьера» в милицеских структурах Оренбургской области:

«И. *Потом начались трения с начальником райотдела; ну, я еще по дурусти начал в газетки пописывать, в общем, зубы показал...*

Н. *Проявили критический настрой...*

И. *Не то, что критический; просто ему доклады писал, статьи, но он, видимо, почувствовал во мне конкурента или что... Он тоже карагандинскую школу заканчивал, до меня за два года. Ну и начал постоянно мне ставить... Ну, короче, начались там трения, понял, там нигде квартиры, ничего не будет. Официоз полнейший везде, бюрократизм полнейший, и плюс когда узнают, что ты приехал оттуда, беженец, которых там страшно не любят...*

Н. *Вы имеете в виду — в России или в Оренбургской области?*

И. *Ну, по всей России. У меня знакомых полно. Меня, например, звали “зверь”.*

Н. *Почему?*

И. *Потому я “зверь” и приехал с Киргизии. Хотя мой брат рядом был...*

Н. *А это не потому, что Вы такой мощный?*

И. *Ну, я их там немножко тренировал, физподготовку преподавал, но не поэтому. Ну зверь он и есть зверь, киргиз.*

Н. *Потому что киргизы — звери?*

И. *Ну да. Бывало, что подходили... ты киргиз? Да, я киргиз».*

Алла, врач, получившая приличную работу в больнице, на железнодорожной станции в 130 км от Ульяновска, и оказавшаяся в совершенно тупиковой ситуации с жильем, размышляет о причинах возвращения. Сначала это нейтральные наблюдения, созвучные тем, что

приводились выше, и Алла даже находит в местном менталитете нечто забавное:

«Н. То есть всё это связано только с жильем?»

А. Ну, неустройство быта. Ну, наверное, не только жилье. Я уже не беру тот момент, что там нет никакого досуга, что там идет страшная алкоголизация населения, довольно-таки низкий уровень культуры, даже среди медиков, врачей.

Н. А пациенты?

А. Пациенты [смеется]... Это кошмар, конечно. Такого низкого уровня жизни я еще не видела, честно говоря...

Н. Вы выезжали только по поселку? [А. работала на скорой помощи. — Н. К.]

А. Нет, мы выезжали и в близлежащие деревни... И это кошмар. Причем я там видела тоже очень много переселенцев со Средней Азии, и те люди, которые раньше не употребляли алкоголь, с такой тоски и безысходности, потому что многие продавали все жилье в Средней Азии, начинали пить страшно. Я видела таких людей...».

И относились к Алле и сыну по-своему неплохо, хотя «иначе как киргизами не называли. Вот, идет наша киргизка...». Со смехом она рассказывала о том, с каким интересом и нетерпением в больнице ждали ее контейнер: «А что там у вас есть?»; как она стала ходить в одном платье, чтобы не возбуждать излишних эмоций; что человек с одним-двумя коврами, по мнению местных жителей — «это уже состояние, это уже богачи, их надо раскулачивать, и приехали...», и т. п. Но потом респондентка подошла к тому, что уже не вызывало у нее смеха — своей вынужденной психологической изоляции:

«А. А потом очень сложно было войти с кем-то в контакт, допустим, ну поговорить на любую тему, на другую тему, скажем, не беря быт. Что не касается картошки, птицы, курицы, о том, что кто-то пришел выпивши и набил кому-то морду — это то, что я слышала во время, так сказать, рабочей беседы. Мама приехала, и мы поставили вопрос ребром [о жилье. — Н. К.]. Я очень много там плакала, очень было тяжело... я вообще очень общительный человек, я люблю болтать, у меня много друзей и много знакомых, я без людей не могу вообще. Мне нужно общаться постоянно, чтобы мне звонили, чтобы я звонила, и когда я попала в эту изоляцию, мне просто стало страшно. Я была в реактивном состоянии, у меня развилась депрессия там...».

Другой респондент, сказавший о себе: «у меня здесь в общем-то полгорода знакомых, друзей...», в более лапидарной форме подвел итог своей жизни в России:

«С. Все времяпровождение... какой-нибудь забулдыга зайдет, привет-привет, можно у тебя выпить? Ну пей. Круг общения был. То есть мы, кто с города особенно отсюда выезжает, они не приспособлены к этому... Мы хотим, чтобы ну какие-то, усредненные условия для жизни были, нормальные, и какая-то вера в будущее, ну, перспектива. А когда сидишь и знаешь, что тебе ничего здесь не будет, никаких сдвигов, то вообще желание отпадает жить».

При анализе текстов интервью обращает на себя внимание то, что родственные сети поддержки, на которые рассчитывали переселенцы (имеются в виду родственники — коренные россияне) не только не оправдали надежд как опора, но и стали дополнительным источником психологического отчуждения от местной среды. В нашей целевой группе было три случая переезда «по корням», и все в этом отношении похоже друг на друга. Кроме матери Веры (см. выше), на помощь брата и теток ориентировалась и Клавдия, переезд которой в Алтайский край из Григорьевки состоялся во многом по инициативе отца, выходца из тех мест. Но женщина осталась очень разочарованной и природой, и «отношениями»:

«Н. И как там все складывалось, как у Вас были воспоминания?»

К. А какие воспоминания? Ничего, знаете, даже вот когда уезжала, даже не обернулась, ничего оно мне за год хорошего не дало, только слезы и огорчения. Потому что люди настолько негостеприимные; вот несмотря на то, что мы в Киргизии живем, да, у нас ведь киргизы очень гостеприимны, а там ведь нет. Ведь посмотрите, мы приехали первый год, да, казалось бы, каждый держит коров, даже никакой помощи по-соседски. Просто как эгоисты, вот у меня есть, и всё, а ты как хочешь.

Н. То есть эти отношения как-то не складывались?»

К. Нет, абсолютно. Вот у нас только заходят, там где-то какой-то человек, стараешься, давайте хоть чай, там нет; бывает, что ничего нету, айдате, айдате, чаек какой-то, а там нет. Даже вот пойдешь к родственникам, уже мне мамина сестра, тетя Вера скажет — ой, уже прямо с порога давайте скорее кушать, какая-то у вас дурная привычка. Я говорю — так вот мы всегда, я не понимаю как-то... Не нравился мне народ, очень мне не нравился, вот эта вот постоянная сырость, грязь, вот это вот комарье, постоянно всякие насекомые недоброжелательные, крысы... Вот меня это все не устраивало, невозможно днем в огородах...

Н. Огород был?»

К. Огород был очень большой, а вечером, если выйти пополють, комары не дают... И родственники в общем-то... мы как-то... они от нас отвыкли, мы от них отвыкли, и Вы знаете, у нас так ведь, никаких взаимоотношений не было. Брат, как таковой помощи не было, мы ему больше, как говорится, помогали. В общем, знаете, нас внушило то, что

климат такой, люди вот маленечко какие-то... не знаю, даже как выразиться... не по-человечески как-то это всё...».

Иван, тоже решившийся на переезд в значительной степени под давлением отца и поддавшись призывам родственников («начали, давай, приезжай, и отец... у него эта ностальжи все время, по родине...»), пытается обобщить свой неудачный опыт:

«И. Еще одна причина есть не ехать туда. Как правило, стараются ехать... ну, многие едут к родственникам. Дальним, ближним... И все это начинается как? Все это чисто без разума, а на чувствах., эмоциях. О, родня, родная кровь, да как не помогут? То же самое и мы. Приехали, у брата жили немножко, квартировались, пока... потом ушли оттуда. Потом начались разборки, его жена взревновала, что моя жена красивей, что на нее внимания больше на улице обращают... Все. Полностью они нас развели от родственников; она не захотела — и все. Своих детей настраивает; мой еще маленький был; говорит — вот видите, дети, у нее один такой же, а дочка года на три постарше, — вот видите, дети, как он бегают, как он прыгает, как бешеный; зовите его бешеным. Взрослый человек, учителем работает... что говорит? Зовите его бешеным! У нас отношения с родственниками полностью развалились. Эти слухи пополнили, да они там самые богатые были, да вот он ее бьет, какая-то чушь полнейшая! А люди смотрят...

Н. Городок же маленький?

И. 15 тысяч. В конце концов родственные отношения тоже разрушились, опоры никакой...».

Описанный опыт заставляет, на мой взгляд, задуматься о социокультурных причинах взаимного охлаждения, т. е. находящихся вне морали и обычаев (диктующих необходимость взаимопомощи в рамках коллективов, объединенных кровных родством). Видимо, расхождения между россиянами и давно проживающими на периферии «империи» русскими и другими русскоязычными — в образе жизни, мироощущении, представлениях о «должном» и «нужном», культурных практиках и т. п., настолько значительны, что давно расколовшиеся семьи оказались в каком-то смысле по разные стороны баррикад. В результате чувство общности россиян (пусть не всегда осознаваемое) с локальным сообществом перевешивает значимость кровных уз, а для вхождения в эту группу в качестве «своей/своего» последних недостаточно; нужно еще и вести себя «как все» (вспомним наблюдения Веры за поведением матери). Дальнейшие исследования, хочется надеяться, помогут проверить эту гипотезу.

Наш материал о «психологии», как мне представляется, интересен еще в одном аспекте: он расходится с интерпретацией причин возвра-

щения участниками наших опросов, делавших свои выводы на основании знакомства с возвратными мигрантами и их рассказов о жизни в России. Напомню, трудности общения с местным населением, враждебность последнего, социокультурные барьеры и взаимное непонимание русскоязычные жители Бишкека оба раза посчитали одной из главных (а часто — единственной) причиной возвращения (см. главу 1 данного раздела, с. 90, 91). Однако реальный опыт двойного переселения такого расклада не демонстрирует. С житейской точки зрения это понятно: при улаженности на приемлемом уровне проблем жилья и работы вряд ли можно себе представить, что кто-то мог сняться с места даже/только из-за очень стрессовых отношений с местным населением (если, конечно, речь не шла о поджогах или ином прямом насилии, но такие случаи в поле нашего зрения не попадались). В чем же дело?

Конечно, сыграла свою роль красочность, колоритность рассказов о «чуждых» российских нравах. Это заметно и по цитированным отрывкам из интервью. Но важнее, на мой взгляд, другое. «Слушатели», многие из которых в период активных миграций столкнулись с дилеммой «ехать — не ехать», производили своего рода фильтрацию поступающей информации, выделяя наиболее для себя значимое, созвучное их собственным размышлениям, опыту пребывания в России в советское время и/или впечатлениям других рассказчиков, уже «окончательных» мигрантов (друзей, знакомых, родственников), от которых тоже наверняка поступали какие-то сведения. Здесь мы наблюдаем **один из путей становления/закрепления чувства инакости по отношению к россиянам, так называемой локальной этнокультурной идентичности («среднеазиатские русские»)**, которая будет подробнее рассмотрена в главе 1 раздела III.

Обратная ситуация с ностальгией как фактором притяжения: реконструирующие чужую ситуацию мнения отводят ему более чем скромное место, видимо, под давлением других, более значимых для слушателей сюжетов. А по «живым» рассказам, представляющим собой полотно не только более пространное, но и позволяющее выявить не до конца проговоренное и осмысленное, ностальгия выдвигается на роль очень важной (или одной из важных) «фоновых» причин возвращения — исключая, естественно, «прагматиков». Не все, подобно Вере или Марине, использовали само это слово и делали на нем особый акцент (хотя специально о чувстве ностальгии или чем-то похожем я никого не спрашивала). Важен и подтекст, и брошенные по ходу беседы ремарки, иногда безыскусные и немного наивные — о чувствах, испытываемых в России:

- не было ни дня, ни часа, чтобы я не плакала;
- у меня была душевная тоска;
- вернуться я очень, конечно, хотела, мне было жалко все это;

— *серость какая-то, и на душе так же было;*
— *жена поехала сюда в отпуск, звонит, вот так и так, тоскую там, в квартиру зашла...;*
— *в принципе у меня нет такой сильной ностальгии, вот как я по Киргизии тосковала, такой ностальгии у меня нет по северу..., или о непосредственных впечатлениях по возвращении:*
— *вернулась, и как будто я тут и была;*
— *лучшего, конечно, нигде не найдешь, везде хорошо, где нас нет;*
— *а тут понадобилось вернуться, и мы вернулись с радостью;*
— *здесь я себя чувствую, как говорится, в своей тарелке, и тянет сюда...;*
— *как-то я уже прижилась здесь...;*
— *вот эта эйфория сначала была, что я домой вернулась, персики можно купить нормальные, помидоры, которые не стеклянные, лепешки, зелень, которая пахнет... тут всё вместе...*

Этот пласт воспоминаний и ассоциаций (как и данные здесь и в главе I оценки причин возвратной миграции) — первые кусочки мозаики, воссоздающей далее, на материалах опросов и интервью, целостную картину представлений русскоязычных о родине, корнях, доме, стране проживания, России и своих отличиях от ее жителей.

Подводя черту: о принципе относительности и пределах выносимости

В заключение еще несколько уточняющих авторскую позицию замечаний. Среди факторов выталкивания и притяжения при повторном переселении, безусловно, имеются такие, ценность которых не зависит от социального контекста (например, наличие/отсутствие хорошего жилья). Вместе с тем, на мой взгляд, возвратные мигранты руководствовались и своеобразным принципом относительности. Да, в России, с ее мощной экономикой и огромным пространством выбора, возможности для социального и экономического продвижения несравненно выше, чем в Киргизии — но не для людей, лишившихся из-за переезда прежнего социального капитала (в виде связей и информации) и оказавшихся в депрессивных сферах занятости, где, к тому же, «уже все поделено». Да, в принципе в России выше уровень медицинского обслуживания, но не для людей, попавших в такую, например, ситуацию (респондентка рассказывает о своем родственнике):

«Заболев он поджелудочной железой, два раза был на грани смерти, и никто не мог ничем ему помочь, даже в районном центре, больница была не очень хорошая. Мы не привыкли... пусть тут в основном киргизы в

больницах, но все равно, знакомства, ты можешь через знакомых найти хорошего специалиста... А там он приехал, эта несчастная санитарка, этот дежурный врач, ночь, нестерпимая боль, нет ни обезболивающих, ничего... конечно, потом уже вызвали врачей, и мы набрали лекарств и как-то подняли его...».

То же самое относится к возможностям образования и, шире, развития детей — они в России, конечно, богаче, но не для тех, кто вывез детей из столичного Бишкека в сельское захолустье, где до единственной на всю округу восьмилетки надо добираться по бездорожью не один километр. «Образовательная тема» в сравнительном аспекте не раз всплывала во время интервью. Дочь одной из моих собеседниц из Григорьевки, где школа очень хорошая, с традициями, заметила: «Как говорил мне здешний директор, ты там будешь единственной отличницей; так оно и оказалось». По словам знакомой нам Веры, «поехала во Псков, сразу поступила, настолько уровень... я два года не брала физику, вообще не читала, я просто полистала перед экзаменом конспекты школьные, этого достаточно было, чтобы сдать все эти вступительные в институт на пятерку». Некоторые респонденты, тоже попавшие в села и райцентры, прямо говорили о том, что, уехав (в том числе) из-за детей, они из-за детей же и вернулись:

«Никакого досуга, никаких секций, никаких кружков. Я хотела ребенка вытащить отсюда, а получилось, что там было бы хуже...».

«Потом мы уже уехали, думали, что лучше будет детям, а оказывается, лучше не получается. Там сказали, таких своих хватает».

«До райцентра 7 километров... Дороги не было, грязь же там... Ни школы не было, ничего... Я и вернулся, может, из-за девочки [которой пришлось время идти в школу. — Н. К.], я бы так, может, еще и пожил...».

Обратимся еще раз к двум моделям переселения, различия между которыми особенно заметны при сравнении моего массива интервью с собранными И. Киселевой и ее коллегами. Как показывает анализ миграционных историй, Киргизия, при всей ее специфике (открытость экономики, *de facto* высокий статус русского языка, этносоциальная стабильность), **вполне вписывается в более широкий контекст «вынужденно-нормальных» миграций, характерных для большинства бывших республик, в противовес «вынужденно-конфликтным», являющимся по сути бегством.** При анализе феномена «возвращения» вряд ли стоит поэтому выделять киргизстанскую ситуацию как «особую» или «уникальную».

Сравнение двух моделей поучительно еще в одном аспекте. Обстоятельства и причины выезда, при недобровольной миграции, существенно влияют на восприятие новых условий жизни, готовность к ним

приспособиться, т. е. на их «выносимость». Судя по рассказанным мне историям, оставленное на другом берегу оказалось явно не столь ужасным, чтобы терпеть российское бездорожье, грязь, «грызучих комаров», тяжелый климат, неприязнь местного населения, отсутствие нормального жилья, достойной работы, и т. д., и т. п., тем более, что мосты отнюдь не были сожжены дотла, как в случае «конфликтных» миграций. Тысячи людей, не имея моральных сил и/или материальных возможностей вернуться, терпели, мучались либо пытались улучшить свою жизнь, двигаясь по России. А кто-то, будучи активным деятелем своей судьбы или пользуясь благоприятным стечением обстоятельств в Киргизии (личных и социально обусловленных), возвращался...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отмечу для читателя (хотя мне это представляется само собой разумеющимся), что под возвратной миграцией имеется в виду возвращение после бытового и формального разрыва с прежней жизнью (если не продажа жилья, то выписка с занимаемой жилой площади, увольнение с работы, переправка имущества и пр.) и достаточно длительного пребывания на новом месте, при его легализации (приобретение российского гражданства и/или постоянная регистрация, получение/покупка какого-то жилья, трудоустройство, посещение детьми школы и т. д.).

Многочисленные в период высокой миграционной активности поездки «на разведку» всей семьей или, что бывало чаще, мужчин, даже с устройством на временную работу, с целью «оглядеться» и «присмотреться», или же ставшие особенно популярными в последние годы поездки на заработки, *a priori* предполагающие возвращение назад — все это, естественно, выходит за рамки анализируемого явления. Во избежание недоразумений при беседах на эти темы я всегда старалась убедиться, что под возвратной миграцией люди имеют в виду то же, что и я; таким же образом предписывалось действовать и интервьюерам, проводящим анкетный опрос.

² Кстати, судя по собранному мной досье прессы, в Киргизии о возвратной миграции чаще писали не правительственные, а оппозиционные издания, а также газеты «русской диаспоры» (см., напр.: Южный курьер. Бишкек, 1994. № 32; Res Publica. Бишкек, 1993, 15 мая; см. также прим. 19–21).

³ Подробнее положения этой статьи, касающиеся русскоязычных Казахстана, проанализированы в гл. 1 настоящего раздела.

⁴ Грозин А. Республика Казахстан: в поисках государственной идеологии // Этнический национализм и государственное строительство. М., 2001. С. 400. См. также с. 401.

⁵ А она таковой, безусловно, является; нет никаких оснований считать Киргизию каким-то исключением среди постсоветских стран. В частности, Константин Григоричев, изучавший переселенцев на Алтае, отмечал, что «...на протяжении последнего десятилетия сохраняется и устойчивое обратное движение — из Алтая в Казахстан. Его объем, хотя и не сопоставимый с притоком, остается на уровне 1–2 тыс. человек в год, и около 75–78% в нем составляют русские. Приграничный характер региона в сочетании с неразвитостью рынка труда делает проблему возвратной миграции одной из самых актуальных в изучении перспектив обмена населением между Алтайским краем и Казахстаном» (см.: Григоричев К. Переселенцы из Центральной Азии на Алтае: новая и прежняя родина глазами «отцов» и «детей» // Диаспоры. М., 2003. № 2. С. 127–129).

⁶ Кстати, участники опросов 1996 и 1998 гг., отвечая на вопрос о причинах возврата в Киргизию знакомых им людей, отнюдь не склонны были трактовать их миграцион-

ную историю в подобном принижено персонифицированном ключе (см. гл. 1 данного раздела, с. 90–92).

⁷ Анализ этнополитической и социально-экономической обстановки в Киргизской Республике за 1994 — начало 1995 г. // Федеральная миграционная служба России. Информационно-аналитический бюллетень № 7. М., 1995. С. 70.

⁸ Правда, среди самих участников опроса в 1996 г. «возвращенцев» оказалось всего трое (т. е. 1% выборки), а в 1998 г. — шесть (2%). Я не стремлюсь, тем не менее, интерпретировать эти цифры как показатель истинных масштабов возвратной миграции. Процесс может подчиняться закономерностям, которые вряд ли фиксируются массовыми опросами. Так, по мнению экспертов, небольшой «улов» возвратных мигрантов во время анкетирования объясняется тем, что оно проводилось оба раза среди жителей многоквартирных домов, где и проживает подавляющее число русскоязычных Бишкека. Такое благоустроенное жилье при миграции продать было гораздо проще, чем частные дома, которые нередко приходилось оставлять на попечение пожилых родственников или просто запирать. Но при возвращении наличие жилья является огромным преимуществом, да и в случае покупки частные дома значительно доступнее. Поэтому вернувшихся в Бишкек, по наблюдениям экспертов, легче найти среди владельцев частных домов.

⁹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 1996 г. М., 1997. С. 32; Численность и миграция... в 1998 г. М., 1999. С. 42; Численность и миграция... в 1999 г. М., 2000. С. 32.

¹⁰ Abazov R. Migration of Population, the Labor Market and Economic Changes in Kirghizstan // Migration in Central Asia: Its History and Current Problems. JCAS Symposium Series 9. Ed. by K. Hisao, O. Chika & J. S. Schoeberlein. Osaka, 2000. P. 234–235.

¹¹ Подр. см.: *Зайончковская Ж. А.* Миграция населения России как зеркало социально-экономических перемен // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Т. II. Под ред. Т. И. Заславской. М., 1995. С. 45–47.

¹² Население России 1995. Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 1996. С. 83.

¹³ Численность и состав населения СССР. М., 1984. С. 140.

¹⁴ Известия. М., 1990. № 32.

¹⁵ Так, в 1995 г. в Россию прибыло на постоянное место жительства 908 киргизов (в том числе 688 — из Киргизии), а в 2003 г. — 276 (272); выбыло за пределы России, соответственно, 675 человек (564) и 87 (86). Для сравнения: в том же 1995 г. в Киргизию из России переехало 6582 русских, а в 2003 г. — 582 (см.: Численность и миграция населения Российской Федерации в 1995 г. М., 1996. С. 43, 44, 45; Численность и миграция... в 2003 г. М., 2004. С. 89, 90, 91).

¹⁶ В 1995 г. из России выехали 4438 азербайджанцев (прибыло — 19335); 4446 армян (49898); 12 814 белорусов (18984); 1770 грузин (11648); 5966 казахов (8840); 3822 молдаван (5814); 1040 таджиков (5958); 489 туркмен (875); 2178 узбеков (6086) и 50 900 украинцев (прибыло 100 562). Данные по 2003 г. таковы (выбытие/прибытие): азербайджанцы — 1257/1875; армяне — 916/5717; белорусы — 1862/1807; грузины — 256/954; казахи — 2998/1302; молдаване — 384/980; таджики — 248/982; туркмены — 55/310; узбеки — 246/1596; украинцы — 6055/11 133 (см.: Численность и миграция... в 1995 г. С. 43, 45; Численность и миграция... в 2003 г. С. 89, 91).

¹⁷ Таковую же картину получаем, если смотреть не из России, а из Киргизии. В 1995 г. родину покинуло всего 1654 киргиза, а в 1999 г. (последние данные, которыми я располагаю) — 1162 (см.: Кыргызстан в цифрах 1995. Бишкек, 1996. С. 21; Кыргызстан в цифрах 1999. Бишкек, 2000. С. 219).

¹⁸ Так, в книге, написанной сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН, читаем, что из 169 тыс. русских, уехавших из Киргизии с лета 1989 до лета 1993 г., 61 тыс. вынуждена была вернуться; далее упоминается о «возвращении значительной части уехавших (до 40%) назад» (Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. Отв. ред. В. А. Тишков. М., 1996. С. 179, 181). К сожалению, основания для именно таких количественных оценок в статье не приводятся. По словам Жанны Зай-

ончковой, «русские репатрианты стали реже возвращаться назад. Так, в 1993 г. число русских, выехавших из России, составило 30% по отношению к приехавшим, а в 1994 г. — только 16%» (Население России 1995... С. 82). Георгий Ситнянский, говоря о вернувшихся в Киргизию и Казахстан, прямо отсылает читателя к приводимым тут же данным миграционной статистики (Ситнянский Г. Русские в СНГ — «здесь» или «там»). По поводу нового закона «О гражданстве Российской Федерации». М., 2003. Институт этнологии и антропологии. Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 160. С. 11, 12). В газете «Деловой мир» (1995, 20 декабря) журналист из Бишкека Юрий Разгуляев, ссылаясь на данные российского посольства, пишет о том, что в 1995 г. «из России в Киргизию выехало 15 тысяч человек, а уже вернулось обратно более семи тысяч». Аналогично, советник посольства по работе с русскоязычным населением Юрий Игнатов сообщил мне во время интервью (8.10.96), что за первую половину 1996 г. выехало 6,6 тыс. человек, вернулось около 4,4 тысяч.

¹⁹ Славянские вести (газета). Бишкек, 1992. № 3.

²⁰ Там же. 1992. № 6.

²¹ Res Publica (газета). Бишкек. 1998. № 1.

²² В частности, данные по выехавшим в Россию (по факту выписки) имелись, начиная с 4 января 1991 г., а по вернувшимся оттуда — лишь с 3 августа 1995 г.

²³ Так, по мнению М. Кадракунова, вернулось более половины переселившихся в Россию (интервью 15.09.98). Этот пожилой человек, проработавший более 30 лет в местной школе (из них 23 года — директором), очень хорошо знает односельчан, среди которых немало его бывших учеников; со многими он поддерживает контакты, в том числе с уехавшими и из села, и из Киргизии вообще. Считает, что вернулись бы и остальные, «если бы было на что».

²⁴ Естественно, отдельные случаи такой миграции имели и имеют место — браки, воссоединение семей и пр. Причем, судя по моим наблюдениям, какая-то связь со страной является тут важным условием. Вот несколько реальных ситуаций. 1) Наличие дома (квартиры) у родителей (дальних родственников) в Киргизии. После их смерти россияне, живущие в стесненных условиях и ставшие собственниками хорошего жилья, переезжают в Киргизию. 2) Русские девушки, работавшие по контракту в России, находят там женихов, и молодые семьи решают поселиться в Киргизии. 3) Смешанные семьи киргизов, бывших военнослужащих советской армии; после выхода в отставку перебираются на родину, вместе во взрослыми семейными детьми и внуками. ²⁵ Сошлюсь в качестве примера на опыт моих недавних полевых исследований в Ташкенте. Каждый второй из 25 экспертов, с которыми осенью 2002 и 2004 г. были проведены углубленные интервью, по собственной инициативе упомянул об известных им «возвращениях». Приезжали обратно даже в охваченный сильнейшим экономическим кризисом Таджикистан (так, из 50 русскоязычных жителей Ленинабадской области, проинтервьюированных мной и Ириной Костюковой в октябре 1996 г., 44 человека слышали о тех, кто был вынужден реэмигрировать из России, а 28 человек знали таких людей лично). Но ситуация в каждой отдельной стране, естественно, должна быть объектом специального анализа.

²⁶ См., напр.: Население России 1996. Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 1997. С. 143.

²⁷ Население России 2001. Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 2002. С. 128.

²⁸ Там же.

²⁹ Особняком стоят два случая выезда еще в советское время, в 1979 и в 1989 гг. Однако обе женщины остались частью целевой группы. Рассказанное ими (особенно одной, более давней мигранткой) добавляет очень яркие краски к картине проживания переселенцев в России и к тому, почему прокладывалась дорога назад в тех случаях, когда можно было ожидать полной и успешной интеграции, хотя бы по причине «срока давности».

³⁰ По официальным статистическим данным, доля получивших статус «вынужденного переселенца» в органах ФМС за весь период ее существования (с 1 июля 1992 г.) до конца 1990-х гг. не превышала 27–30% от всех перебравшихся в Россию (статистика

- и расчеты представлены, в частности, в: *Космарская Н. П.* «Женское измерение» вынужденной миграции и миграционное законодательство России. М., 1998. С. 11, 55).
- ³¹ К сожалению, этот многообещающий проект не смог реализоваться до конца по не зависящим от участников причинам; я располагаю лишь двумя выпусками рабочих материалов и одной журнальной публикацией, подводящими итоги пилотажного этапа.
- ³² *Киселева И., Дамберг С.* «Другие русские»: роль в историческом сюжете // Вестник Евразии. М., 2001. № 3. С. 27.
- ³³ Там же. С. 30.
- ³⁴ Там же. С. 23.
- ³⁵ Конкретные свидетельства, многие из которых трудно читать без большого душевного волнения, можно найти в вышеупомянутой статье И. Киселевой и С. Дамберга и, в особенности, в сборнике, подготовленном теми же авторами («Другие русские» или мобилизованная ментальность. Рабочие материалы проекта. Выпуск 1. Отчет о пилотажном исследовании. СПб., 2001).
- ³⁶ Исследователи отмечают два момента, отличающие самоощущения обследованных ими вынужденных переселенцев Петербурга и области и совершенно не характерные для «возвращенцев» в Киргизию: 1) боль является постоянным фоном в рассказах о конфликте, переезде и обустройстве в России; 2) особое состояние воспоминаний связано не только с крайней тяжестью пережитого, но и с тем, что «...миграция, как правило, разделила жизнь переселенцев на **до** и **после**, их биография прошла точку перелома...»; они «...в полном смысле слова начинают свою жизнь заново... Если раньше N. имела биографию, скажем, ткачихи или учительницы, то теперь у нее биография вынужденной переселенки, то есть не просто другая биография, а другая **судьба**» [выделено авторами. — Н. К.] (см.: *Киселева И., Дамберг С.* «Другие русские»... С. 34, 39).
- ³⁷ Эффект выталкивания/притяжения (*push/pull effect*) — общепринятый в миграционных исследованиях термин, постепенно входящий и в русскоязычную научную литературу.
- ³⁸ На самом деле, в Киргизии, в ходе преобразования колхозов, их работникам (по состоянию на определенную дату) тоже выделялись земельные паи в долгосрочное пользование — естественно, при тамошнем дефиците земли не такие большие, как в России. Возможно, пик распределения основного массива земель в Иссык-Кульской области пришелся на период отсутствия обеих семей, а вернувшись из России, они обосновались не в селах, а в городах. Отсюда, видимо, недостаточная информированность Людмилы и свекра, мнение которого она воспроизводит.
- ³⁹ Некоторые из многих высказываний Веры о Киргизии приведены в главе об идентичности (III раздел).
- ⁴⁰ Не имея возможности далее останавливаться здесь на этом сюжете, предлагаю вниманию читателя свою более раннюю работу, основанную на материалах полевых исследований в Орловской области (см.: *Космарская Н. П.* Трудности адаптации переселенцев в Центральной России: попытка концептуализации // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. Под ред. А. Р. Вяткина, Н. П. Космарской и С. А. Панарина. М., 1999).

ВЗГЛЯД «СНИЗУ». ЖИЗНЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ

Аргументы «за» и «против» миграции

Динамика условий жизни в Киргизии, существенные аспекты которой были рассмотрены в данном разделе (а также будут — в следующем, посвященном экономической адаптации), и объясняет во многом то обстоятельство, что определенная часть русскоязычных начала чувствовать себя психологически более комфортно, воспринимать жизненную ситуацию позитивнее, в том числе и существующие в обществе зоны напряженности. Нетрудно догадаться, что речь идет прежде всего о «желающих остаться». Помня о том, что группы различаются и по объективным позициям (характер занятости, социально-профессиональный статус, материальное положение), я, тем не менее, отказываюсь от неблагодарной работы по выяснению, что здесь «главное» — бытие или сознание. Для кого-то, возможно, повышенные толерантность и степень психологического комфорта обусловлены бытовой и профессиональной устроенностью; для кого-то, наоборот, благополучие такого рода оказалось достижимым благодаря природной терпимости, общительности, активной включенности в неформальные контакты с представителями титульной группы.

Анализ высказываний респондентов, полученных при ответах на открытые вопросы анкеты, позволяет, на мой взгляд, говорить не только о факторах и обстоятельствах, **нейтрализующих** выталкивающий избирательный эффект полюса выезда, но и о наличии здесь (или формировании, если речь идет о рациональной оценке ситуации) **эффекта притяжения в лице самой Киргизии**. От опроса к опросу эта тенденция проявляла себя все заметнее и весомее.

Обратимся к эмпирическому материалу, который нам и покажет, как воспринималась ситуация «снизу», обычными людьми. Официально к 1 января 1997 г. жители Киргизии должны были определиться с выбором гражданства, что и сделало большинство населения (по данным опроса, проведенного осенью 1996 г., около 88% респондентов уже имели к этому времени гражданство Киргизии, 3,6% — России и лишь 8,5% еще не приняли решения). Возможности маневрирования в сфере выбора гражданства в тот период уже были весьма ограниченными, поэтому вопрос «Собираетесь ли Вы принять гражданство России? Если да, то почему? Если нет, то почему?» мыслился

(и именно так он был понят респондентами) не как вопрос о намерениях совершить определенное правовое действие, а как импульс к оценке в максимально свободной форме условий и обстоятельств жизни в России и Киргизии, со всеми их плюсами и минусами.

Уже ответы на закрытую часть вопроса демонстрируют заметные различия между группами: среди «желающих уехать» 46,9% хотели бы принять российское гражданство, а 40,6% не имели таких намерений; для «остающихся» эти цифры были, соответственно, 10,9 и 86,0%. При анализе массива качественных данных обращает на себя внимание почти полное отсутствие этноакцентированных «аргументов» группы «остающихся» в сочетании со значительной долей ответов, фиксирующих привлекательные стороны жизни в Киргизии по сравнению с Россией.

Рассмотрим подробнее структуру ответов обеих групп (на примере респондентов-мужчин).

Группа «желающих уехать», если не считать лиц, имеющих российское гражданство (5) и не давших ответа (3), распадается на две большие подгруппы.

Среди мотиваций 30 респондентов, которые хотели бы иметь гражданство России, выделяются: 1) надежды на переезд, либо достаточно абстрактные («связываю будущее с Россией»; «возможно, когда-нибудь перееду») и т. д., либо более целенаправленные, опирающиеся на наличие в России родственников; 2) стремление «подстраховаться», почувствовать себя более защищенным; 3) этнические мотивации, выраженные в большинстве случаев почти одними и теми же словами («я же русский»; «потому что я русский»; «я русский, хочу жить в России»). К семи ответам последнего типа примыкают ссылки на патриотические чувства и на Россию как родину или историческую родину (четыре человека).

Вторая подгруппа состоит из людей, не планирующих принимать российское гражданство. Здесь также велика доля тех, кто находится в состоянии неопределенности, не строит дальних планов; эти люди не видят явных преимуществ в своей нынешней жизни, но в то же время осознают всю сложность и слабую осуществимость переезда. Среди их мотиваций: 1) «пока не собираюсь»; «пока нет, потому что здесь квартира, машина, а там неизвестно, что будет»; «временно остаюсь в Киргизии»; 2) осознание возможных неблагоприятных последствий такого шага («жить в Киргизии с другим гражданством очень тяжело из-за местных законов»; «без жилья и работы в России от гражданства пользы нет, а неприятности могут быть»); 3) абстрактное желание уехать наталкивается на «боязнь переезда», «отсутствие родственников», «некуда выехать, нигде не ждут» и пр.

Выделяются также шесть человек, примыкающих к группе «желающих остаться» — лишь в их мотивациях присутствует апеллирование

не к России (в режиме притяжения—отталкивания), а к Киргизии. Эти высказывания построены либо в позитивном ключе («смысла не вижу пока менять гражданство Киргизии, поскольку сами в ближайшее время отсюда уезжать не собираемся... имея местное гражданство, есть возможность трудоустроиться и продвигаться по службе»), либо звучат внешне нейтрально, но значат для респондентов значительно больше, нежели просто констатация факта биографии («я здесь родился»; «потому что я считаю себя гражданином Киргизской Республики»). Эти мотивы часто повторяются в ответах группы «остающихся» респондентов, к рассмотрению которых мы и переходим.

Здесь тоже есть два «чужеродных» сегмента, примыкающих к противостоящей группе «желающих уехать». Это, во-первых, семь человек, которые хотели бы принять российское гражданство; в их аргументации воспроизводится почти полный набор соображений, уже рассмотренных выше, а также чисто умозрительное желание принять двойное гражданство («поскольку мы русские и в тоже время другие, непохожие на российских русских»). Во-вторых, другие семь человек, не видящие смысла в переезде и, следовательно, приобретении российского гражданства (и поэтому они оказались в группе «остающихся») из-за ряда моментов, отталкивающих их от России или же сильно девальвирующих ее притяжение. Речь идет об отсутствии родственников или более глобальном ощущении своей ненужности в России, а также об осознании бессмысленности переезда, поскольку «бордель что тут, что там».

Можно с большой долей вероятности предположить, что для остальных 45 респондентов из группы «остающихся», т. е. для подавляющего большинства (70%), это желание является вполне добровольным и осознанным. Мотивируют они его ситуацией в Киргизии, образ которой — в констатирующем или оценочном (позитивном и даже восторженном) контексте присутствует во всех ответах. Это, естественно, не означает, что люди сидят на облаке и не видят (или не ощущают) всех трудностей жизни в постсоветском национализирующемся государстве. Однако для весомой доли русскоязычных (если экстраполировать данные опроса) позитивные факты, обстоятельства и оценки явно начали в тот период перевешивать негативные.

Палитра самих ответов весьма разнообразна. 27 раз декларируется намерение остаться и жить в Киргизии («никуда не уезжаю», «зачем, я собираюсь жить в Киргизии», «остаюсь на постоянное жительство», «остаюсь в Киргизии») или отсутствие необходимости в принятии российского гражданства из-за отсутствия миграционных планов («не имею на это причин», «не вижу смысла», «нет необходимости», «не вижу надобности», «зачем?»). Некоторые просто зафиксировали принятие гражданства страны проживания, и восклицательные знаки,

поставленные в анкете рукой опрошенных («я гражданин Киргизии!») говорят сами за себя. А для кого-то наиболее важным оказалось то, что «все друзья и родственники здесь», что «Киргизия — Родина», «родился и вырос в Киргизии». Обращает на себя внимание группа из шести ответов, в которых содержится положительная оценка жизни в Киргизии, не связанная с фактами биографии: «мне здесь хорошо», «думаю, здесь жить можно», «устраивает работа и положение дел», «я доволен жизнью», «мне нормально живется в Киргизии» и пр.

Ответы женщин обеих групп были во многом идентичны ответам мужчин — и по структурным характеристикам, и по конкретным формулировкам. Укажу лишь на то, что среди «остающихся» основное «ядро» (68,7%), не намеревающиеся принимать российское гражданство, аргументировали это следующим образом. 1) констатация намерения остаться в Киргизии и/или отсутствия необходимости (смысла) в российском гражданстве; 2) указание на факт принятия гражданства Киргизии; 3) наличие родственников и нежелание уезжать с родины и, наконец, 4) оценочные (объясняющие) высказывания (13 ответов):

- *потому что 33 года живу в Киргизии и меня это устраивает;*
- *если все будет как сейчас, то здесь будем жить всегда;*
- *нравится жить здесь;*
- *мне нравится в Киргизии;*
- *едут к своим корням, а они у меня здесь;*
- *убеждена, что наладится жизнь в Киргизии;*
- *нам и здесь хорошо;*
- *не считаю себя ущемленной без него;*
- *здесь меня многое держит;*
- *человек должен быть гражданином одной страны, и др.*

Посмотрим теперь, как выглядели ответы на открытый вопрос «Чем Вам нравится Киргизия?», апеллирующий скорее к эмоциям, чем к трезвому расчету. Типичная реакция на этот вопрос, в том числе и вынужденных переселенцев, выходцев из Центральной Азии, обычно состояла в перечислении природно-климатических факторов (в подавляющем большинстве случаев) и в вариациях на тему родины¹. Но в 1996 г., впервые за все время наблюдений (с 1992 г.), здесь появились новые мотивы. Так, наряду с традиционным **эмоциональным** ядром («я здесь родился!», любовь к природе), в ответах 1996 г. оказались достаточно широко представлены и позитивные **рациональные** оценки — в частности, **коммуникативной среды** (15% ответов в среднем по массиву). Ключевым словами здесь были «люди», «народ»:

- *нравится добрыми людьми;*
- *относительная стабильность в отношениях людей;*
- *взаимоотношения между людьми;*

- люди хорошие;
 - киргизский народ;
 - тепло людей, уважение к старшим;
 - народ в целом доброжелательный;
 - народ проще, чем в России, легче общаться независимо от национальности;
 - люди попроще;
 - хорошие люди, дружеские отношения;
 - гостеприимными людьми;
 - относительная стабильность в отношениях людей;
 - национальной особенностью характера киргизов;
 - отношения с людьми более мягкие и гостеприимные, чем в России,
- и т. д.

Это очень важный момент, поскольку свидетельствует о нормализации обстановки на самом чувствительном уровне — повседневного общения. Вернее, процесс на самом деле более сложный — имеет значение и само по себе улучшение ситуации в сфере отношений «русских» и киргизов (недаром в ответах начинают фигурировать «стабильность» и «спокойствие», см. ниже), и то, что люди меньше «зациклены» на миграции (сравним прежнее — «все вокруг об этом говорят, и поневоле задумаешься») и могут трезво оценивать достоинства привычной среды. Кроме того, в приведенных высказываниях явно ощущается влияние российских «впечатлений». И это относится ко всем русскоязычным, отсюда и равномерное распределение соответствующих высказываний среди «остающихся» и «желающих уехать».

Кроме того, появились ссылки на **социально-политическую ситуацию и личную устроенность**, причем они исходили преимущественно от респондентов, намеренных остаться в Киргизии, а в этой группе — в основном от мужчин (четверть ответов):

- спокойствие со стороны межнациональных отношений;
- стабильность;
- можно жить спокойно;
- спокойная обстановка;
- безопасность детей;
- самая спокойная республика и самая красивая;
- на данный момент стабильность в межнациональных отношениях;
- нет войны;
- не притесняют русскоязычное население;
- красивая и более-менее демократичная страна;
- безопасность;
- можно заработать деньги;

- *нравится тем, что имею работу, которая меня устраивает во всех отношениях;*
- *то, что в Киргизии у нас квартира, дача, и пр.*

Ответы на аналогичный вопрос в 1998 г. продемонстрировали примерно ту же структуру ответов; в частности, лишь «остающиеся» (20% мужчин и 5% женщин) написали в анкете, что Киргизия им «нравится» политической и экономической стабильностью (причем слово «стабильность» упоминалось чаще, чем «спокойствие») и тем, что «здесь мой дом, моя работа», «моей обустроенностью здесь» и т. д.

Наконец, наиболее красноречивым свидетельством позитивных сдвигов в восприятии многими русскоязычными складывающейся в республике социально-политической ситуации являются ответы 1998 г. на открытый вопрос о причинах выбора той или иной модели миграционного поведения (он был построен в форме так называемого незаконченного предложения: «Я не хочу уезжать из Киргизии, потому что...»; «Я хотел(а) бы уехать из Киргизии, потому что...»). Различия между выделенными группами тут особенно заметны, превращаясь в **почти полярные**. В целях экономии места рассмотрим подробнее ответы мужчин.

В группе нацеленных в той или иной степени на отъезд² ключевое место в структуре мотиваций занимают два фактора, названные мною условно «**отталкивание Киргизии**» (44,3% ответов³) и «**притяжение России**» (28,6%). Следующими по массовости (12,8%) были ответы респондентов, примыкающих, по сути, к группе «желающих остаться», их реакция на заданный вопрос является разного рода объяснением того, почему они все-таки больше склонны не двигаться с места:

- *мне в Киргизии нравится все;*
- *у меня в Бишкеке много друзей и родственников;*
- *меня там не ждут;*
- *мы там чужие;*
- *когда-то хотел уехать, но там еще хуже, чем здесь, и пр.⁴*

Структура же ответов **участников опроса, составивших группу «остающихся»**, выглядит практически зеркальной. Естественно, никто не аргументировал свое решение обстоятельствами, отталкивающими их от Киргизии; это было бы просто нелогично. Здесь есть небольшое число людей (7,8% ответов), которых, по принципу «и хочется, и колется», страшит обстановка в России, ожидающий их негостеприимный прием («очень трудно устроиться в России»; «в России не лучше, там мы не сможем остаться на этом материальном уровне»; «в России много пьют»; «я уже там жил, знаю, там одна пьянь» и пр.). Обращает на себя внимание и то, что часть респондентов (5,6% ответов) обосо-

ывают свое решение обстоятельствами жизни и в России (негатив), и в Киргизии (позитив): «у меня здесь дети, работа, друзья; кому я в России нужен?»; «в России нас никто не ждет, а здесь мой дом»; «меня пугает нестабильность в России; здесь у меня работа, дом, родина»; «родина здесь, мне не нравится Россия» и пр.

Огромное же большинство членов группы (79,8%) дали ответы, рисующие различные грани **«притяжения Киргизии»**⁵. Таким образом, в структуре мотиваций тех, кто хотел бы уехать из республики, представлены два «ядра» — для одних людей наиболее существенна неблагоприятная, по их мнению, обстановка в Киргизии, для других, наоборот, преимущества переезда в Россию. А в ответах «остающихся» есть значимые отличия — здесь абсолютно доминировала аргументация в пользу жизни в Киргизии. Это признак того, что решение не переезжать в большинстве случаев не было принятым «от противного» — «раз уж в России плохо, придется остаться здесь».

Показательно и конкретное содержание тех аргументов, которые приводились людьми в оправдание своего выбора. **«Выталкивающий эффект» Киргизии** «раскладывается» на несколько компонентов, **лишенных, в большинстве своем, этнической окраски**. Наиболее сильное беспокойство опрошенных, судя по частоте упоминаний, вызывали неопределенность будущего детей (в общей формулировке — «нет будущего детям»; «отсутствуют всякие перспективы в устройстве будущего детей» или в более конкретной — «нет возможности получить хорошее образование детям и работу»). Таких ответов 10 из 70, полученных от желающих уехать. Такая же встречаемость опасений по поводу плохой социально-экономической ситуации и нестабильности («здесь отсутствуют нормальные материальные условия»; «нет стабильности экономической, боюсь потерять работу»; «не устраивает экономическое положение», «нет полной уверенности, что сохранится нынешнее положение русских»⁶; «боюсь, что талибы возьмут власть в свои руки»; «низкий уровень социальных гарантий»). Наконец, в семи ответах также говорится об отсутствии перспектив, но уже в более общем плане («здесь нет перспектив для нашей жизни»; «сложно жить, нет будущего»; «не вижу здесь будущего для себя и моей семьи»; «не вижу никакой перспективы»).

Обращает на себя внимание то, что лишь четыре человека назвали в качестве выталкивающих обстоятельства, которые можно трактовать как этнические («боюсь, что в определенный момент киргизы вспомнят, что они здесь хозяева, а мы чужие»; «чувствую себя неуверенно среди киргизов, боюсь межнациональных конфликтов»; «хочу, чтобы дети чувствовали себя равными и были равны»).

Что касается **«притяжения России»** (для «желающих уехать») и куда более весомого количественно **«притяжения Киргизии»** (для «остаю-

щихся»), то основные слагаемые этой притягательности по содержанию почти идентичны, представляя собой **различные комбинации эмоциональных и прагматических соображений**.

Речь идет, по сути, об универсальных, свойственных человеческой природе, закономерностях миграционного поведения (а это может быть и выбор в пользу миграции, и отказ от нее), основанных на различном сочетании эмоционального и рационального. Действительно, люди переезжают на новое место жительства или решают никуда не двигаться, если, соответственно, ощущают это новое (или старое) место своим домом, родиной, чувствуют свою общность с другими населяющими его людьми; если «там» (или «здесь») живут родственники, друзья, близкие люди, остались родные могилы и т. д. Аналогично, сюда неизбежно вклиниваются и прагматические соображения — «здесь» или «там» выше уровень жизни, выше шансы удачно устроиться в жизни (устроить детей), получить образование, хорошую работу, сделать карьеру или, по крайней мере, шансы не потерять то, что уже достигнуто. Заметим, что подобная подоплека миграционных решений свидетельствует об отсутствии (или, в данном случае, о затухании) миграций «пожарных», в явной степени вынужденных, с доминированием выталкивающих мотивов, в частности, этносоциальных и этнополитических.

Кстати, подобная структура ответов говорит о том, что постепенно **трансформировалась модель миграции**; люди научились извлекать для себя пользу из сложившейся ситуации на путях, альтернативных переселению в Россию, когда сжигаются все мосты и обрубаются все корни. Сначала — спонтанное движение в потоке; позднее — более индивидуализированный, рациональный выбор при широкой палитре вариантов, когда все более важным оказывается не давление внешних социально-политических факторов, а личные и семейные обстоятельства⁷.

Но вернемся к конкретным формулировкам. Желание выехать в Россию аргументировалось следующими главными моментами: 1) наличием там детей, близких родственников, необходимостью воссоединения семей; 2) ностальгией, чувством общности с исторической родиной. Наконец, для части респондентов важнее то, что в России больше социальных и экономических перспектив, в том числе и для детей:

- *можно лучше себя реализовать;*
- *чувствовал бы себя там увереннее;*
- *хотел бы иметь продвижение по служебной лестнице;*
- *хочу жить в большом городе и быть востребованным по профессии;*
- *может быть, там смогу работать по специальности;*
- *хочу хорошего будущего детям;*
- *там больше шансов дать образование детям;*
- *мне кажется, в России было бы лучше моей дочке, и устройство ее личной жизни, и учеба.*

Посмотрим теперь на аргументацию тех, кто хотел бы остаться в Киргизии. Ряд респондентов также указали на наличие в республике родственников, друзей, на то, что там похоронены родители и т. д. Далее, здесь гораздо выше удельный вес опрошенных (в сравнении с теми, кто испытывает чувство ностальгии вдали от России), выдвигающих аргументы «родины» — всего их больше половины. Во-первых, это те, кто прямо использовал в ответе слово «родина»; во-вторых, люди, которые в иных выражениях выражали свое чувство привязанности к Киргизии:

- дом не бросают;
- здесь у меня вся жизнь, родители, друзья — всё;
- здесь мои корни;
- я здесь вырос, мне нравится здесь жить;
- мне и здесь хорошо;
- мы выросли в этой стране, здесь я нужен людям;
- я люблю эту страну;
- здесь вырос, это моя земля;
- я не представляю жизни в другом месте;
- это мой дом;
- мне нравится здесь жить, и т. д.

Наконец, несколько выше, в сравнении с массивом соответствующих высказываний под рубрикой «притяжение России», удельный вес прагматических соображений и аргументов (16,8% и 12,8%):

- от добра добра не ищут;
- лучше чем в Киргизии, в России я не устрою свою жизнь — здесь работа, друзья, связи;
- доволен жизнью здесь;
- стабильности в Киргизии больше;
- здесь отмечается политическая стабильность;
- зачем мне что-то менять в своей жизни; здесь больше шансов устроить свою жизнь;
- мы вполне обустроены здесь, зачем нам срываться и что-то менять?;
- мне здесь комфортно;
- мы здесь имеем квартиры, работу; знаем здесь, как вести себя в той или иной ситуации, и т. д.⁸

На последнее обстоятельство хочу обратить особое внимание. Если восприятие России (в миграционном контексте) как страны с большими возможностями в принципе вполне естественно, несмотря на переживаемый ею (на момент опроса) затяжной экономический кризис, то формирование эффекта притяжения самой Киргизии, да еще в немалой степени рационально обусловленного⁹, контрастирует со

стереотипными представлениями миграционистов о том, что на полюсах выезда (т. е. в постсоветских странах) существует только эффект выталкивания. Своеобразным обобщением драматического опыта тысяч сограждан — уехавших ли навсегда, оставшихся в Киргизии или вернувшихся назад в годы наиболее активных переселений, могут служить слова одной из опрошенных в 1996 г. женщин и мужчины — возвратного мигранта, которого я интервьюировала в 1999 г.:

«У нас жить ничем не хуже, чем в России, во всяком случае — пока. Уезжающие в Россию остаются там ни с чем, а здесь у них было все необходимое для нормальной жизни. Да и россияне к этим приезжим относятся намного хуже, чем к нам киргизы»;

«Я заключаю так — меньше нужно эмоций, любых, позитивных, что нас там сильно ждут, и негативных, что нас здесь плохо принимают... Каждый живет так, как он себе это поставил. И там, и здесь трудно. Нужно сначала думать, проработать все варианты, а потом уж соваться».

Неоднородность русскоязычного сообщества отражается и на позиции экспертов, причем большую роль играет сфера профессиональных интересов того или иного специалиста. Закончить эту часть главы хотелось бы выдержками из бесед с двумя экспертами, мнения которых о положении русскоязычных Киргизии практически противоположны, хотя оценивали они одну и ту же ситуацию (интервью состоялись с перерывом в один день). Консул российского посольства Юрий Шаповалов высказался довольно пессимистически (3.10.96):

«Отсутствие перспективы является существенным, может, определяющим моментом в психологии русскоязычной среды сейчас. Хотя есть и такие, которые говоря, нет, мы отсюда никогда не уедем. Так как качество настроено, и люди, которые здесь глубоко вросли корнями. Но в массе своей люди настроены на отъезд, они ориентируются на него [замечу, что с результатами моих опросов данное наблюдение никак не согласуется — Н. К.]. Я лично не верю, что люди здесь станут сплоченной массой и будут бороться за свои права. Это мое личное мнение, а не мнение посольства... Настроя на то, чтобы жить здесь, работать, зацепиться, сплотиться, бороться за свои права совершенно нет»¹⁰.

Однако эксперт, сам понимая истоки некоторой смещенности своего видения ситуации, сделал следующее замечание:

«Но нужно иметь в виду, что у меня по этому поводу несколько больная психология, поскольку я принимаю здесь людей, и ко мне не приходят с радостными известиями. Ко мне приходят с трудными судьбами и чемоданным настроением. За четыре года это наложило отпечаток и на мое отношение. Поэтому нужно делать поправку».

Сказанное надо учитывать и при оценке других помещенных в книгу высказываний Ю. Шаповалова. А вот что ответил социолог Владислав Потоцкий на мою просьбу прокомментировать позицию тех «русских», которые не выбрали для себя миграционное решение (4.10.96):

«Теперь о тех, кто остается. Вот это ощущение, что поредели ряды, происходит потому, что уехали самые активные, самые беспокойные, которые у всех были на виду. Остались более спокойные, а их меньше заметно. Поэтому такое ощущение, что людей стало меньше, хотя на самом деле не очень уж уменьшилось... У подавляющего же большинства тех, кто остался здесь, настроение не чемоданное, а настроение просто жить... Выживать — это категория, когда уже слишком выжимают, а здесь все-таки другая ситуация, не та, чтобы нужно было выживать. Одиноких пенсионеров очень мало, поэтому у них всегда какая-то там поддержка, молодые дети и т. д., и таких одиноких очень немного. А в принципе, все готовы жить... И создавать элиту...».

«Что может заставить Вас уехать?»

Исключительно важный вопрос о перспективах сохранения в Киргизии значительного по размерам и демографически жизнеспособного русскоязычного сообщества будет рассмотрен здесь, в отличие от заключительной части книги, в более практической плоскости. Там я попробую очертить возможные траектории эволюции этого сообщества на основе имеющихся концепций взаимодействия большинства и меньшинств в полиэтничных и поликультурных социумах. Здесь же мы приглядимся повнимательнее к тому, как будущее русскоязычных и факторы, способные существенно изменить их судьбу в пределах одной конкретно взятой страны, интерпретировались обычными людьми.

Перелом миграционной ситуации в середине 1990-х гг. сказался на их восприятии новой этносоциальной реальности. Вот как оценивали респонденты будущее «русских» в Киргизии и возможные модели их поведения в 1992 г. (данные опроса Института этнологии РАН). Отвечая на закрытый вопрос «Как, по Вашему мнению, поведут себя в ближайшие годы русские, живущие в Вашей республике?», 42% респондентов-горожан посчитали, что «большинство постарается уехать»; 24% выбрали опцию «Большинство останется и будет бороться за свои права»; всего 14% верили в возможность адаптации русскоязычных к изменившимся социально-политическим условиям («Большинство останется и постарается приспособиться к сложившемуся положению»); наконец, не определившихся с мнением («Все будет зависеть от складывающихся обстоятельств») было 20%¹¹.

В 1996 г. мной были получены совершенно иные ответы на аналогичный закрытый вопрос «Какое из утверждений представляется Вам наиболее правильным?»: большинство (55,9%) выбрало вариант «Русские останутся и будут бороться за расширение своих прав»; адаптационный вариант — «Русские останутся и смирятся с существующей ситуацией», был следующим по предпочтительности (33,2%); а миграционный прогноз — «В ближайшее время все русские уедут из Киргизии» нашел совсем мало сторонников — 8,5%; 2,3% затруднились или не дали ответа.

В этой связи обращает на себя внимание не вполне корректное использование результатов опроса 1992 г. (причем одним из его авторов — Сергеем Савоскулом) без какой-либо «скидки» на совершенно очевидное изменение ситуации в этой стране за прошедшие годы. В 1998 г. он писал следующее: «В последней республике, как и в Казахстане, была гораздо выше, чем в других обследованных странах [опросы в которых состоялись позже. — *Н. К.*], доля полагающих, что большинство русских постарается в ближайшее время уехать из республики... В наименьшей мере (13–14%) прогнозировали адаптацию большинства местного русского населения русские респонденты Киргизии и Казахстана»¹². Еще большее сожаление вызывает то обстоятельство, что подобные выводы начали тиражироваться прессой для широкой публики, способствуя таким образом необъективному мифотворчеству. Вот, например, что можно было прочесть в рецензии на только что упомянутый сборник статей, опубликованной в 1998 г. в приложении к «Независимой газете»: «Наихудшая ситуация складывается **сегодня** [выделено мной. — *Н. К.*] в странах, которые традиционно считаются верными политическими союзниками России — в Киргизии и Казахстане, где, судя по данным социологических опросов, в адаптацию русских верят только 13–14% русских респондентов»¹³.

В анкету моего следующего обследования такой вопрос не включался, но во время экспедиций 1998 и 1999 г. будущее русскоязычных обсуждалось в ходе интервью — и с экспертами, и с обычными людьми. Общее направление их рассуждений сводилось к одному — при отсутствии мощных военных и социально-политических катаклизмов странового или регионального масштаба большинство русскоязычных останется в Киргизии, а аргументы приводились сходные с теми, которыми участники опроса объясняли свое желание остаться (наличие корней, чувство родины, экономическая устроенность и пр.).

Итак, хотя происходит интеграция немалой части русскоязычных Киргизии, у других сохраняется ориентация на отъезд, пусть во многом теоретическая, поскольку люди четко осознают, сколь многое связывает их со страной проживания и/или как трудно устроиться в России¹⁴. Когда и в каком режиме они будут реализовывать эти планы и будут ли

делать это вообще — зависело на протяжении изучаемого периода и зависит до сих пор от сложной конфигурации разнообразных и достаточно динамичных обстоятельств, **зачастую внешних по отношению к самой Киргизии или выходящих за рамки проблемы «киргизы—русские»**. Так, например, сценарий будущего России после ухода с политической сцены Бориса Ельцина, успешного ее прохождения сквозь рифы парламентских и президентских выборов 1999 и 2000 г. и преодоления последствий августовского кризиса уже давно не выглядит таким фатально неопределенным, каким он был в период проведения второго опроса (сентябрь 1998 г.). Отсюда, постепенный переход к устойчивому экономическому росту в России будет подхлестывать переселение туда русскоязычных из Киргизии, да и из других стран нового зарубежья уже не по этнополитическим мотивам выталкивания, а в первую очередь по соображениям экономической привлекательности.

«Материальная» составляющая стимулов к выезду будет становиться все весомее по мере ухудшения экономической ситуации в самой Киргизии. Годы, прошедшие после российского августовского кризиса 1998 г., были в этом отношении очень тяжелыми для страны и ее населения. На мой взгляд, именно наметившаяся с конца 1990-х гг. и все более явная разнонаправленность векторов экономического развития Российской Федерации и Киргизской Республики и стала одной из причин всплеска эмиграции в 2000 г. Характерно, что киргизстанские исследователи и официальные источники двух стран фиксируют заметную активизацию «выездных» настроений и среди киргизов, стремящихся попасть в Россию на заработки¹⁵.

На мой взгляд, самым серьезным фактором миграции русскоязычных, причем, в отличие от «экономики», способным спровоцировать не просто кратковременные колебания в масштабах оттока, а резкие и мощные «выбросы», могут стать чрезвычайные ситуации — военные конфликты, межэтнические столкновения, геополитические потрясения, резкая дестабилизация на страновом или региональном уровне, экологические катастрофы и пр. Речь идет о событиях, на фоне которых меркнут и последствия президентских выборов, и острота проблем выживания, и неудобства межгрупповых контактов, а набор индивидуальных адаптационных стратегий суживается до одной — бегства. Анализировать вероятность наступления подобных событий и их характер не входит в задачу социолога, но выяснить отношение к ним исследуемых сообществ просто необходимо. Ответы на вопрос «Если Вы не собираетесь сейчас уезжать из Киргизии, что может заставить Вас изменить решение?»¹⁶ показывают, что при прочих равных условиях русскоязычных не так-то и легко сдвинуть с места — безусловным лидером среди потенциально выталкивающих факторов, сильно опережающим все остальные (и в 1996, и в 1998 гг. его выбра-

ли 67% опрошенных), являются чрезвычайные ситуации, при которых «станет реальной опасностью жизни и здоровью семьи» (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, практически по всем наиболее существенным позициям, кроме первой, носящей витальный характер, показатели снизились. Снизилась решимость покинуть Киргизию в случае усиления дискриминации русскоязычных, а также при резком ухудшении положения в экономике (возможно, люди начали свыкаться с сложной экономической ситуацией, а также сыграл свою роль российский августовский кризис, совпавший с опросом по времени). Уже не таким значимым основанием для выезда стал и сугубо личный момент — отъезд всех родственников и друзей; это может объясняться тем, что по мере снижения миграционной активности такой отъезд стал восприниматься как событие менее вероятное, чем раньше. Потеря работы, усиление изоляции киргизстанских «русских» от России и заключение с ней договора о двойном гражданстве, не будучи для абсолютного большинства опрошенных весомыми причинами для

Таблица 1

**Отношение русскоязычных жителей Бишкека
к потенциально выталкивающим факторам
(по опросам 1996 и 1998 гг.; %) ***

Варианты ответа	Опрос 1996 г. (N=288)	Опрос 1998 г. (N=311)	Желающие остаться (1998 г., N=186)	Желающие уехать (1998 г., N=104)
Реальная опасность для жизни и здоровья	67,0	66,9	67,7	67,3
Усиление дискриминации русскоязычных	56,2	44,4	39,2	55,8
Угроза ислама	51,3	48,6	48,4	50,0
Резкое ухудшение экономической ситуации	33,0	19,0	18,8	21,2
Отъезд всех родственников и друзей	28,8	21,2	21,5	21,2
Усиление изоляции русских от России	16,7	6,8	6,5	8,7
Потеря работы	10,4	7,7	4,8	12,5
Договор с Россией о двойном гражданстве	3,1	2,9	3,8	1,9
Другое	2,1	13,2	14,5	7,7

* Сумма не равна 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько ответов (до трех).

миграции в 1996 г., еще в меньшей степени стали восприниматься таковыми два года спустя.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что между желающими уехать и остающимися практически отсутствуют различия в оценке двух главных выталкивающих факторов — **возникновение опасности для жизни и рост влияния ислама** (последний, кстати, переместился в 1998 г. на второе место по значимости — но об этом несколько ниже). Эти факторы, по сути, вне контроля не только индивида или группы, но и, как справедливо опасаются респонденты, даже официальных структур, правительства, международных организаций и пр. Но есть две позиции, по которым мнения существенно расходятся, отражая различия в том, насколько люди видят себя способными управлять ситуацией, воздействовать на нее. Так, желающие остаться заметно менее восприимчивы к возможному «усилению дискриминации русских на производстве и в социальной сфере» (так была сформулирована эта опция в анкете) — это подтверждает уже ранее высказанную и подтвержденную рядом опросных и «качественных» данных мысль, что **этническое маркирование людьми явлений окружающей жизни и восприятие ими своих проблем как «этнических» носит во многом ситуативный и субъективный характер**. В данном случае мнение остающихся может быть связано с тем, что, во-первых, они работают в тех сферах, где дискриминации практически нет — например, в русскоязычном бизнесе или на крупных предприятиях (объективный момент); во-вторых, они менее остро (или реже) ее ощущают и/или готовы ею пренебречь в рамках избранной ими более широкой интегративной стратегии (субъективные моменты). А потеря работы гораздо меньше пугает желающих остаться потому, что они в принципе лучше адаптируются к условиям рыночной экономики, лучше, судя по опросам, «устроены» (подробнее эти сюжеты рассматриваются в разделе II). Пугает этот момент немногих, но разрыв между двумя группами велик — почти в три раза.

Стоит сказать несколько слов о том, какие ответы попали в рубрику «другое», в 1998 г. достаточно весомую. Как известно из практики опросов, популярные, но не указанные в анкете мнения обычно «сваливаются» в спасительную корзину под названием «другое». Тут же не возникло никаких содержательных сюрпризов такого рода. Ответы выбравших «другое» можно свести к четырем группам (кроме четырех «не знаю»). Первая — личные причины возможного отъезда («изменения в семье»; «только если уедет мой муж»; «если Бог позовет» и пр.). Вторая (семь человек) — здесь зафиксировано твердое желание не уезжать ни при каких обстоятельствах («не уеду»; «не собираюсь, ничто не может заставить меня уехать»; «уже ничего»; «никуда не поеду при любой ситуации»; «врод ли это возможно»; «наверное, ничего, так как

я считаю себя коренным жителем» и т. д.). Ответы третьего типа представляют собой вариации на тему «потрясений и опасностей», но в более жесткой и конкретной форме: «когда будет война или открытые враждебные действия по отношению к русским»; «если выгонят на пинках или гражданская война»; «если начнется война и именно против русских»; «все потеряю и жизнь здесь станет невозможной»; «война» и пр. Наконец, ответы четвертого типа связывают переезд не с выталкивающими из Киргизии факторами, а с появлением хороших возможностей устроиться в России (шесть человек): «если там будет где жить и работать»; «если найдем работу хорошую и квартиру»; «возможность уехать»; «станет легче там жить» и пр.

Особо надо остановиться на **факторе ислама**, который в 1996 г. занимал третье место по «силе выталкивания», плотно примыкая к «усилению дискриминации русских», а в 1998 г., как уже отмечалось, переместился на второе место. Хотя в процентном отношении эту опцию (она формулировалась так: «влияние ислама станет угрожающим») выбрали в обоих случаях существенно меньше людей, чем опцию «станет реальной опасностью жизни...», логически понятно, что ассоциации эти два обстоятельства вызывают очень схожие — социальные потрясения и отсюда возможность насилия, погромов и пр. Вначале событийной основой подобных опасений было угрожающее целостности границ СНГ движение талибов. Помню осень 1996 г., время проведения первого опроса, когда талибы вели себя особенно наступательно, эта тема оживленно обсуждалась по местному телевидению, в прессе, на улицах, в магазинах и в транспорте, а знакомые, узнав, что наша экспедиция намерена ехать далее в Таджикистан, дружно делали «страшные глаза» и принимались отговаривать.

Тлеющий очаг нестабильности на южных границах СНГ вылился в конце лета 1999 г. и в 2000 г. в реальные вспышки насилия и военные столкновения с террористами, которые приобрели опасно систематический характер и потребовали активных политических и военно-организационных акций со стороны России и заинтересованных стран Центральной Азии. В массовом сознании эти и подобные происшествия накладываются на страх перед «исламским фундаментализмом». Трудно ожидать чего-то другого от обычных граждан, когда даже информированные эксперты в периоды обострения ситуации на южных границах региона выглядели очень встревоженными. Вот, например, как отреагировал Арон Брудный на мою просьбу дать прогноз миграционному поведению русскоязычных, напрямую связав его с внешним фактором (7.10.96):

«Сейчас я не знаю. Как только генерал Дустум капитулирует, отсюда начнет отток. Здесь война вряд ли угрожает, но то, что мы не имеем прямой границы с Россией, оказывает негативное влияние. Будь здесь

территориальный коридор, вообще все было бы нормально. Но сейчас предсказаний относительно стабилизации миграционного процесса я делать не могу. Поскольку стоит Дустуму уйти из тоннеля, уже сразу начнется. Сейчас состояние крайне неустойчивого равновесия...».

Кроме событийной основы, существует и идеологически-пропагандистская, причем воздействие тут тоже идет извне. Тот же А.Брудный следующим образом сформулировал причины соответствующих настроений русскоязычных (18.09.98):

«Н. К. Я делаю сейчас второй опрос, по аналогичной анкете; два года прошло, и тем не менее страх перед исламом остается очень сильным, главное, что их может отсюда выгнать...»

А. Б. Эта правда.

Н. К. Откуда это идет, как Вы считаете? Это ведь же Киргизия, это не Узбекистан.

А. Б. Я думаю, что источник этих страхов внешний, что существуют определенные круги, в сущности заинтересованные в миграции.

Н. К. То есть Вы считаете, что религиозный страх нагнетается искусственно?

А. Б. Безусловно.

Н. К. То есть никакого хоть медленного, но верного роста интереса к исламу в Киргизии не наблюдается?

А. Б. Знаете, тут различия... Рост интереса к исламу, он имеет свои материальные корреляты, огромное количество мечетей построено, рост посещаемости... резко вырос, особенно в сельской местности, но мне представляется, что есть такие круги, которые используют ислам скорее как инструмент; учитывая, что киргизы — это люди очень восприимчивые к культурным веяниям, они умело это используют. Я имел возможность говорить с представителями того же Пакистана, правда, в Казахстане, но это же общая линия, и они мне в тактичной форме, не только мне, там было много народу, все интеллигентные люди, посол США был, и они мягко утверждали, что фундаментализм — в нем ничего плохого нет, что это люди просто хотят погрузиться в свою религию. Но мы-то знаем, что это на самом деле не так. Как и повсюду, ислам выступает скорее как некий политический инструмент.

Н. К. Эти круги в Киргизии или они как бы подпитываются извне? Это исламские государства?

А. Б. Я не утверждаю, что именно исламские, ведь Турцию нельзя назвать исламским государством; она весьма светское государство, но она очень большую роль тут сыграла, и здесь ислам играет роль фактора, вытесняющего русских, а в этот вакуум, естественно, придет <она>...

Н. К. То есть тут экономические интересы и так далее...

Бишкекская мечеть, 1998 г.

А. Б. Безусловно.... Я бы еще сказал так, что здесь никто не заинтересован в конфессиональных столкновениях, я говорю о Киргизии, но рост исламского фактора все-таки происходит. Конечно, медленнее, чем в другой центральноазиатской республике, но есть. Как политический фактор. Я думаю, основное тут зависит от США и Турции, от их политики».

К концу 1990-х гг., по данным моих опросов, наметилась определенная тенденция к нарастанию страха перед исламом среди русскоязычных (хотя, естественно, этот вывод нуждается в проверке на основе целенаправленных исследований). Респондентам, отвечающим на вопрос о выталкивающих факторах, предлагалось в обоих случаях проранжировать выбранные опции по степени значимости. В 1996 и в 1998 гг. больше всего людей поставили на первое место всю ту же «опасность для жизни» (39,2 и 35,5% соответственно); далее в 1996 г. в качестве главной причины возможного выезда назывались «усиление

дискриминации» (17,0%) и «угроза ислама» (11,8%). А в 1998 г. два последних фактора поменялись местами, и уже почти в два раза больше респондентов (23,6%) сочли, что ислам — это то, из-за чего они уедут с наибольшей вероятностью (а «дискриминацию» назвали первостепенной причиной лишь 12,5%).

Как мне представляется, постоянный фоновый страх перед исламом, исламским терроризмом и пр., на который наложились события лета 1999 г. и 2000 г. на юге Киргизии (фактор Чечни и общемировые тенденции тоже сыграли тут свою роль), и стали второй «внешней» причиной, наряду с экономическим ростом в России, обусловившей оживление миграции русскоязычных в 2000 г.¹⁷ Говоря точнее, эти моменты оказались дополнительным стимулятором для тех, кто в принципе хотел бы уехать и в еще большей степени для тех, кто в течение нескольких лет прицельно готовился к отъезду.

Как известно, важнейшими новыми вехами в цепи развития событий «вокруг мирового ислама» стало 11 сентября 2001 г., последующий разгром движения «Талибан» в Афганистане и начало/усиление военного присутствия США/России, а также инициированных последней региональных структур в некоторых частях бывшей советской Центральной Азии. Все это, несомненно, способствовало успокоению общественного мнения, по крайней мере, на первых порах. В дальнейшем же выявилась незавершенность афганской и иракской военных кампаний. Религиозный экстремизм и терроризм остаются суровой реальностью жизни региона, подпитываясь не только извне, но, самое главное, имея в республиках стабильную (если не расширяющуюся) социальную основу в виде постоянно нищающего населения. Это относится и к Киргизии. На данное тревожное обстоятельство еще в 1996 г. обратила мое внимание Замира Сыдыкова (18.10.96):

«Н. К. А что Вы думаете об отношении в Киргизии к исламу? Есть какие-то опасения?»

3. С. Есть, могут быть, как раз связанные с экономической ситуацией. Плохо, тяжело. А вот ислам, мечеть, она более-менее кормит, раздает одежду... как-то Вы знаете, ведь все находятся в состоянии депрессии полной, кто-то куда-то ударяется... один пьет, второй наркотики там, а третий идет в мечеть. В церковь, в мечеть, они вот уходят, уходят, уходят... Они уходят из-под контроля, понимаете?»

О возможности возникновения опасной связи между «экономикой» и религиозным экстремизмом в Киргизии (несмотря на ее «внутреннюю» относительно низкую исламизированность, в первую очередь, на севере страны), говорил и историк Владимир Мокрынин. Во время одной из наших бесед он размышлял, в сравнительном контексте, о киргизском исламе (22.09.98):

Импровизированное медресе в здании бывшего детского сада с. Григорьевка, Иссык-Кульская обл., 1998 г.

Новая мечеть в с. Темир, Иссык-Кульская обл., 1998 г.

В современной Киргизии можно найти немало внешних проявлений роста интереса к исламу, но все еще остается открытым вопрос о том, стал ли он образом жизни и мыслей киргизского населения, особенно на севере страны.

В. М. До чего доходило? Встретились на ярмарке... киргизские ма-
напы и казахская знать. Казахи были больше мусульмане. Они спрашива-
ют киргизов — вы что, мусульмане? Мусульмане. А кто у нас пророк? Они
не знают. Они этого не знают. Это же первая сура Корана — ...и Му-
хаммед пророк его. И этого не знают, а без этого не становятся мусуль-
манином...

Н. К. Да, да...

В. М. Поэтому, если я вижу в узбеке какое-то противодействие, ка-
кое-то внутреннее неприятие...

Н. К. Неприятие чего?

В. М. Всего советского, русского, я отношу это только на счет ис-
ламских традиций, которые там более развиты, более укоренены. Они
составляют суть внутреннего мирозерцания этого народа. Тут уж ни-
чего не поделаешь.

Н. К. А к киргизам это не относится?

В. М. Почти не относится, почти не относится. Может быть,
у южных киргизов что-то есть, а у северных ни капельки совершенно...

Н. К. То есть Вы их сильно различаете?

В. М. Они отличаются как небо и земля...».

Затем я спросила, почему в русскоязычных сидит такой страх пе-
ред исламом, притом, что они живут в основном в северных частях
страны и контактируют с северными киргизами.

В. М. Безусловно, это все связано с фундаментализмом исламским...

Н. К. ...который к киргизам никакого отношения не имеет...

В. М. Абсолютно. Должен сказать, что ислам сам по себе общече-
ловеческая религия... Это очень приличная религия, религия единобожия,
вот и все. Но есть исламские секты, секты дикие, конечно.

Н. К. Включая ваххабитов?

В. М. Включая ваххабитов. То есть непримиримые, джихады посто-
янные... их не признают сами мусульмане. И у нас основы такой мусуль-
манской, для того, чтобы человек взял оружие, нету, но пока он сыт.
А сейчас в деревнях у нас ой как тяжело. В районах очень тяжело. Они и
денег не видят, и риса не видят, и муки не видят...

Н. К. Вы имеете в виду развал сельского хозяйства?

В. М. Конечно. Раньше они привыкли — был колхоз-совхоз. Он как-
то кормил. Причем я ведь ездил по всем районам и все видел. Заезжаешь
в юрту к скотоводу, к любому чабану — у него несколько мешков муки
стоят, мешок сахара, обязательно, ящик чая, а мясо у него свое, все обес-
печено... Тут же женщины сделают лапшу, тут же отварят мясо, пре-
красная пища. Каймак...

Н. К. Это сметана?

В. М. Да, только снятая с кипяченого молока. Тут же жена испекла лепешки, на том же казане, горячие, чай... Ну что еще нужно человеку? А сейчас ничего этого нет, нет.

Н. К. А скотоводство тоже в упадке? Они ведь все раздали, тысячи овец...

В. М. Оно настолько в упадке, что надо еще спросить, сколько к этой осени съели овец, сколько попало на базар и сколько еще осталось...».

Живое дыхание тревожных дней августа-сентября 1999 г., когда через южные районы Киргизии в Узбекистан пытались прорваться исламские боевики, чувствуется по фрагменту более позднего интервью (26.08.99). В. Мокрынин, сокрушаясь по поводу все более бедственного положения населения, перешел к социальной, а затем и геополитической дестабилизации в регионе как его возможным следствиям. Приведу этот достаточно пространственный фрагмент, ведь актуальность затронутых в нем проблем, хотя бы с точки зрения «связки» бедности, религиозного экстремизма и социальных потрясений, все еще очень высока. А начали мы беседу с обсуждения перспектив президентской кампании 2000 г.:

«В. М. Эпоха Аскара все равно подходит к концу...

Н. К. То есть у него шансов не очень много, Вы считаете?

В. М. Не очень много. Ну Вы посмотрите, нищета же полная. В деревнях очень плохо, совсем плохо.

Н. К. У русских? Или у киргизов?

В. М. У киргизов еще хуже, чем у русских.

Н. К. Все-таки они выживают за счет своих роскошных садов?

В. М. Да. И за счет того, что они на земле могут работать... А у киргизов еще хуже, очень плохо.

Н. К. А в городах как?

В. М. В городах тоже плохо, но вот в Бишкеке все как-то крутится, понимаете, а в других городах очень плохо.

Н. К. Вы имеете виду, в маленьких, которые вокруг одного предприятия построены...

В. М. Да.

Н. К. А на юге?

В. М. То же самое [говорит очень озабоченным голосом. — Н. К.]. И еще и военные действия начались... Я очень не уверен, что некоторые не примкнули к этому.

Н. К. Кто?

В. М. Ну, ваххабитов там полно.

Н. К. Именно киргизских, или среди ваших узбеков?

В. М. И среди наших узбеков, и среди наших киргизов. Мы вчера были на одной конференции... Там очень бегло, но очень правильно один парень

сказал, что идея талибов мгновенно найдет поддержку у нас, на юге нашей республики.

Н. К. А он с юга был?

В. М. Да. Талибы очень пропагандируют социальную справедливость, социальное равенство, а у нас как раз это в таком завале, в таком завале, в таком ужасе...

Н. К. И это в южных районах... и что это будет, сепаратистские какие-то движения?

В. М. Я не знаю, что будет. Мы только видим это вторжение... сейчас уже три кишлака, уже <название населенного пункта, неразб.>, а это, знаете, совсем близко к дороге, которая ведет из южной Киргизии в Ташкент, в Ленинабад. Если они ее перережут и возьмут под контроль, это будут большие неприятности. Мы же даже не знаем, сколько их там, одни говорят — 50, другие — 500... Они даже не знают, сколько их там... Сегодня я слышал рано утром, что Аскар отказался от помощи иностранной, мы сами задавим... Да господи ты боже мой! Один душман погонит всю твою президентскую гвардию, которая шагает там перед тобой, понимаешь...

Н. К. Я все-таки думаю, что он к России обратится, и эта помощь будет оказана.

В. М. Россия должна оказать эту помощь, потому что мы же совершенно беззащитны, ребята должны помочь, иначе мы пропадем здесь. Это они сейчас в Баткенском районе, а завтра...».

Итак, если посмотреть как бы с птичьего полета на ситуацию с русскоязычными в ближнем зарубежье в первые десять-двенадцать постсоветских лет, напрашивается следующий вывод. Возможно, именно Киргизия в четко оформленном виде демонстрирует те закономерности их мировосприятия и поведения, которые свойственны и большинству других стран, но в сглаженной форме. Лавинообразное нарастание оттока в начале и первой половине 1990-х гг. в условиях краха всех прежних устоев и потери прежнего статуса; затем, к середине десятилетия, постепенное вступление в силу адаптационных механизмов, прежде всего на индивидуальном уровне, на фоне «утрашки», успокоения **внутренней** (страновой) ситуации, и отсюда быстрое снижение миграции до весьма скромных величин (особенно нетто-миграции); наконец, «перебивка» этой уже достаточно прочной тенденции появлением на сцене **внешних** возмутителей спокойствия. Это, во-первых, усиление экономической привлекательности России — фактор, способный, при обретении им устойчивости, все более интенсивно оттягивать туда русских, русскоязычных и представителей других групп, включая титульные, из многих постсоветских государств (кроме Балтии и, в самые последние годы, возможно, Казахстана).

Во-вторых, региональный «исламский фактор», продолжающий нести большой заряд нестабильности для всей Центральной Азии, особенно на фоне нарастающих экономических неурядиц, настигших какие-то страны раньше, а какие-то (Киргизию) — позже... Собственно, книга и посвящена воссозданию социологическими красками картины зарождения и развития внутренней составляющей описанной модели.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Представления о родине подробнее рассмотрены в главе об идентичности (см. раздел III), а также в заключительном разделе книги.
- ² В эту группу в данном случае включены не только те, кто теоретически хотел бы уехать, но и небольшое число без пяти минут мигрантов, а также респонденты, желающие, или уже готовящиеся, к выезду в страны дальнего зарубежья.
- ³ Поскольку в ответах некоторых респондентов указывалась не одна, а две различных причины того или иного миграционного поведения, единицей подсчета служат в данном случае не люди, а некие смысловые единицы.
- ⁴ Кроме того, 8,6% ответов попали в рубрику «разное», а 5,7% принадлежат тем, кто уезжает в дальнее зарубежье.
- ⁵ До 100% структуру ответов этой группы дополняют 4,6%, помещенные мною в рубрику «разное», а также 2,2%, фиксирующие ту мысль, что в России «никто не ждет».
- ⁶ Точности ради отметим, что этот же респондент, на момент опроса недавно переехавший в Бишкек из Узбекистана в поисках, по его словам, более спокойной жизни, ответил на вопрос «Чем Вам нравится Киргизия?» следующим образом: «стабильным положением русских».
- ⁷ При этом учитываются не только материальное благосостояние семьи, возраст и профессиональная квалификация ее трудоспособных членов, но и наличие детей, их возраст и пол (от этого зависит, насколько остра для данной семьи проблема образование, службы в армии и пр.); присутствие в семье пенсионеров (оформив российский гражданство, они могли пополнять семейный бюджет, по крайней мере, до российского кризиса осени 1998 г., неплохой по местным меркам пенсией); наличие престарелых родственников (на них можно было оставить квартиру или дом при переезде в Россию и создать таким образом плацдарм для возвращения), и т. д.
- ⁸ Реакции женщин и по структуре, и по содержанию почти не отличаются от ответов мужчин. В ответах респонденток, которые хотели бы уехать, также присутствуют два крупных «ядра — «выталкивание Киргизии» (45,1%) и «притяжение России» (35,2%). Здесь немного чаще встречаются этнически окрашенные аргументы против жизни в республике (7 из 71). Главные же аргументы женщин, желающих остаться (чуть больше 75,0% ответов), связаны опять же с позитивным восприятием Киргизии — как места, где живут близкие люди (14,6%), как родины и «своей», родной земли (около 44%) и, наконец, как страны, где «жизнь нормально устроена» (16,4% ответов).
- ⁹ Если говорить точнее, слово «формирование» относится прежде всего к «рациональному» притяжению Киргизии. Что же касается чувства дома и родины, то они и ранее были широко распространены здесь среди русскоязычных (это видно и по моим исследованиям начала и середины 1990-х гг.), ведь в силу исторических особенностей колонизации республики многие из них являются местными уроженцами, да еще и не в первом поколении. Другой вопрос, что для определенной части русскоязычных (в первую очередь желающих уехать) выталкивающие обстоятельства могли перевешивать любовь к родине).
- ¹⁰ Хочу заметить, что перечисленные цели русскоязычных не стоит рассматривать «в куче»; «жить, работать, зацепиться», как показывают мои исследования, намерены мно-

гие, а вот «сплотиться» именно как особая группа и в этой роли «бороться за свои права» они действительно не очень стремятся, чему есть важные исторические и социальные объяснения (см. подр. раздел IV) и что отнюдь не противоречит интеграционным усилиям на индивидуальном уровне.

¹¹ Русские в новом зарубежье... С. 47.

¹² *Савоскул С.* Русские переселенцы и Россия: взгляд из нового зарубежья // Вынужденные мигранты и государство. Под ред. В. А. Тишкова. М., 1998. С. 290, 291.

¹³ Ex libris НГ. М., 1998, 26 ноября.

¹⁴ Тут важно иметь в виду, что в 1998 г. в группе людей, склоняющихся к отъезду, но колеблющихся, больше всего было тех, кого отталкивала ситуация в России — «хотел(а) бы уехать, но это вряд ли получится из-за трудностей переезда и обустройства» (56,2%), а для 36,2% важным было притяжение Киргизии («хотел(а) бы уехать, но меня многое здесь удерживает»). Похожим было распределение ответов и в 1996 г.

¹⁵ В 1994–1997 гг. из страны в поисках работы уехало около 200 тыс. киргизов; в последующие годы эта цифра, по различным оценкам, выросла в несколько раз (см., напр.: *Элебаева А.* Миграционная ситуация в постсоветском Кыргызстане: общая характеристика, тенденции, типы // Центральная Азия и Кавказ. Luleå, 2002. № 6; Kyrgyzstan Review (дайджест прессы). Бишкек, 19–24 января 2004 г. С. 15–16; 2–8 февраля 2004 г. С. 16; 9–15 февраля 2004 г. С. 16). Усиление трудовой миграции в Россию автохтонных для региона групп типично в последние годы не только для Киргизии, но и для других, еще более бедных стран — Узбекистана и Таджикистана.

¹⁶ На это вопрос отвечали все участники опросов 1996 и 1998 гг., кроме тех, кто реально готовился к отъезду или в Россию, или в страны дальнего зарубежья.

¹⁷ Аналогичное мнение, касающееся связи миграции с региональными проявлениями «исламского фактора», высказывалось и в российской научной литературе (см., напр.: Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 2002. С. 141; *Савоскул С. С.* Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М., 2001. С. 429).